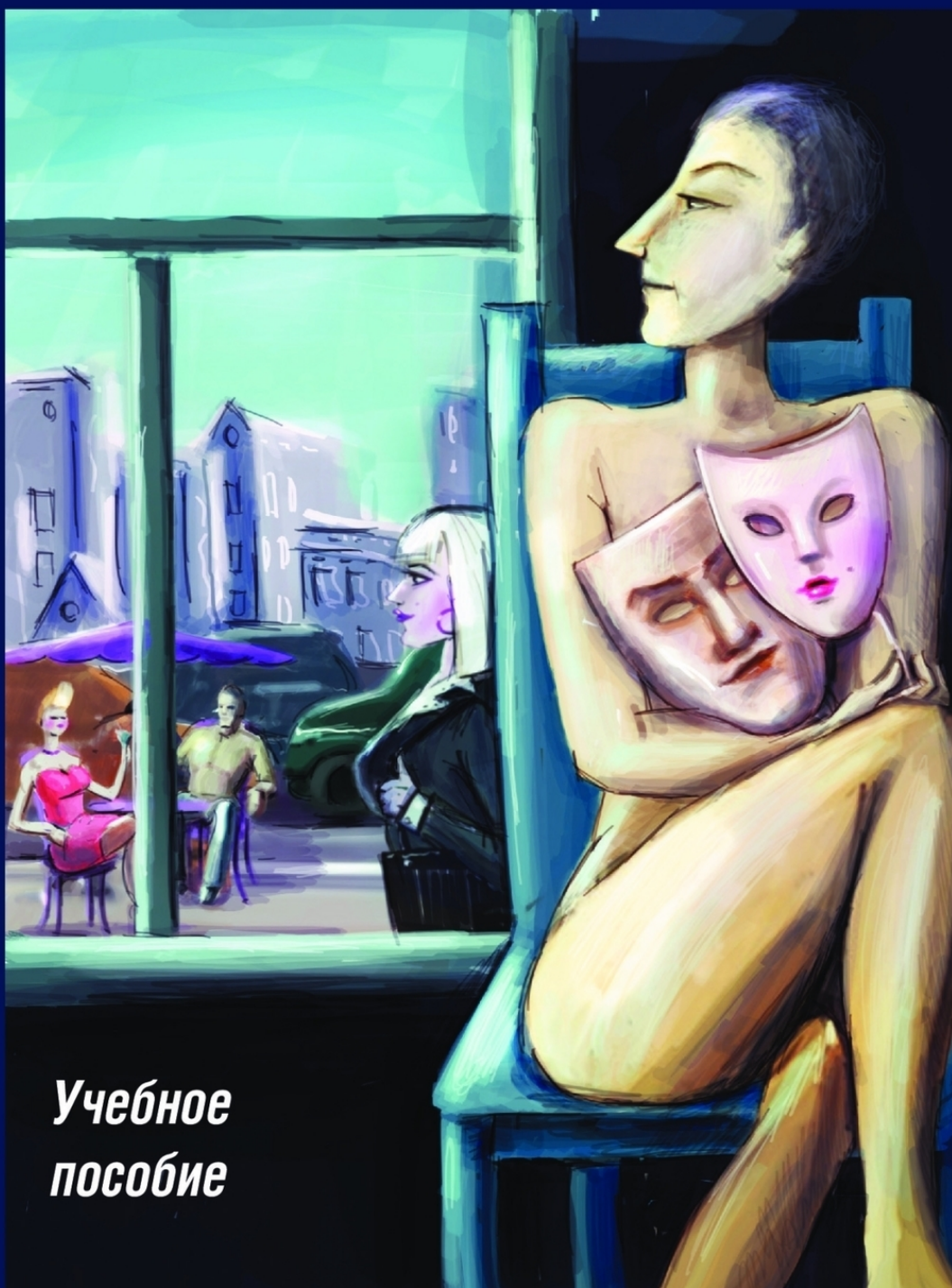

Н.В. Дворянчиков, С.С. Носов, Д.К. Саламова

ПОЛОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ И МЕТОДЫ ЕГО ДИАГНОСТИКИ

*Учебное
пособие*

18+

Николай Дворянчиков

**Половое самосознание и
методы его диагностики**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Дворянчиков Н. В.

Половое самосознание и методы его диагностики /
Н. В. Дворянчиков — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Половое самосознание является одной из базовых характеристик индивидуальности и тонким индикатором психологического здоровья. В работе впервые и в полном объеме приведены недоступные ранее для широкого круга читателей оригинальные модификации психологических методик диагностики сексуальной сферы. Для студентов психологических факультетов, клинических психологов, психологов-практиков, а также широкого круга специалистов в области психического здоровья.

Введение

Вопросы изучения процессов психической адаптации и места психологического пола в ее структуре являются актуальными для решения ряда научно-практических задач, требующих междисциплинарного подхода и связанных с социализацией и регуляцией поведения. Пол, являясь фундаментальной характеристикой, обнаруживает специфические особенности на всех уровнях функционирования каждого индивида, а связанные с полом характеристики самосознания служат важным индикатором психологического здоровья и благополучия личности.

Начиная со второй половины прошлого столетия проблеме половых различий посвящается множество публикаций, но, несмотря на нарастающие темпы исследований пола в психологии, некоторые аспекты остаются недостаточно изученными. Такое положение обстоит с проблемой практического изучения составляющих полового самосознания. Обилие теоретических подходов, сопровождающихся разнообразием терминологического содержания, его частой неоднозначностью и несогласованностью, множество концепций и взглядов на половой диморфизм и аспекты всего «гендерного» сталкиваются с ощутимым дефицитом конкретных диагностических методов и приемов. Эти инструментальные методы должны помочь специалистам проникнуть в сферу сознательных и бессознательных переживаний испытуемого, получить адекватную информацию об особенностях конкретного субъекта в оперировании информацией гендерного характера в отношении самого себя и в отношении окружающих его людей.

Очень остро эта проблема стоит в области экспертной деятельности психолога, особенно когда существует необходимость в применении специального «направленного» психологического исследования, которое позволило бы более дифференцированно оценить нарушения сексуальной сферы, объяснить существующие поведенческие девиации, сформулировать прогноз регуляции сексуального поведения. Кроме того, методики исследования полового самосознания играют большую роль в решении вопросов юридического характера, в частности, при исследовании способности к пониманию действий сексуального характера и сопротивлению у потерпевших и свидетелей. Применение таких методов может способствовать вынесению оценочных решений об их способности воспринимать обстоятельства сексуального деликта, понимать характер и значение совершаемых в отношении них противоправных действий.

* * *

Составление этого пособия и описание методического инструментария (в большинстве своем авторского) направленной психологической диагностики полового самосознания опираются на материалы опубликованных научных исследований, а также многолетний опыт работы клинических психологов лаборатории судебной сексологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии (ГНЦССП) им. В. П. Сербского.

* * *

Хотелось бы выразить особую признательность и благодарность тем, без чьего участия эта работа не состоялась бы: д-ру мед. наук А. А. Ткаченко, д-ру мед. наук Г. Е. Введенскому, канд. психол. наук С. Н. Ениколопову, д-ру психол. наук Ф. С. Сафуанову, канд. психол. наук Т. Л. Бессоновой, канд. мед. наук А. А. Северному, А. В. Герасимову, Е. А. Мальковой, Ч. Ф. Расуладзе и многим другим.

Глава 1

ПОЛОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ

КАК ИНДИКАТОР

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

1.1. Половые различия

Изучению проблем адаптации и адаптивного поведения посвящено множество работ. В некоторых наиболее современных из них уделяется внимание полу и половым различиям как важному фактору адаптации, что является очень перспективным направлением исследований в области психологического здоровья.

Согласно работам И. С. Кона (2006) пол можно определить как совокупность взаимно контрастирующих генеративных и связанных с ними признаков, неодинаковых у разных видов и подразумевающих не только репродуктивные свойства, но и весь спектр полового диморфизма, т. е. расхождение анатомических, физиологических, психических и поведенческих черт особей данного вида в зависимости от пола. При этом одни половые различия являются контрастирующими, взаимоисключающими, а другие – количественными, допускающими многочисленные индивидуальные вариации (Кон И. С., 2006).

Существующие исследования показывают дискуссионность и неоднозначность взглядов на эту проблему. Многие авторы полемируют по поводу соотношения биологических и социальных факторов в детерминации половых различий в психической сфере, но все исследователи признают значение этих факторов для адаптационных процессов.

Кроме того, в контексте рассмотрения особенностей адаптационно-регулятивной системы и особенностей поведения любого индивида необходим анализ полового диморфизма. Включение этого анализа в целостную структуру системы адаптации дает возможность по-новому взглянуть на механизмы дезадаптации, на особенности защитного поведения, на возможности компенсации нарушений, на формирование прогноза. Именно поэтому мы опираемся на модель психической адаптации, которая образует единую динамическую систему и интегрирует в себе биологические и социально-психологические факторы половых различий (Носов С. С., Дворянчиков Н. В., 2004).

Известно, что система, обеспечивающая адаптированную психическую деятельность, как и любая другая функциональная система, представляет собой определенную совокупность связанных между собой подсистем. Система психической адаптации характеризуется многоплановостью самоорганизующихся подсистем, которые между собой могут быть как ассоциативно дополняющими, так и конкурирующими. Эти подсистемы имеют неодинаковое звучание в общей иерархии подсистем и различаются разной степенью сложности своего структурного построения, различными возможностями автономной активности, своеобразием и взаимозависимостью.

Ю. А. Александровский (2000) указывает, что при любом психотравмирующем воздействии прежде всего страдает наиболее сложная и социально-детерминированная форма реагирования человека на окружающее. Однако следует помнить, что адаптированную психическую деятельность детерминируют не только социально-психологические, но и многие другие механизмы, обеспечивающие жизнедеятельность человека (например, биофизиологическая, в том числе и психофизиологическая адаптация).

Согласно концепции П. К. Анохина (1975), в случае адаптированной психической деятельности принятие решения предполагает учет ожидаемого будущего результата, в соответствии с моделью которого строится «поведенческая программа». В случае же психотравмирующих и конфликтных ситуаций, проходящих с преобладанием отрицательных эмоций, происходит более энергичный поиск способа удовлетворения потребности. Это может привести к нарушению афферентного синтеза, рассогласованию аппарата оценки результата действия и в конечном итоге – к искаженной оценке ситуации и неправильному поведению (Анохин П. К., 1975). Примерно так выглядит нейрофизиологическая схема механизмов, приводящих к психической дезадаптации.

Раскрывая механизмы дезадаптации, уместно принять во внимание взгляды А. И. Воложина и Ю. К. Субботина (1999). Опираясь на принципы системного подхода, они утверждали,

что компенсаторные реакции при различных патологических состояниях являются наиболее генерализованными, поэтому как бы перекрывают адаптивные признаки. Результат этого – возможность отмечать среди патологических также и компенсаторные проявления, значительно искажающие клиническую картину болезни (Воложин А. И., Субботин Ю. К., 1999).

Исходя из всего вышесказанного, вслед за Ю. А. Александровским (2000) можно представить иерархизированную схему психической адаптации, которая включает в себя ряд звеньев: социально-психологические контакты; поиск, восприятие и переработку информации; обеспечение бодрствования и сна; эмоциональное реагирование; эндокринно-гуморальную регуляцию; другие подсистемы.

Каждая из указанных подсистем является лишь частью, большей по биологической и социальной значимости всей функциональной системы психической адаптации человека. Если обобщить совокупности подсистем, среди типов адаптации человека можно выделить прежде всего биофизиологический (психофизиологический, эндокринно-гуморальный и т. п.) и социально-психологический тип (особенности самосознания личности, сфера межличностных отношений, социализация и т. п.).

Система психической адаптации динамична, всегда находится в развитии. На протяжении тысячелетий человеческой истории и в жизни каждого человека трудовая деятельность, развитие общества оказывают постоянное воздействие на биологическую базу, обеспечивающую психическую адаптацию человека. Стереотипы поведенческих реакций, возникавших раньше у человека на основе инстинктивных реакций на раздражители, в процессе развития социума заменяются все более сложными (социальными) и эволюционно более новыми психическими актами, «дающими возможность в новых, повторяющихся ситуациях изменять способы реагирования организма на раздражители окружающей среды» (Ярошевский Т. М., 1975, с. 23).

Ведущие и второстепенные подсистемы и звенья психической адаптации не только обеспечивают эволюцию деятельности друг друга, но и постоянно дополняют возможности их активности. На разных этапах субдеадаптированного состояния биологические и социально-психологические компоненты системы психической адаптации взаимно компенсируют возможные нарушения каждой из них путем интегративных связей между ними.

Биологические и социально-психологические факторы играют далеко не равнозначную роль в происхождении отдельных видов психической дезадаптации и несут в себе возможности компенсации нарушенного типа адаптации путем подключения специальных регулятивных систем (психологических защит) и гиперадаптированности сохранной адаптационной подсистемы.

Для каждого из вышеперечисленных типов адаптации, входящих в общую структуру психической адаптации, существуют специфические особенности, имеющие корреляции с полом человека.

Так, рассматривая уровень биофизиологической адаптации, следует отметить, что к поведенческим особенностям психофизиологического характера, имеющего корреляции с полом человека, можно отнести известные факты лучшей переносимости женщинами болевого ощущения, состояний длительной ограниченности движений или обездвиженности. Мужской и женский стили поведения базируются и на различиях психомоторики, эргичности, скоростных характеристиках и предметной пластичности (Русалов В. М., 1993).

Половая специфика поведения включает в себя особенности, заданные психофизиологическими показателями, сочетающиеся со средовыми факторами. Эволюционно-биологический фундамент особенностей разнополого поведения был построен В. А. Геодакяном (2005) в его оригинальной теории половой дифференциации. Автор обратился к биологическим первоисточкам полового дифференцирования, рассматривал особенности эволюционирования и генетические особенности полового диморфизма и еще в начале 60-х годов прошлого века

заметил, что дифференциация полов – это экономная форма информационного контакта со средой, специализация по двум главным аспектам эволюции: консервативным и оперативным (сохранения и изменения) (Геодакян В. А., 2005).

Теория полового диморфизма исходит из того, что эволюционируют и система, и среда, но поскольку среда всегда больше системы, то она диктует эволюцию системы. От среды идет деградирующая информация, и поэтому система, чтобы лучше сохраниться, должна быть отдалена (в информационном смысле) от среды, что придает ей устойчивость и стабильность. Но от среды идет и полезная информация о том, как нужно меняться. Для получения такой информации надо быть «поближе» к среде для достижения чувствительности и лабильности (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В., 2001).

В принципе, для системы возможны два решения этого конфликта: быть на некотором оптимальном «расстоянии» от среды или разделиться на две сопряженные подсистемы – консервативную и оперативную, первую «убрать подальше» от среды, чтобы сохранить имеющуюся информацию, а вторую «приблизить» к среде для получения новой информации. Второе решение повышает общую устойчивость системы, поэтому часто встречается среди эволюционирующих, адаптивных, следящих систем – биологических, социальных, технических и т. д. Согласно теории В. А. Геодакяна (2005), именно в этом состоит эволюционная логика дифференциации полов. Бесполоеформы «придерживаются» первого решения, раздельнополые – второго.

Если выделить два потока информации: генеративный (передача генетической информации от поколения к поколению, из прошлого в будущее) и экологический (информация от среды, из настоящего в будущее), легко убедиться, что два пола по-разному участвуют в них. В эволюции пола на разных стадиях и уровнях организации появились механизмы, которые последовательно обеспечивали более тесную связь женского пола с генеративным (консервативным) потоком, а мужского – с экологическим (оперативным). Так, у мужского пола по сравнению с женским выше частота мутаций, меньше аддитивность наследования родительских признаков, уже норма реакции, выше агрессивность и любознательность, активнее поисковое, рискованное поведение и другие качества, «приближающие к среде», что обеспечивает преимущественное получение экологической информации. Приписывая женскому полу консервативную миссию, а мужскому – оперативную, теория связывает такие параметры популяции, как соотношение полов, дисперсия полов и половой диморфизм с условиями среды и эволюционной пластичностью вида.

В стабильной (оптимальной) среде сильны консервативные тенденции и минимальна эволюционная пластичность. В движущей (экстремальной) среде, когда требуется повысить пластичность, усиливаются оперативные тенденции.

Согласно В. А. Геодакяну (2005), существуют два различия полов – по норме реакции (которая шире у женских особей) и сечению канала связи (шире у мужских особей). Широкая норма реакции женского пола обеспечивает ему более высокую, чем у мужского пола, пластичность (адаптивность) в онтогенезе, что относится и к психологическим признакам. Отбор в зонах дискомфорта у мужского и женского пола идет в разных направлениях: благодаря широкой норме реакции женский пол может «выбраться» из этих зон за счет воспитуемости, обучаемости, конформности, т. е. за счет адаптивности. Для мужского пола такой путь закрыт из-за узкой нормы реакции. Женщины приспосабливаются к ситуации, мужчины выходят из нее, найдя новое решение; дискомфорт усиливает поиск. Поэтому мужчины охотнее берутся за новые, требующие поиска, неординарные задачи (часто выполняя их вчерне), а женщины лучше доводят решение знакомых задач до совершенства.

Если овладение речью, письмом, любым ремеслом рассмотреть в эволюционном аспекте, можно выделить фазу поиска (нахождения новых решений), освоения и фазу закрепления,

совершенствования. Мужское преимущество в первой фазе и женское – во второй выявлены в специальных исследованиях.

По теории, должны существовать и два противоположных типа психических болезней, связанных с авангардной ролью мужского пола и арьергардной – женского. Патология, которая сопровождается недостаточной асимметрией мозга, малыми размерами мозолистого тела и большими передней комиссуры, должна в 2—4 раза чаще встречаться у женщин, а аномалии с противоположными характеристиками – у мужчин. Роль авангарда принадлежит мужчинам и в подверженности некоторым «новым» болезням – атеросклерозу, раку, шизофрении, СПИДу.

Кроме того, врожденные аномалии атавистической природы чаще должны появляться у женского пола, а футуристической природы (поиск) – у мужского. Например, среди новорожденных детей со сверхнормативным числом почек, ребер, позвонков, зубов и т. д. – всех органов, претерпевших в ходе эволюции редукцию числа, должно быть больше девочек, а с нехваткой этих органов – мальчиков. Медицинская статистика это подтверждает: среди 2 тыс. детей, родившихся с одной почкой, примерно в 2,5 раза больше мальчиков, а среди 4 тыс. детей с тремя почками почти в 2 раза больше девочек. Такое распределение не случайно, оно отражает эволюцию выделительной системы. Следовательно, 3 почки у девочек – это возврат к предковому типу развития, атавистическое направление; 1 почка у мальчиков – футуристическое направление, продолжение редукционной тенденции. Аналогична и статистика по аномальному числу ребер, вывихам бедра, по распределению врожденных пороков сердца и магистральных сосудов. «Мужские» пороки чаще были новыми (поиск): ни в филогенезе, ни у эмбрионов они не имели аналогий (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В., 2001).

Другими словами, согласно этой концептуальной модели мужской пол играет главную роль в изменении, а женский в сохранении популяции: мужской пол – это глина, из которой природа лепит образцы, а то, что проверено, становится мрамором – женским полом. В онтогенезе наоборот – здесь уже более пластичным и изменчивым является женский пол, мужской же более ригиден. Эта концепция нашла свое подтверждение в том числе и в экспериментах на животных и является довольно популярной в отечественной психологии, однако некоторые ученые считают, что неправомерно прямо переносить эволюционно-генетические закономерности полового диморфизма на человеческую психологию и поведение, поскольку психика человека не развивается по законам биологической эволюции, а человек сам создает себе среду развития (Клецина И. С., 2003; Бендас Т. В., 2005).

Рассуждая в контексте эволюционных воззрений В. А. Геодакяна (1991), некоторые авторы дополняют концептуальную основу результатами своих оригинальных исследований.

В. П. Багрунов, указывая на методологические погрешности изучения половых различий по средним значениям признака, исследовал данную проблему в контексте динамической изменчивости полодифференцирующих признаков. Обосновав гипотезу о том, что изменчивость психологических функций является наиболее значимым фактором, объясняющим механизмы полового диморфизма, автор показал, что видовая изменчивость сенсомоторных и интеллектуальных функций выше у мужчин, но индивидуальная изменчивость этих же функций, а также состояний личности – у женщин. У мужчин чаще встречаются высшие и низшие результаты в сенсомоторике и интеллектуальной активности: они лучше решают новые задачи такого рода, однако при стереотипизации этих видов деятельности более высоких результатов достигают женщины. Полученные результаты автор обсуждает в контексте эволюционной концепции дифференциации полов В. А. Геодакяна (1991) и делает вывод, что у мужчин обнаруживается большая видовая изменчивость. Это создает возможность появления новых форм поведения. У женщин обнаруживается большая видовая ригидность, что определяет сохранность генофонда популяции. Для мужчин характерна индивидуальная ригидность, определяющая передачу полезных качеств в генофонд, однако при изменении ситуации велик

риск дезадаптации, нарушения стереотипов поведения. У женщин выявляется индивидуальная изменчивость, что обеспечивает успешную адаптацию к окружающей среде.

В работе В. М. Русалова (1993) показано, что именно в наиболее биологически обусловленной составляющей психики (например, в темпераменте) можно увидеть полодифференцирующие качества. Выявленные свойства рассматриваются автором не как стабильные качества, а как изменяющиеся в ходе эволюции. Рассуждая в контексте теории В. А. Геодакяна (1991), автор делает вывод о том, что психологические различия между полами и широта проявлений признака служат очень важными показателями того, какие качества в настоящий период эволюции будут наиболее значимыми. Любопытно, что полученные автором результаты позволяют предсказать, какие из качеств должны перестать быть полодифференцирующими благодаря тому, что женщины ими овладеют. Широкая индивидуальная норма реакции обеспечивает женскому полу повышенную адаптивность, что на поведенческом уровне проявляется в большей восприимчивости к обучению и воспитанию (т. е. «социальная пластичность» и «эмоциональность»). Более узкая норма индивидуальной реакции у мужского пола лежит в основе того, что в дискомфортных зонах эволюционного отбора остаются в основном мужские особи, которые могут покинуть эти зоны только обладая способностью к нахождению новых решений, т. е. за счет предметной пластичности, темпа и более низкой эмоциональной чувствительности. Г. В. Залевский также показал, что сопоставление мужчин и женщин дает дифференцированную картину лишь при анализе интраструктурных проявлений психической ригидности. При этом отсутствуют различия по уровню проявления психической ригидности в динамической подструктуре личности, что можно объяснить большей ее близостью к нейрофизиологическим особенностям нервной системы – подвижности (инертности), лабильности, динамичности – и согласуется с мнением, что половой диморфизм ни в коем случае не является фактором, определяющим подвижность нервных процессов. Поэтому различия между полами по психической ригидности тем заметнее, чем выше сферы личности по своей структуре. Так, в практической и когнитивной сферах более ригидными оказались женщины, однако они были более флексибельны в психосоциальной сфере. Это согласуется с данными о большей социабельности женщин. Различий по эмотивной подструктуре между мужчинами и женщинами не выявлено, хотя в сферах жизнедеятельности, связанных со стрессом, экстремальными условиями, женщины оказываются более ригидными. Женщины чаще проявляют неадаптивные черты.

По данным В. М. Русалова (1993), мужчины характеризуются гибкостью мышления, пластичностью в предметной деятельности, стремлением к разнообразию форм деятельности, более высокой психомоторной скоростью выполнения операций в предметной деятельности. Женщины отличаются большей пластичностью в социальной деятельности (легкость вступления в новые социальные контакты, шире набор коммуникативных программ, более выраженная коммуникативная импульсивность, легкость переключения в процессе общения). Также у женщин выявлено повышение таких показателей, как «эмоциональность социальная» и «эмоциональность предметная», что отражает выраженную чувствительность к неудачам на работе, в общении; чаще наблюдаются беспокойство, неуверенность, тревога по поводу работы и в ситуациях взаимодействия с другими людьми.

Однако существуют данные (они посвящены исследованию проявлений свойств нервной системы), указывающие на то, что различия в количестве лиц мужского и женского полов с определенным типом нервной системы определяются возрастными факторами (цит. по: Ильин Е. П., 2001). Другие исследования показали, что различия, касающиеся пластичности, ригидности, сохраняются в ходе жизни человека, что подтвердилось в дальнейшем (Feingold A., 1994).

По данным Н. В. Серова (2004) и ряда других исследователей, формально-динамические свойства нервной системы имеют свою половую специфику и в области цветовых предпочтений. Давно известно, что эмоциональные переживания вызывают физиологические изменения

в организме: изменения пульса, дыхания, скорости реакции и др. Согласно исследованиям Е. П. Кожевникова (1971), такие же изменения вызывает у человека воздействие цвета. Цветовые предпочтения и темперамент имеют, по данным некоторых исследователей, связи с половой принадлежностью. Так, например, по данным Г. С. Васильченко (1990), среди женщин достоверно чаще встречаются сангвиники и меланхолики, тогда как среди мужчин – холерики и флегматики. Согласно Г. Айзенку эти типы для каждого пола имеют полярный характер, который в соответствии с их вербальными характеристиками соотносится с вербальными характеристиками цветов проективной методики М. Люшера (1997).

Проведя анализ культурологии цвета по Шпенглеру, Юнгу, Фрезеру, Леви-Брюлю и Адлеру, Н. В. Серов (2004) утверждает, что красные цвета обычно соотносятся с мужским принципом, а синие – с женским, и выдвигает соотношение: $m/f=K/C=$ активность/пассивность, где К и С – красный и синий цвета.

А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенский, Н. В. Дворянчиков (2001) отмечают, что с открытием половых различий в латерализации мозга появилась надежда понять и психологический половой диморфизм: разные способности и склонности мужчин и женщин, разную профессиональную пригодность и предпочтения, разную обучаемость и сообразительность. Приводятся данные о том, что в школе мальчики значительно лучше девочек понимают геометрические концепции (половые различия по способности к решению алгебраических задач меньше, а арифметических – еще меньше) (Harris L. J., 1978). В технических учебных заведениях максимальные трудности студентки испытывают по начертательной геометрии. Мужчины лучше ориентируются в визуальных и тактильных лабиринтах, лучше читают географические карты и определяют направление городов, рек, дорог, легче определяют левое – правое; они превосходят женщин в игре в шахматы, в музыкальной композиции, изобретательстве и другой творческой деятельности (Itani J., 1957). Мало женщин среди сатириков, юмористов, карикатуристов, комиков и клоунов. У мужчин значительно чаще, чем у женщин, обнаруживается преимущество функций правого уха при дихотическом прослушивании и левой руки, а у праворуких мужчин – при тактильном узнавании предметов методом дигаптической стимуляции (Клименко С. М., 1984). У женщин отмечается также более высокая степень конформности мышления (McGlone J., 1980).

Считается, что у мужчин основные факторы способностей (вербальные, зрительно-пространственные, математические) более автономны, чем у женщин (Wormack L., 1980). Мужчины обычно лучше женщин справляются с заданиями, требующими пространственной ориентировки, координации и точности движений (в пробах с прицеливанием), математических рассуждениях, тогда как у женщин лучше развиты речевые способности, тонкие инструментальные движения рук и способности по идентификации сходных предметов (Блум Ф. и др., 1988; Каган В. Е., 1991; Кимура Д., 1992; McGlone J., 1980).

Уже у младенцев обнаруживаются различия в эмоциональной экспрессивности в отношениях мать – ребенок. М. К. Weinberg и соавт. (1999), исследуя детей 6-месячного возраста, выявили, что мальчикам труднее поддерживать длительный эмоциональный контакт с матерью; при этом в поведении мальчиков преобладают формы активности, не имеющие отношения к эмоциональному контакту с ней. В то время как активность новорожденных девочек преимущественно направлена на поддержание эмоционального контакта с матерью.

По данным Е. Е. Массобу и С. N. Jacklin (1974), в возрасте от 2 до 2,5 года мальчики проявляют в общих играх большую активность, чем девочки. С возрастом повышается активность тех и других, но юноши становятся более активными в студенческие годы. Так, исследователи отмечают у мальчиков уже в возрасте 3—4 лет большую любознательность и самоуверенность в поведении (Little B., 1968; Hutt C., 1970), в то время как девочки в большей степени проявляют интерес к внешности, одежде, более опрятны (Ehrhardt A. A., 1974).

По данным А. А. Ehrhardt (1981), межполовые различия проявляются в динамических характеристиках игровой деятельности. Мальчиков отличает большая активность, энергичность, они чаще участвуют в силовых играх, стремятся к освоению открытых пространств. Девочки же успешнее разбираются в исполнении социальных ролей и договоренностей, более дифференцированно и эмоционально отображают эти ситуации.

Мальчики также, по данным С. Brindley (1972) и С. Hutt (1973), превосходят девочек по частоте и выраженности вербальной и физической агрессии, в то время как девочки в большей степени отличаются робостью и неуверенностью. Они более склонны заботиться о младших, привязаны к родителям, более спокойны (Hutt С., 1978). В современных исследованиях существенные межполовые различия по общему индексу агрессивного поведения не зарегистрированы, но отмечается, что мальчики в возрасте от 6 до 11 лет достоверно чаще демонстрируют паттерны физической агрессии, в то время как девочки доминируют по показателю вербальной агрессии (Archer J., Pearson N. A., Westeman K. E., 1988). В целом в исследованиях подростковой агрессивности наблюдается большая социальная регламентация проявлений агрессивного поведения у девочек по сравнению с таковой у мальчиков (Halloran E. C., Doumas D. M., John R. S., Margolin G., 1999).

По данным Е. Е. Массобы, С. N. Jacklin (1972), в раннем детстве речевые навыки у девочек развиваются быстрее, чем у мальчиков. Девочки начинают говорить на 2—6 недель раньше мальчиков и все дошкольные годы сохраняют первенство по артикуляции, понятности, вразумительности речи, которая у них по своему звучанию и модальности стоит ближе к речи взрослых (Wellman B. L., 1931; Goodenough E. W., 1957; Darbey F. L., 1961). Исследования показали, что у девочек по сравнению с мальчиками более выражена беглость речи, им лучше даются языки – письменные и устные, а мальчикам – математика и счет (Hall R. L., 1985; Kelly T. P., Britton P. G., 1996). Q. McNemar (1942) установил, что девочки обладают более развитыми эстетическими вкусами, у них лучше развита речь, более тонкая координация, в то время как мальчики обладают лучшими механическими и математическими способностями.

Однако с дошкольного возраста до ранней юности речевые навыки мальчиков и девочек примерно одинаковые, приблизительно с 11 лет девочки в этом превосходят мальчиков. Эта тенденция усиливается во время учебы в школе и в дальнейшем (Массобы Е. Е., Jacklin С. N., 1972). Так, у мужчин выше показатели в тестах на способность к пространственной ориентации (Harnqvist K., 1997), а у женщин – на вербальные способности и тонкую моторику (Массобы Е. Е., Jacklin С. N., 1974; Watson N. U., 1991).

По данным Е. Е. Массобы, С. N. Jacklin (1972), в детстве у мальчиков и девочек наблюдаются примерно одинаковые способности, однако в школьные годы мальчики начинают проявлять более выраженную склонность к решению зрительных и пространственных задач и продолжают более успешно заниматься этой деятельностью будучи взрослыми (Levine S. C. et al., 1999). Примерно в возрасте от 12 до 13 лет математические навыки у мальчиков совершенствуются интенсивнее.

Исследования показали, что различия, касающиеся пластичности, ригидности, сохраняются в ходе жизни человека, что подтвердилось в дальнейшем (Feingold A., 1994).

В тестах по определению коэффициента интеллектуальности (IQ) неизменно выявляются различия между полами в средних величинах. Однако степень вариабельности способности к активной и интеллектуальной деятельности у мужчин выше, чем у женщин (показатели IQ); у женщин накопление показателей выявлено вокруг некоторых средних величин; у мужчин – значительный разброс по этому показателю (Hutt С., 1978).

R. Lynn, T. Martin (1997), изучавшие межполовые различия с помощью методики Айзенка (три качества: экстраверсия, нейротизм, психотизм) в 30 странах (представители 37 различных наций), показали, что более высокие показатели у женщин отмечались по параметру «нейротизм», а у мужчин – по шкале «психотизм». По данным А. Feingold (1994), мужчины

в целом отличаются от женщин большей уверенностью, высокой самооценкой. Это подтверждается также исследованиями К. С. Kling и соавт. (1999), которые показали, что мужчины в целом демонстрируют более высокую самооценку по сравнению с женщинами. Женщины по сравнению с мужчинами характеризуются большей экстраверсией, тревожностью, искренностью, чувствительностью (Feingold A., 1994). Эти выводы подтверждаются исследованиями (Koestner R., Aube J., 1995; Kring A. M., Gordon A. H., 1998), согласно которым мужчин отличает уверенное, инструментальное поведение, а женщин – экспрессивное.

Женщины обычно более эмоциональны и более ситуационно и социально детерминированы в своем поведении, в то время как мужчины, напротив, менее эмоционально чувствительны и экспрессивны и более «самостоятельны» и активны в выборе и реализации индивидуальных форм своего поведения, что сопровождается и различной иерархией ценностей у женщин и мужчин в отношении «чувства», «дела» и пр. (Кон И. С., 1989, 1993; Eysenck H. J., 1976; Grossman M., Wood W., 1993; Feingold A., 1994).

Многие исследователи отмечают половой диморфизм в реагировании на стрессовые ситуации. Так, по данным Л. В. Буравцевой (1975), у женщин более выраженная реакция на начало стресса и более быстрое восстановление после его завершения; они пластичнее мужчин. Эти выводы согласуются с исследованием D. M. Almeida, R. C. Kessler (1998), в котором показано, что женщины подвержены воздействию бытовых стрессовых ситуаций в большей степени. У мужчин меньшая чувствительность к страху, отмечаются низкие уровни нейротизма, тревоги, депрессии (Nolen-Hoeksema S., 1987; Van Doomen L. P. J., Van Blockland R., 1987).

S. Maronqiu и B. Ekahammar (1998) отмечают, что женщины испытывают тревогу и эмоциональное напряжение в ситуациях, содержащих элемент конкуренции (соревновательности, мотивации достижения), а для мужчин характерны тревога и выраженность фрустрации относительно ситуаций, предполагающих необходимость проявления сочувствия к кому-либо, оказания помощи (аффилиации).

S. H. Stewart, S. Taylor и J. M. Baker (1997) исследовали межполовые различия уровней тревоги по отношению к ситуациям, когда предполагаются негативные физические, социальные или психологические последствия. Было выявлено преобладание интегративных показателей по шкале тревожности у женщин. Обнаружено, что женщины преимущественно испытывают тревогу относительно ситуаций, имеющих негативные последствия для физических факторов; в то время мужчинами в большей степени социальные и психологические факторы оценивались как наиболее угрожающие по сравнению с физическими.

Говоря о тревоге и стрессе в контексте исследований адаптации, нельзя не затронуть проблему половых различий в защитном поведении. Психологические защиты и пол являются биосоциальными по своей структуре и адаптивными по своему значению. В отечественной психологии недавно появились исследования, доказывающие присутствие различий в использовании механизмов психологической защиты представителями разного биологического пола. По данным Е. Ф. Рыбалко и Т. В. Тулупьевой (1999), между юношами и девушками имеются достоверные различия в выраженности некоторых видов психологической защиты. У девушек больше выражен защитный механизм по типу компенсации, реактивного образования, регрессии и проекции, у юношей – вытеснения и отрицания. Ведущий у девушек защитный механизм реактивного образования у юношей имеет наименьшее значение, в то время как у девушек на последнем месте стоит вытеснение. В ходе испытаний взрослых М. Д. Петраш выявила во многом сходные факты. Женщины чаще, чем мужчины, предпочитают защищаться проекцией, регрессией, реактивным образованием, у мужчин же доминирует вытеснение и интеллектуализация (по Ильину Е. П., 2006).

По данным наших исследований, были также обнаружены полотипические виды защит, которые чаще всего используются представителями мужского и женского полов независимо от их возраста. К типично женским формам защитного поведения можно отнести регрессию

и реактивное образование, которые обнаруживают значимые различия на всех исследуемых онтогенетических этапах. К типично мужским защитам следует отнести подавление и интелтуализацию. Более того, репертуар и интенсивность использования психологических защит отмечались больше у девушек. Юноши чаще, чем девушки, используют для защиты подавление. Девушки больше пользуются регрессией, реактивным образованием, отрицанием и компенсацией (Дворянчиков Н. В., Носов С. С., 2010).

В зарубежных исследованиях половые различия в защитных механизмах рассматриваются на основе направления действия защиты (вовне или вовнутрь). По данным Р. Cramer (2002), защиты, направленные на других людей и выводящие во внешний план конфликт и его переживание (проекцию и обиду на других), более характерны для мужчин, чем для женщин. И наоборот, те защиты, которые подразумевают изменения во внутреннем восприятии происходящих событий (избегание, реверсирование, реактивное образование, обида на себя), более характерны для женщин, чем для мужчин. L. Brody (2002) также отмечает, что женщины более склонны к проявлению таких видов защит, которые связаны с фокусированием на внутреннем мире, в то время как мужчины более склонны к проявлению видов защит и эмоций, которые связаны с фокусированием на внешнем мире и окружающих людях. Кроме того, мужчины чаще применяют такие копинг-стратегии, которые требуют проявления самоконтроля, а женщины больше используют копинг-стратегии, связанные с поиском поддержки со стороны других людей (Folkman S., Lazarus R. S., Pimley S., Novacek J., 1987). К. Parkes (1990) сообщает о том, что мужчины в ее исследованиях чаще женщин использовали механизм вытеснения наряду с торможением негативных эмоций, уходом от конфликта, игнорированием проблемы. Более высокий уровень вытеснения ассоциировался с пониженным уровнем страданий. L. Brody с соавторами (2002) экспериментально подтвердил гипотезу о том, что выражение гнева и использование защитных механизмов, направленных на других людей (особенно защит, связанных с отдалением от эмоций), будет чаще наблюдаться среди мужчин, чем среди женщин. При этом для мужчин использование защит в основном связано со страданиями или отрицательными эмоциями, а у женщин использование защит может быть вызвано воздействием эмоций или соображениями морали. У представителей обоих полов отмечается более частое использование защитных механизмов, направленных на поддержание независимости, механизма избегания страданий, а также более частое выражение эмоций, направленных на других людей, в ситуации отторжения со стороны партнера, что сочетается с более высокой самооценкой.

Обобщив результаты многих исследований, Р. Cramer (2002) выделила типично «мужские» и «женские» защитные механизмы. Во многих исследованиях, когда использование защит оценивалось с помощью слабоструктурированных проективных методик, таких как «Опросник для изучения защитных механизмов» (DMI – Defense Mechanism Inventory) (Gleser G. C., Ihlevich D., 1969), взрослые мужчины использовали механизмы проекции и обиды на других чаще, чем женщины. В другом исследовании, проводившемся на старшекурсниках колледжа, частота использования защит оценивалась на основе историй, рассказанных по карточкам ТАТ (Thematic Apperception Test), выяснилось, что проекция чаще встречается у мужчин, чем у женщин (Cramer P., 1991). Однако не во всех исследованиях, построенных на использовании методики оценки использования защит из ТАТ, были выявлены половые различия в использовании механизма проекции. В лонгитюдном исследовании, проведенном неподалеку от Сан-Франциско, молодые мужчины и женщины значимо не различались по признаку частоты использования проекции (Cramer P., 1998). Сходным образом первокурсники и первокурсницы в колледже не различались на основании использования этого защитного механизма (Cramer P., 1995).

Направленные на себя защиты (обида на себя) или же защиты, функцией которых является изменение собственных чувств или своего представления о каком-то предмете (напри-

мер, избегание), будут более характерны для женщин, чем для мужчин. Как и в случае с «мужскими» защитами, исследования подтверждают эти положения. Эксперимент, проведенный с использованием «Опросника для изучения защитных механизмов» (DMI), постоянно выявлял данные о том, что женщины чаще используют защитный механизм обиды на себя, более предрасположены к использованию реактивного образования и избегания. Среди студентов старших курсов, которые изучались с помощью классифицирования историй из ТАТ, женщины чаще, чем мужчины, использовали избегание (Cramer P., 2002).

Механизм идентификации нельзя с легкостью отнести к «женскому» или «мужскому», поэтому не удавалось обнаружить половых различий в использовании этой защиты. С другой стороны, психоаналитическая теория выдвигает предположение о том, что механизм идентификации должен сильнее проявляться у мужчин, чем у женщин, поскольку:

а) идентификация играет важнейшую роль в разрешении мальчиками конфликта, связанного с эдиповым комплексом;

б) состояние, в котором находятся мальчики во время конфликта, связанного с эдиповым комплексом, подразумевает большее, чем у девочек, количество стрессов, так как от мальчика требуется переключение объекта идентификации с мамы на папу (Chodorow N., 1978).

Результаты исследований, посвященных поиску половых различий в частоте использования идентификации, характеризуются однообразностью. Различные выборки студентов колледжа с начальных и старших курсов, а также выборки из взрослых испытуемых, набранных из различных слоев населения, не выявляют никаких половых различий в частоте использования идентификации.

Таким образом, данные, получаемые при изучении проблемы полового диморфизма защит, противоречивы у многих исследователей. По нашему мнению, подобная неоднозначность вызвана преобладанием биологических концепций объяснения половых различий в психологической защите и приспособлении и неизбежно приводит к ограниченности и односторонности получаемой информации.

Мы показали значительную выраженность полового диморфизма в психических характеристиках структур, детерминированных в большей степени биологически (например, темперамент, способности), и присутствие выраженных половых различий на уровне биологической адаптации, которые наблюдаются исследователями в течение нескольких десятилетий. В то время как в структурах, детерминированных культурально-социальными факторами, межполовые различия могут сглаживаться, и на уровне личностных черт практически невозможно утверждать о наличии устойчивых полодифференцирующих качеств. Речь, скорее, может идти о нюансах отдельных проявлений межполовых личностных различий.

При всем этом следует учитывать, что пол, являясь фундаментальной характеристикой, имеет свои специфические проявления и на социально-психологическом уровне функционирования индивида, входит в структуру самосознания, в систему представлений о себе и других, выступает важным индикатором психической адаптации и регулятором поведения личности в системе ее отношений с представителями своего и противоположного пола.

1.2. Полоролевая идентификация

Биологические аспекты жизнедеятельности, а именно проблемы соматического здоровья, во многом обуславливаются не только принадлежностью к определенному биологическому полу, но и социально-психологическими характеристиками, спецификой полового самосознания, полоролевой идентификацией и социализацией.

1.2.1. ПОЛОРОЛЕВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ

Полоролевая идентификация – это процесс и результат обретения психологических и поведенческих особенностей человека определенного пола; отождествление им себя с чело-

веком того же или противоположного пола и типичное ролевое поведение, представленное в сочетании обобщенных характеристик маскулинности и фемининности.

В психологии сложилось несколько основных подходов к изучению механизмов поло-ролевой социализации, особенностей формирования полоролевых предпочтений и некоторых типичных для пола личностных характеристик: традиционная психоаналитическая концепция (Фрейд З., 1989; Хорни К., 1993; Юнг К., 1994), теория социального научения (Bandura A., Walters R., 1965; Michel W. A., 1966), теория идентификации (Kagan J., 1958), теория когнитивного развития (Kohlberg L., 1966), «новая психология пола» (Maccoby E. E., Jacklin C. N., 1974; Bem S., 1974), теория дифференциации социальных ролей (Агеев И. С., 1987; Алешина К. Е., Борисов И. Ю., 1984), «многофакторная» теория половой идентичности (Spense J. T., 1993; Koestner R., Aube J., 1995). Современные исследователи психологии пола критикуют традиционные теории половых ролей, идущие еще от З. Фрейда, в связи с тем, что усвоение характерных для пола черт личности и интересов зависит не от врожденных инстинктов и психологических потребностей индивидов быть сохраненными в своей половой идентификации, а от усвоения ребенком в раннем детстве своей половой принадлежности и от социальных ожиданий общества и ближайшего окружения (Maccoby E. E., Jacklin C. N., 1974; Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х., 1985; Репина Т. А., 1987).

Психологические конструкты «маскулинности» и «фемининности» в этих концепциях рассматриваются в контексте личностно-ситуационного взаимодействия. Согласно Т. Parsons и R. F. Bales (1955) маскулинность проявляется в ориентации личности на достижение целей за пределами непосредственной ситуации межличностного взаимодействия и характеризуется нечувствительностью (невосприимчивостью) к эмоциональным реакциям окружающих; фемининность состоит в направлении интересов личности непосредственно на ситуацию межличностного взаимодействия с учетом эмоциональных реакций окружающих.

Маскулинная половая роль, таким образом, включает те типы поведения, которые обычно ожидаются от мужчин для поддержания целевой ориентации и отражают невосприимчивость в межличностных контактах. Фемининная же роль включает в себя виды активности, ориентированные на поощрение взаимнополезных качеств в межличностных взаимодействиях. Инструментальная компетентность определяется через уровень достижений при наличии широты известных целей, преимущественно относясь к развитию маскулинной роли. Экспрессивная компетентность определяется в терминах успешности межличностных взаимоотношений, обуславливая развитие фемининной роли.

В настоящее время существуют различные модели половой идентификации, объясняющие вклад этой структуры в регуляцию поведения.

Биполярная модель. Ранние исследователи психологии пола отдавали предпочтение биполярной модели маскулинности/фемининности, в соответствии с которой выраженность маскулинных черт для мужчин и фемининных для женщин отражает наибольшую психологическую адаптированность (Whitley B. E., 1984). Это означает, что если мужчина имеет высокие показатели маскулинности, то его показатели по фемининным качествам должны быть низки. В подходах З. Фрейда и К. Хорни важным механизмом как нормального, так и невротического развития является идентификация, причем нормальной является идентификация с родителем своего пола. Идентификация же с родителем противоположного пола является патогенной, приводит к полоролевым трансформациям – маскулинизации мужчин и феминизации женщин.

Маскулинная модель. В 80-х годах прошлого века был сделан вывод о том, что существует сильная положительная связь между маскулинными качествами и психическим здоровьем (Tailor M. C., Hall J. A., 1982; Basoff E. S., Glass G. V., 1982).

Последующее применение методов в рамках этой парадигмы продемонстрировали положительную связь между выраженностью маскулинных черт и высокой самооценкой уровня

адаптации как у мужчин, так и женщин (независимо от пола, Spence J. T., 1984), в то время как взаимосвязь фемининных характеристик и уровнем адаптации была слабой независимо от пола. Однако были обнаружены показатели более успешной социальной адаптированности фемининных индивидуумов (Spence J. T., 1984).

В то же время С. Edwins, et al. (1980) (цит. по: Aube J., et al., 1995) считают, что наличие маскулинных атрибутов более существенно для социальной адаптации по сравнению с балансом маскулинности и фемининности.

В работе Е. DeGregorio, С. S. Carver (1980) было показано, что тип поведения «А» (коронарный тип) является наиболее адаптивным в контексте выраженных маскулинных полоролевых черт, в то время как сочетание указанных личностных черт и низкого уровня маскулинности отражается низкой самооценкой, высокой социальной тревожностью и депрессией. Согласно результатам исследования J. Aube и др. (1995), маскулинные черты связаны с удовлетворенностью жизнью и позитивным настроением как для мужчин, так и для женщин.

Андрогинная модель. В начале 70-х годов прошлого века биполярная модель была пересмотрена в концепции андрогинии S. Bem. Было предположено, что мужчины и женщины необязательно должны соответствовать традиционным моделям, а могут сочетать в своем поведении как маскулинные, так и фемининные характеристики.

Существует целое направление исследований, посвященных изучению проблемы личностной адаптации и саморегуляции в рамках парадигмы «андрогинии» как базового аспекта психического здоровья. А. Steinman, D. J. Fox (1974) предположили в качестве базовой модели для здоровья наличие совокупности маскулинных и фемининных черт независимо от половой принадлежности. Так, S. Bem (1978), описывая андрогинию как совмещение маскулинных и фемининных черт, говорила, что андрогинная личность может предоставить более гармоничный стандарт психологического здоровья в обществе, где ригидная типизация половых ролей изживает себя. S. Bem и ее коллеги в противоположность взгляду традиционной психологии о том, что мужчины и женщины, чтобы быть приспособленными к жизни, должны иметь традиционно установленные соответствующие полу характеристики, показали малую приспособленность индивидов, обладающих только такими характеристиками. Наиболее приспособленным к жизни оказался андрогинный тип, имеющий черты того и другого пола и самый распространенный. Согласно этому подходу андрогинная личность имеет более богатый репертуар полоролевого поведения, чем носители стереотипов, и тем более, чем недифференцированные. Андрогиния способствует более широкому использованию имеющегося репертуара в зависимости от требования ситуацией инструментальности или экспрессивности. Человек, демонстрирующий как маскулинные, так и фемининные характеристики, обнаруживает большую гибкость в пределах полоролевого поведения, чем те, кто является носителем только маскулинности или фемининности. Обе составляющие полоролевой идентичности развиваются независимо. Субъект может развивать свою маскулинность независимо от имеющегося у него уровня фемининности (Heilbrun A., 1981).

Т. Л. Бессоновой (1994) была рассмотрена полоролевая модель личности, согласно которой в основе развития полового самосознания лежит характер удовлетворения в раннем детстве и особенности возможной фиксации личности на двух базовых потребностях: в аффилиации и в достижении. В дальнейшем происходит интериоризация данных состояний в аутосимпатию и самоуважение, что в целом является основой интегративного отношения личности к себе и выражается как уровень развития феминности и маскулинности независимо от биологического пола. Фрустрация этих потребностей на разных стадиях развития ведет к личностной дисгармонии:

1) фрустрация потребности в аффилиации ведет к патологической зависимости, симбиотическим отношениям, патологической потребности в «растворении» в другом, предрасположенности к нарушениям контроля пищевого и полового поведения (гиперфеминности);

2) фрустрация потребности в достижении ведет к перфекционизму, сверхзначимости достижений, прямолинейности в достижении целей любыми средствами (гипермаскулинности, по Т. Л. Бессоновой).

В результате дисгармоничного развития этих форм потребности формируется полоролевой конфликт, в основе которого лежит представление о полярности мужественности и женственности, закрепившееся в период ранней социализации в семье. Основным конфликт самоидентичности определяется как «ложная дилемма жесткой логической дихотомии маскулинности-фемининности».

Впоследствии андрогинная модель личности активно использовалась в многочисленных исследованиях самооценки, самоуважения, коммуникативной компетентности, удовлетворенности браком, социальной адаптированности, агорафобии (Parsons T., Bales R. F. 1955, Neilbrun A., 1981, Shim S., Kotsiopulos A., 1990 и др.).

Многофакторная модель. На смену концепциям о независимости полотилических качеств в последнее время приходят модели, рассматривающие половую идентичность как совокупность множества факторов: полотилических установок, коррелирующего с полом поведения, интересов, физических атрибутов, которые в целом определяют собственно половую идентичность индивида (Koestner R., Aube J., 1995). Эти зарубежные исследователи отмечают перспективность рассмотрения полотилических характеристик в рамках модели Я-концепции. Они предполагают что «пол» встроен в Я-концепцию субъекта множеством факторов. Ими рассматривается многофакторная теория половой идентичности Spence J. T. (1993), в которой описывается то, каким образом множество моделей представлений о собственном «поле» включаются, встраиваются в целостную личностную самоидентичность на различных уровнях Я-концепции.

Я-концепция определяет и организует активность и переживания, затрагивающие Я человека, она реализует мотивационные функции, обеспечивая побуждения, стандарты, планы, правила и сценарии поведения, а кроме того, определяет адекватность реакций на социальные изменения. Я-концепция таким образом выступает как динамическая объяснительная категория, которая опосредует важнейшие внутриличностные процессы (включая процесс переработки информации, мотивацию и эмоции) и большинство межличностных процессов (включая социальную перцепцию, ситуации выбора партнера и стратегии взаимодействия, а также реакцию обратной связи). Я-концепция может как облегчать, так и затруднять регуляторные процессы (влиять на их эффективность), при этом элементы образа Я представляют собой направляющие поведение личностные константы (Хекхаузен Х., 1986). Вовлеченность Я-концепции в регулятивные процессы определяется актуализацией Я-образов, которые релевантны непосредственной ситуации взаимодействия с окружающими (Markus H., Wurf E., 1987). Работа I. Dohi (1994) непосредственно посвящена соотнесению двух парадигм: полоролевой модели S. Bem (1981) и теории «Схемы Я» Н. Marcus et al. (1987). Автор полагает, что полоролевая модель эффективнее при объяснении процессов Я, чем модель «Схемы Я». Четкая полоролевая идентичность соответствует гармоничной «Схеме Я», в то время как нечеткость, недифференцированность соотносится с дисгармоничной «Схемой Я». Е. Ishida (1994) считает, что психологические измерения «схемы пола» должны отражать субъективную оценку «Идеального Я» и «Реального Я» по сравнению с полотилическими атрибутами, при этом должны учитываться эмоциональная удовлетворенность собственным полом, полоролевая конфликтность, самооценка. W. Wood et al. (1997), изучая полоролевую Я-концепцию у здоровых мужчин и женщин, пришли к выводу, что образ половой роли преимущественно положительно эмоционально окрашен, и образ актуального Я приближается к образам «Идеального-Я» и «Должного-Я». В работе Р. С. Larson (1981) также обсуждается проблема соотношения полоролевых качеств и Я-концепции, в частности, ими показано, что маскулинные и

андрогинные половые роли более связаны с позитивной Я-концепцией по сравнению с феминными и недифференцированными.

Немногочисленные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы («многофакторной модели пола»), обнаруживают сложность детерминации полотилическими качествами различных аспектов поведения. Так, различая полоролевые черты, поведение и интересы (J. Aube, H. Norcliffe, J. Craig, R. Koestner, 1995), обнаружили, что между ними нет прямых однозначных связей. Так, показано, что выраженность маскулинных черт в большей степени связана с удовлетворенностью жизнью и позитивным настроением для мужчин и женщин. В то же время маскулинные интересы и паттерны поведения не связаны с удовлетворенностью, позитивным настроением и парным благополучием как для мужчин, так и для женщин. Если у мужчин они связаны с переживанием гнева, отвращения, то у женщин – с тревожными переживаниями (страх и боязнь).

А. Heilbrun акцентировал внимание на том, что структура психологического пола личности включает в себя не только профиль маскулинности/феминности, но и представляет собой комплекс различных составляющих:

- 1) сексуальный пол – биологический пол индивидуума (мужской или женский);
- 2) половая роль – психологический пол индивидуума (маскулинность или феминность);
- 3) сексуально-гендерная идентичность – квалификация кого-либо как биологического мужчину или женщину;
- 4) полоролевая идентичность – представления о типичности для пола своего поведения или функций, часто выражающиеся как обобщенные суждения о мужественности или женственности;
- 5) полоролевой стереотип – представления о поведении и функциях, характеризующих мужчин или женщин в данном обществе;
- 6) полоролевое поведение – отражает поведение индивида в соответствии с социальными стереотипами мужчин или женщин, или корреляты этих стереотипов;
- 7) полоролевые функции – функции мужчин и женщин внутри общества, различающие их;
- 8) сексуально-гендерные предпочтения – высшие ценности индивида в отношении представителя другого биологического пола;
- 9) полоролевые предпочтения – высшие ценности индивида в отношении стереотипного или коррелирующего с ним поведения того или иного пола;
- 10) сексуально-гендерная идентификация – взаимоисключающие переживания, усиливающие различия между членами предпочитаемого пола;
- 11) полоролевые корреляты – поведение, которое соответствует определенным стереотипам и различающее тем самым два пола;
- 12) сексуально-гендерные корреляты – поведение, которое соответствует биологическому полу индивида.

В отечественной психологии разрабатываются представления о структурных и содержательных составляющих половой идентичности. Так, В. Е. Каган (1991) определяет половую идентичность как «соотнесение личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и феминности» и различает ее виды:

- *базовая идентичность* – соотнесение личности с традиционными, восходящими к филогенетическим половым различиям альтернативными представлениями о маскулинности-феминности;
- *ролевая идентичность* – соотнесение поведения и переживаний личности с существующими в данной культуре и в данное время полоролевыми стереотипами;

- *персональная идентичность* – интегрирует описанные уровни и характеризует соотношение личности с маскулинностью и фемининностью в контексте индивидуального опыта межличностного общения.

Таким образом, базовую идентичность можно рассматривать как отражение прежде всего данного, определяемого психофизиологическими детерминантами и условиями; ролевую идентичность как отражение задаваемого средой; персональную – как их единство.

Т. Л. Бессонова подошла к изучению полоролевой идентичности с позиции методологии изучения Я-концепции, выделив в качестве структуры Я-реальное («базовая или первичная половая идентичность»), Я-идеальное («идеальная половая идентичность»), Я-социальное («Я-для других»), причем конструкт в этой модели содержательно определяется через составляющие маскулинности/фемининности в рамках парадигмы S. Bem (Бессонова Т. Л., 1994).

1.2.2. УЧАСТИЕ ПОЛОРОВЕЛЫХ КАЧЕСТВ В АДАПТАЦИИ И РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

С. Н. Ениколопов и Н. В. Дворянчиков (2001) отмечают, что многие исследования, посвященные психологии здоровья, выявляют следующее: нарушение полоролевой идентификации (маскулинности/фемининности) является тонким индикатором нарушения психологического здоровья и адаптации.

Следует более подробно остановиться на том, какие функции выполняет полоролевая идентификация при обеспечении регуляции поведения и процессов адаптации, поскольку многочисленные исследования в области психологии здоровья показывают, что роль полоролевой идентификации в процессах адаптации и саморегуляции неоднозначна.

Проблемы психического и соматического благополучия. Участие полоролевых качеств в процессах психологической адаптации подчеркивается в исследованиях А. Neillbrun (1981), согласно которым высокомаскулинные женщины характеризуются повышенной агрессивностью, трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов, особенно в гетеросексуальных отношениях. Низкомаскулинные женщины проявляют беспомощность, излишнюю пассивность, боязливость, изолированность, склонность к депрессии, низкую самооценку, нерешительность в вопросах карьеры. Высокофемининные женщины проявляют повышенную тревожность и низкую самоуверенность; низкофемининные – агрессивность. Высокомаскулинные мужчины испытывают меньшее количество проблем по сравнению с низкомаскулинными, но отличаются обедненной коммуникацией: у них наблюдается снижение эмоциональных проявлений; низкомаскулинные мужчины характеризуются зависимостью, беспомощностью, пассивностью, пугливостью, склонностью к депрессии, низкой самооценкой, тревожностью, низким уровнем достижений, нерешительностью. У высокофемининных мужчин отмечается изолированность, одиночество, депрессивность, пониженная самооценка, низкий уровень достижений; низкофемининные мужчины испытывают трудности в установлении и поддержании межличностных контактов, проявляют нерешительность в профессиональной деятельности.

Этот же автор приводит данные, согласно которым в понятие «психическое здоровье/нездоровье» и мужчины, и женщины вкладывают различные полоролевые качества. Критическим аспектом дезадаптированности мужчины считали сниженность маскулинных и фемининных черт, а женщины – отсутствие фемининных качеств. Психически здоровая личность, по мнению мужчин, должна обладать выраженными маскулинными характеристиками, для женщин же важнейшим показателем психологически адаптированной личности является фемининность. Таким образом, маскулинность, по мнению женщин, имеет меньшее влияние на здоровье или болезнь, в то время как отсутствие фемининности – фактор слабого психического здоровья. Для мужчин присутствие или отсутствие маскулинности является критиче-

ским аспектом картины адаптивности или дезадаптивности. Ограниченная фемининность – значимый показатель дезадаптированности для обоих полов.

Существует направление исследований, в которых нарушение половой идентичности рассматривается в качестве важнейшего predispositional фактора в формировании различных психических и соматических расстройств, а также как фактора риска возникновения состояний психологической дезадаптации. Вопрос о полоролевой концепции поднимался J. Grambs, W. Waetjen (1975) и J. Pleck, J. Sawyer (1974) в отношении многих заболеваний. Именно в таком аспекте ими рассматриваются преобладание алкоголизма, импотенции, стенокардии и других стрессовых расстройств у мужчин как следствие природы мужской инструментальности и подавления чувств нежности. По мнению Т. Л. Бессоновой (1994), фрустрация потребности в «аффилиации» (отражающаяся в низком уровне развития фемининности) ведет к патологической зависимости, симбиотическим отношениям и трудностям контроля пищевого и полового поведения. Показано также, что нарушения полоролевой идентичности могут определять картину заболевания при психических и соматических расстройствах (Каган В. Е., 1991; Rekers G. A., 1995).

Проведенное С. С. Носовым и Н. В. Дворянчиковым (2003) исследование особенностей полоролевой идентификации у мужчин, больных шизофренией, выявило нарушение пропорции маскулинных и фемининных качеств. Искажения самосознания принимали фемининный вектор у мужчин и касались не только полоролевых качеств, но и особенностей поисковой активности, а также формально-динамических особенностей. Полученные результаты согласовались с данными J. H. Gruselier (1996), в которых указывается на то, что как у мужчин, так и у женщин при шизофрении нарушается пропорция полоролевых качеств (маскулинности/фемининности). Дворянчиков Н. В., Ткаченко А. А., Ипатов М. Ю. (2001) у больных шизофренией с аномалиями влечений также выявили смещение пропорции маскулинных/фемининных качеств к фемининному типу, что может быть индикатором дезадаптации лиц с шизофренией. Обнаружено также выраженное рассогласование между полоролевой идентичностью и полоролевыми предпочтениями, что соответствует трудностям усвоенности мужской половой роли.

В работе В. Е. Кагана (1991), который провел клиническое изучение связи половой идентификации с этиопатогенезом и клиникой неврозов, показано, что вариации полоролевого поведения могут рассматриваться как отражение клинической картины и динамики невроза, а также дают возможность рассмотрения особенностей полоролевой идентификации как важного фактора становления невротической личности. Многие зарубежные исследователи отмечают связь полоролевых качеств и уровня адаптации личности. А. L. Carsrud, К. В. Carsrud (1979) обнаружили, что фемининные субъекты воспринимают себя как более тревожных и боязливых по сравнению с маскулинными и андрогинными. По мнению R. E. Ingram (1988), высокофемининные индивидуумы отличаются высокой самосфокусированностью и чувствительностью к негативным эмоциональным переживаниям, отсюда склонность к депрессивным состояниям. Высокая маскулинность не способствует самосфокусированию и соответственно предупреждает фиксированность на негативных эмоциональных состояниях. В работе С. А. O'Heron, J. L. Orlofsky (1990) отражено, что низкомаскулинные мужчины и женщины обнаружили склонность к депрессии, тревожность и социальную дезадаптированность. Как показывает М. Р. Sanfilipo (1994), высокий уровень маскулинности у юношей и девушек обычно сочетается с меньшей склонностью к депрессии по сравнению с фемининностью, выраженность которой независимо от пола сочетается с различными по степени тяжести депрессивными состояниями.

А. С. Кочарян (1996) предложил рассматривать невротические и соматические расстройства как соотношения маскулинной и фемининной (М/Ф) составляющих половой роли. Анализируя различные клинические модели (язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки, ишемическая болезнь сердца) подростков с нарушенным жировым обменом, неврозами, юве-

нильными маточными кровотечениями, автор в качестве важнейшего фактора выделил искажения полоролевой структуры личности. Был отмечен дисбаланс полоролевой структуры лиц, страдающих язвенной болезнью желудка и 12-перстной кишки: больные имеют выраженные фемининные качества, которые они подавляют в себе, внешне демонстрируя гипермаскулинные черты. Анализ полоролевых аспектов ишемической болезни сердца показал негативную значимую связь между маскулинностью и фемининностью, что, по мнению автора, свидетельствует об инфантилизме полоролевой структуры. Автор сравнивает эти данные с полоролевой структурой, характерной для подростков мужского пола 15—16 лет, которые не в состоянии принять (ассимилировать) собственную фемининность. При исследовании подростков с нарушенным жировым обменом был обнаружен дисбаланс, выраженный во «внутренней мягкости», «женственности» и во внешней решительности, «мужественности». Гипермаскулинность в поведении таких больных сочетается с робостью, неуверенностью, нерешительностью, порождает внутриличностный конфликт, сопряженный с психоэмоциональным и мышечным напряжением. О. В. Московцева, А. С. Кочарян (1995), рассматривая феномен ювенильного маточного кровотечения (ЮМК), выделяют «эпилептоидный» и «истерический» типы больных, которые отражают различные психологические механизмы. Так, по мнению авторов, у эпилептоидных девочек возникает конфликт между маскулинной полоролевой ориентацией и необходимостью принятия социально-нормативной женской половой роли, который и проявляется в форме ЮМК как соматическом «протесте» против принятия женской половой роли. В структуре истероидной личности имеется полоролевой дисбаланс: внешнее подчеркивание своей женской сущности (фемининности) при первичной маскулинности. Авторы предлагают рассматривать ЮМК как форму псевдоразрешения конфликта, заключающегося в противоречии между стремлением к привлечению внимания отца и подавлением инцестуозных желаний и т. п.

Таким образом, полоролевые качества взаимосвязаны с психическим и соматическим благополучием индивидуума, находятся в единой адаптационной системе. В стрессовой ситуации, относящейся и дезорганизующей один из уровней адаптации, организм может попытаться приспособиться путем использования регуляторных систем, которые используют компенсаторные возможности других (сохраненных) адаптационных уровней. Регуляторными системами при угрозе или срыве адаптации выступают специальные защитные механизмы, особенности функционирования которых взаимосвязаны как с половой принадлежностью (что было показано в предыдущем параграфе), так и с аспектами полового самосознания.

Проблемы защитных механизмов. Как отмечает Р. Cramer (2002), теоретические исследования, посвященные адаптивному поведению и защитным механизмам, обычно не рассматривали возможность того, что половые различия в свойствах личности могут привести к возникновению половых различий в использовании защит. Кроме того, создатели теоретических положений о защитных адаптационных механизмах не рассматривали возможность того, что использование защит может иметь различные последствия для разных полов. Однако в психоаналитических теориях, которые рассматривают общие вопросы связи гендерных различий и личности, все же содержатся аспекты, которыми можно воспользоваться при разработке теоретических положений, касающихся связи пола и защитных механизмов. Например, S. Freud (1932) и Н. Deutsch (1944) говорили о том, что женская половая идентификация включает в себя компонент, связанный с направлением на себя гневных эмоций. Из этого наблюдения можно сделать вывод, что женщины склонны к использованию защит, подобных обиде на себя (направление на себя негативных эмоций). Что касается более общих вопросов, Н. Deutsch (1944) и Е. N. Erikson (1980) говорили о том, что женская половая идентификация основана на склонности к фокусированию на своем внутреннем мире, в то время как мужская половая идентификация связана с фокусированием на внешнем мире. Достроив эти теоретические положения, Р. Cramer (2002) делает вывод о том, что женщины будут чаще использовать

защиты, направленные на изменение собственных мыслей и чувств, даже если это приведет к искаженному восприятию внешнего мира. В то же время мужчины будут чаще использовать те защиты, которые переносят конфликт во внешний мир, даже если это будет означать перенос собственных желаний на объекты внешнего мира.

Существуют любопытные исследования, выводящие проблему полового диморфизма защит на новый теоретический и эмпирический уровень, в которых проводятся параллели между полоролевой идентификацией и защитными адаптивными механизмами.

Например, сравнивая полученные показатели использования защитных механизмов (Опросник защитных механизмов – Defense Mechanism Inventory (DMI)) (Gleser G. C., Ihilevich D., 1969) с показателями полоролевой идентификации (Полоролевой опросник С. Бем – the Bem Sex-Role Inventory (BSRI)) (Bem S. L., 1981), было обнаружено, что мужчины с высоким уровнем маскулинности чаще использовали защиту, направленную на другого, чем высокофемининные мужчины, которые использовали защиту, направленную на себя.

D. Bramel (1962, 1963) путем сообщения студентам ложных результатов о гомосексуальности, открыто подверг угрозе их половую идентификацию и обнаружил, что появление угрозы усиливало использование типичной мужской защиты – проекции гомосексуальности на других людей, однако это был единственный рассмотренный механизм защиты. Р. Cramer (1998) убедительно доказала на студентах, которым сообщали противоположные результаты их сознательной полоролевой идентификации, что усиление защитных механизмов и смена настроения проявляются тем больше, чем большей угрозе подвергается полоролевое самосознание. Наблюдение Р. Cramer и S. J. Blatt (1991) демонстрирует, что мужчины, использующие типично женские защитные механизмы, характеризуются более низким уровнем адаптации.

L. Brody (2002) пишет о том, что женщины, которые часто используют направленные на себя защитные механизмы (уход от конфликта, изоляция и торможение, избегание), имеют более высокий уровень самооценки и меньший уровень тревоги. Эти данные несколько отличаются от результатов, полученных в более ранних исследованиях, согласно которым использование защитных механизмов, типично присущих другому полу, связано с более слабой адаптацией (Cramer P., Blatt S. J., 1991). В частности, для женщин повышенная частота использования защитных механизмов, приемлемых с точки зрения половой роли, приводит к понижению уровня адаптации. Эти результаты совпадают с данными, полученными V. S. Helgeson и H. L. Fritz (1999) в их работе, посвященной высокому уровню развития общения. Также с темой данного обсуждения согласуется следующее наблюдение Р. Cramer: если женщина при отторжении партнером использует нетипичные для ее половой роли эмоции (например, гнев), она характеризуется более высокой самооценкой.

Р. Cramer и S. J. Blatt (1990) провели исследование двух особенностей личности, характеризующих устойчивыми во времени эмоциональными и защитными структурами, которые действуют параллельно деятельности и общению. Аналитическая линия принимает участие в налаживании стабильных отношений, приятных для обоих партнеров, ее функция сродни функции общения; интроективная линия принимает участие в формировании стабильной, реалистичной и позитивной самооценки, ее функция напоминает функцию деятельности. Индивиды с анаклитическим складом личности склонны к использованию защитных механизмов избегания для поддержания межличностных отношений, упуская из виду развитие собственной личности. Индивиды с интроективным складом личности склонны к использованию защитных механизмов, направленных на других людей (например, проекции), которые защищают и сохраняют неприкосновенность личности, упуская из вида формирование позитивных межличностных отношений. Р. Cramer и S. J. Blatt (1990) высказали предположение о том, что большинство индивидов с анаклитическим складом личности – женщины, в то время как большинство индивидов с интроективным складом личности – мужчины.

В работе S. Nolen-Hoeksema (1987) делается предположение, что защитные механизмы и копинг-стратегии, помогающие отдалиться от негативных мыслей, эмоций или событий, могут способствовать уменьшению частоты переживания страданий и что эти стратегии лучше приспособлены для использования мужчинами, чем женщинами.

P. Cramer (2002) приводит интересные данные о том, что мужчины и женщины, которые независимо друг от друга были обследованы и показали маскулинный тип полоролевой идентификации, с одинаковой частотой использовали механизм обиды на других. Проекция соотносится с наличием маскулинности у мужчин, но не у женщин. В данной ситуации именно связь биологического пола с мужскими установками, а не только одни установки, является решающим фактором, влияющим на частоту использования проекции. Обиду на себя и реверсирование наиболее часто используют индивиды с женскими половыми установками, вне зависимости от их биологического пола (Cramer P., Carter T., 1978; Evans R. G., 1982, Frank S. J., McLaughlin A. M., Crusco A., 1984; Levit D. U., 1991).

Половые различия в использовании взрослыми людьми защитных механизмов авторы обычно объясняют процессами полоролевой социализации, которые различаются у мужчин и женщин. Кроме того, половые различия такого же рода наблюдаются у детей и подростков. Однако при этом важно отметить, что у маленьких детей эти различия проявляются ярче, чем у взрослых. Возможно, что в более раннем возрасте различия в реагировании больше определяются биологическими факторами пола и меньше социальными, поскольку процесс полоролевой социализации еще не пройден, нормы, эталоны и стереотипы полоролевого поведения еще прочно не усвоены.

Используя «Опросник для изучения защитных механизмов» и сходные инструменты оценки, исследователи выяснили, что индивиды и в подростковом, и в раннем юношеском возрастах демонстрируют типичную обусловленную полом схему использования защит [149]. Мальчики используют обиду на других и проекцию чаще, чем девочки, а девочки используют обиду на себя чаще, чем мальчики. Кроме того, девочки в подростковом возрасте применяли реверсирование чаще, чем мальчики того же возраста. Маленькие мальчики практиковали обиду на других чаще, чем девочки. Используя метод классификации рассказов на использование защит с помощью «Инструкции по защитным механизмам» (DMM – Defense Mechanism Manual), исследователи пришли к выводу, что частота использования проекции среди мальчиков выше, чем среди девочек. В этом случае различие статистически значимо лишь для старшего дошкольного возраста (средний возраст составил 5 лет 8 месяцев). В любом случае мальчики применяли механизм проекции чаще, чем девочки, как в дошкольном, так и в школьном возрастах. И наоборот, девочки используют избегание чаще, чем мальчики. Хотя это различие статистически значимо лишь в самом юном возрасте, девочки продолжают использовать этот механизм чаще мальчиков на протяжении всего детского и подросткового периода (Cramer P., Gaul R., 1988). Исследования, посвященные изучению механизма идентификации у детей, показали, что в двух выборках детей младшего школьного возраста девочки использовали идентификацию чаще, чем мальчики. Сходная тенденция прослеживалась и в третьем исследовании, в котором сравнивались подростки женского и мужского полов (Cramer P., Gaul R., 1991).

В исследовании Н. В. Дворянчикова, С. С. Носова (2010) было установлено, что использование некоторых видов защиты может быть типично для женского и мужского полов на всем периоде подросткового возраста. Подростки женского пола достоверно чаще используют защитный механизм регрессии, компенсации и реактивного образования.

Реактивное образование связано со сдерживанием эмоции радости обладания, наличия. Склонность к радости, по данным М. С. Пономаревой, в возрасте 10—11 и 14—15 лет выражена больше у девочек. Женщины лучше кодируют экспрессивное выражение счастья (цит. по: Ильину Е. П., 2006). В своих исследованиях Т. В. Тулупьева тоже говорила о том, что

реактивное образование в большей степени присуще девушкам (2001). Поскольку реактивное образование подразумевает подмену негативного импульса или чувства на социально одобряемый, можно предположить, что девушки чаще скрывают от самих себя мотивы собственного поведения. Возможно, причина в том, что девочек с самого раннего детства больше осуждают за проявление каких-либо негативных чувств по отношению к другим людям, поэтому они чувствительнее к социальному осуждению. В нашей культуре в процессе воспитания девочкам объясняется, что они должны выражать положительные чувства и эмоции. Девушки учатся скрывать осуждаемые обществом импульсы и чувства, заменяя их на противоположные.

Регрессия развивается для сдерживания чувства неуверенности в себе и страха неудачи в связи с проявлением инициативы. По данным А. И. Захарова, у женщин в значительной степени выражен страх сделать что-либо неправильно. В нашей культуре вполне «прилично» для женщин плакать, сентиментальничать, бояться, т. е. проявлять регрессивное, как бы детское поведение, что совершенно «неприлично» для мужчин, так как не соответствует мужским полоролевым эталонам. Возможно, именно поэтому мальчики в большей степени используют защитный механизм подавления.

Полотипическими защитными механизмами подростков мужского пола служит интеллектуализация и подавление. В нашей культуре мальчиков с раннего детства учат не показывать своих чувств, поэтому юноши учатся их скрывать и не показывать окружающим. Со временем подавление как вид защиты, позволяющий выключать из сознания неприемлемые чувства и импульсы, становится одним из наиболее характерных для мужчин видом защиты.

Из вышесказанного следует, что характеристики полоролевого поведения, привитые в процессе социализации представителям определенного биологического пола, во многом дополняют присутствующие половые различия, в том числе в использовании полотипических психологических защит, но с возрастом такие различия, по всей вероятности, могут сглаживаться.

Было также установлено, что по мере взросления интенсивность полотипических психологических защит мальчиков имеет тенденцию к повышению, а выраженность полотипических защит девочек снижается. Это может быть связано с более ранним прохождением девочками пубертатного кризиса. Полученные факты согласуются с данными А. В. Соловьевой (2009), которая установила, что у подростков 12 лет отмечаются наиболее высокие по сравнению с другими возрастными отрезками профили психологической защиты. Она объясняет это тем, что именно в этот период у подростков, прежде всего у девочек, начинают появляться первые очевидные признаки пубертатного развития, разрушающие привычный «образ Я» ребенка. Автор отмечает, что самые высокие (пиковые) значения психического напряжения встречаются у мальчиков 14 лет и у девочек 12 лет. То есть высокое психическое напряжение у девочек отмечается тогда, когда у мальчиков о нем речи еще не идет (12 лет). Большую часть подростков, демонстративно прорисовывающих в рисунке человека основные признаки физического, в частности, полового созревания в 12 лет также составляли девочки (70%). Количество мальчиков с очевидными признаками полового созревания в этот период согласно результатам ее исследований было невелико (26%) (Соловьева А. В., 2009). С этими данными согласуются результаты нашего исследования, показавшие, что наибольший репертуар и интенсивность использования защит в младшем подростковом возрасте отмечается именно у девочек (Дворянчиков Н. В., Носов С. С., 2010).

Исследование психологической защиты в период полового созревания показало, что с началом процесса полового созревания психологическая защита подростков существенно усиливается. Происходит это главным образом тогда, когда у них появляются первые признаки пубертатных изменений, поскольку именно последние обуславливают резкое увеличение психического напряжения. При этом слабые признаки полового созревания обнаруживают слабые защиты. Исходя из этого, А. В. Соловьева (2009) делает вывод о том, что более всего в период

полового созревания психологическая защита определяется внутренними, а не внешними стимулами. К данному умозаключению мы считаем необходимым добавить, что активность использования защит в младшем подростковом возрасте определяется целым комплексом биологических, психологических и социальных факторов. На первой стадии подросткового возраста начинает происходить не только ряд соматических и физиологических трансформаций, но и целый комплекс других изменений. Меняется социальная ситуация развития, учебная деятельность перестает оказывать то влияние на ребенка, которое она имела в предыдущий период, происходит смена ведущей деятельности, формируется чувство взрослости.

Использование наиболее типичных для мальчиков-подростков (интеллектуализация, подавление), типичных женских (регрессия, реактивное образование, компенсация) защит было показано также результатами исследования корреляционной связи особенностей полового самосознания с использованием психологических механизмов защиты. Кроме того, было установлено, что использование мальчиками и девочками типичных для своего пола психологических защит увеличивает показатели адаптивности и активности, повышает эмоциональную устойчивость, и наоборот, применение психологических защит, свойственных противоположному полу, снижает эти показатели.

Таким образом, было показано, что адекватное полуусвоение аспектов полоролевой идентификации демонстрирует снижение свойственного противоположному полу защитного репертуара и повышает активность использования полотипических защитных механизмов, способствуя более эффективной адаптации.

Проблемы супружеских отношений. D. R. Matteson (1975) сделал акцент на проблеме фиксирования полоролевых норм в семье, особенно если они ограничивают реализацию автономии и интимности в общении супругов и формировании андрогинного развития ребенка, учитывая, что неопределенное чувство идентичности приносит существенный вред женщине, принимающей стереотипизированные обязательства относительно замужества и рождения ребенка.

Исследователи обнаружили взаимосвязь полоролевых черт и супружеского благополучия, а именно – фемининные черты сильнее связаны с супружеской/брачной адаптацией, чем маскулинные (Baucorn D. H., Aiken P. A., 1984). Кроме того, было показано, что фемининные черты предсказывают лучшую адаптацию к таким важным событиям, каким является, например, рождение ребенка (Lenz E. R., Soeken K. L., Rankin E. A., Fischman S. H., 1985).

Приводятся данные комплексного исследования двух групп семейных пар, имеющих сексуальные расстройства, сопровождавшиеся деформацией ролей в семье. Определяли, существует ли связь между личностными характеристиками и особенностями межличностного взаимодействия, семейных ролей и Я-концепций (проявляющихся на фоне сексуальных отношений и переживаний). Согласно результатам исследования, Я-концепция пациентов, у которых возникновение сексуального расстройства объяснялось патологией, отличалась большей интегрированностью и гармоничностью, а также отсутствием характеристик, обуславливающих непринятие. В группе лиц, патология которых была следствием сексуального расстройства, в Я-концепции наблюдались дисгармония и несогласованность. Я-образ содержал черты, возникшие вследствие эмоциональных реакций отвержения, непринятия, ведущих к формированию межличностной дисгармонии (Podshivalov K. V., 1997).

Отмечается высокий процент сексуально-психологических дисгармоний и половых расстройств среди молодых семейных пар, где партнеры придерживались традиционных моделей женского и мужского поведения. Мужчины же с андрогинными личностными качествами имели наибольшие показатели психологического комфорта в сексуальных отношениях, чем высокомаскулинные. Женщины с высокой андрогинностью выступали более синтонно, усиливая слабые стороны своего партнера: Авторы делают вывод, что следование полоролевым стереотипам, которые разграничивают маскулинность и фемининность как две взаимопроти-

воположные модели полоролевого поведения, оказывает отрицательное влияние на адаптационные возможности психики и поведение мужчины и женщины, вызывает сексуальные дисфункции и дисгармонии. По их мнению, ограничение половых ролей стереотипизированными представлениями общества о норме и отклонениях значительно сужает пути достижения межличностной гармонии, а также самооценку мужчины во всех сферах социального взаимодействия (Ворник Б. М., Говорун Т. В., 1997).

Проблемы нарушения полоролевого поведения (транссексуализм). Многие исследователи отмечают важную роль психологического изучения транссексуализма (см., например, Соколова Е. Т., 1989). Оно позволяет, с одной стороны, более точно ответить на вопросы, касающиеся сформированности полового самосознания пациента, установить факторы, обуславливающие дезадаптацию биологического пола, а с другой – определить для каждого пациента потенциальные возможности адаптации нового пола на разных уровнях (половое самосознание, межличностное общение, межпартнерское взаимодействие и т. д.).

Существует широкое направление исследования особенностей полового самосознания при транссексуализме. Fleming M. Z., Jenkins S. R., Bugarin C. (1980), изучая полоролевою идентичность с помощью опросника С. Бем (BSRI) (72 транссексуала, 55 м-ж, 17 ж-м), обнаружили преобладание фемининных качеств в группе транссексуалов-мужчин по сравнению с транссексуалами-женщинами и контрольной выборкой мужчин. К. W. Bash (1983) также сравнивал ответы теста Роршаха у мужчин-транссексуалов и женщин-транссексуалов. Мужчины-транссексуалы давали значительно большее количество ответов по движению, оцениваемых как фемининные, чем женщины-транссексуалы.

В исследовании Hellman R. E., Green R., Gray J. L., Williams K. (1981) поднимался вопрос о соотношении половой и сексуальной идентичности. Сравнивались выборки, состоящие из 43 транссексуалов, 78 гомосексуалов, 43 гетеросексуалов. Испытуемые транссексуалы обнаруживали более фемининное поведение в детстве (этот факт отмечали и некоторые гомосексуалы) и выраженный уровень фемининности на момент обследования. С группой гетеросексуалов их объединяли высокие показатели, связанные с религиозностью и «гомофобией». Авторы предполагают, что нарушения полоролевого поведения в детстве и негативное отношение к гомосексуализму в более позднем возрасте (обусловленные религиозными догмами) могут увеличивать вероятность возникновения транссексуализма. E. A. McCauley, A. A. Ehrhardt (1977) проводили сравнение 15 женщин-транссексуалов (female transsexuals) и 15 лесбиянок. Результаты показывают, что эти группы не отличаются по уровню интеллекта, хотя лесбиянки имеют более высокий показатель вербального IQ, чем транссексуалы. Различия обнаружились при выполнении методики «Рисунок человека» и шкалы андрогинности С. Бем (Bem Androgyny Scale). У группы транссексуалов доминировали ригидные стереотипы половой роли по сравнению с лесбиянками, чьи представления об этой роли оказались более андрогинными.

N. Buhrich, N. McConaghy (1979) обследовали группу, состоящую из 64 пациентов, мужчин-транссексуалов и трансвеститов, по степени преобладания у них фемининной идентичности. Авторы отмечают эффективность применения Калифорнийского личностного опросника (California, Personality Inventory Femininity Scale) и методики «Рисунок человека», результаты которых по шкалам фемининности высоко коррелировали с уровнем «женской» идентичности, декларируемой испытуемыми.

D. D. Hunt, J. E. Carr, J. L. Hampson (1981) исследовали выборку из 22 пациентов, стремящихся к хирургической смене пола (методики Векслера (WAIS) и MMPI). Согласно результатам транссексуалы выполняли задания по Векслеру, следуя нормативам биологического пола, но не половой идентичности, в то время как когнитивные стратегии мышления соответствовали, скорее, их половой идентичности. Данные теста MMPI не показывали выраженности психопатологических проявлений.

Е. Т. Соколова (1989) приводит результаты применения проективных методов для исследования искажений полового самосознания и образа физического Я у женщин-транссексуалов (методики: косвенное исследование самооценки (КИС), ТАТ, Дембо-Рубинштейн, «Рисунок человека»). Данные методики позволили автору диагностировать различные аспекты самосознания во взаимосвязи когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. По результатам исследования транссексуалов выражены: повышенная степень конфликтности в сфере сексуальных ориентаций, высокий уровень притязаний, ориентированный на маскулинный эталон. Образ физического Я характеризуется крайне низкой когнитивной дифференцированностью, негативной эмоциональной оценкой своего телесного облика, неуверенностью в себе, трудностями самоконтроля телесных побуждений.

Исследования восприятия транссексуалами образа собственного тела проводили авторы Marone P., Lacoella S., Cecchini M. G., Ravenna A. R. (1998). Они обследовали 30 индивидуумов: 15 транссексуалов-мужчин (м-ж) и 15 транссексуалов-женщин (ж-м). Была использована процедура, позволяющая измерять время восприятия субъектом конкретной части тела, а также интенсивность восприятия в рамках определенной модальности (визуальная/кинестетическая), тест интегрированного восприятия образа тела (Sensory Integration Body Imagery Test) (Ruggieri V., Galati D., Lombardo G., 1993). В основе метода лежит предположение, что восприятие зон тела, на которые распространяются конфликтные переживания, определенные страхи и т. п., по времени и интенсивности будет отличаться от восприятия других областей. Авторы установили увеличение времени восприятия у мужчин-транссексуалов (м-ж) верхней части тела по отношению к нижней, а у женщин-транссексуалов (ж-м) – нижней по отношению к верхней. Показано, что у мужчин (м-ж) затруднено целостное восприятие собственного тела, это определяется увеличением времени восприятия всего тела. В группе ж-м время реакции уменьшалось, когда субъекта просили сосредоточиться на нижней части тела, и увеличивалось при обращении внимания на верхние его части. В первой группе (м-ж) авторы описали увеличение времени реакции на «все тело», поскольку наибольшие трудности для таких испытуемых вызывает необходимость интегрированного самознания всего тела. Это касается и восприятия «шеи», являющейся для м-ж важнейшим органом, напрямую связанным с голосом. Время реакции увеличено в этой группе также при восприятии гениталий, что может отражать ее высокую конфликтность. В группе ж-м обнаружено меньшее время реакции при восприятии гениталий и большее – в областях головы, груди, рук, предплечий и ног, которые, по мнению авторов, воспринимаются такими же существенными в строительстве психосексуальной идентичности, как гениталии.

Часть тела, более интенсивно воспринимаемая визуально м-ж, – это «ноги», а ж-м – «руки и предплечья». Авторы предполагают, что величина времени переживания зависит от того, насколько часть тела видима, участвует в межличностных отношениях и встраивается в собственную идентичность. Иными словами, вполне закономерно, что видимые части тела (области груди, шеи, лица) являются знаками для определения пола собеседника. По мнению авторов, это может отражать значимость видимых областей тела в межличностных контактах и сексуальном поведении.

Следующее направление исследований касается изучения уровня адаптации и психического здоровья в группе транссексуалов. Так, O. Bodlund, K. Armelius (1994) сравнивали транссексуалов, лиц с расстройствами половой идентичности нетранссексуального типа и контрольную группу. Транссексуалы и испытуемые контрольной группы отличались позитивным самовосприятием, а у лиц с расстройствами идентичности был выражен негативный образ Я (негативное самоотношение). У всех пациентов негативный образ Я обнаружил корреляцию с низким уровнем социального функционирования. Кроме того, у транссексуалов наблюдалась низкая степень проявления психопатологии, что нашло подтверждение в исследовании D. D. Hunt, J. E. Can, J. L. Hampson (1981).

Предметом изучения. R. Blanchard, L. H. Clemmensen, B. W. Steiner (1985) стал анализ того, как связана хирургическая смена пола и психологическая и социальная адаптация в выборке транссексуалов-мужчин (м-ж). Были выделены три переменные, отражающие изменения пола: уровень женских гормонов, вагинопластика и социальная феминизация (отношение к принятию женской роли в семье и социальной жизни, к приобретению документов, указывающих женский пол). Данные три фактора с учетом возраста испытуемых рассматривались в совокупности со следующими переменными: это уровень депрессии, напряженности, межличностные отношения с мужчиной-партнером, сексуальные отношения с ним, показатели шкалы лжи MMPI. Авторы получили статистически достоверную отрицательную корреляцию между социальной феминизацией и уровнем напряженности и депрессии, а также описали достоверную положительную корреляцию между сексуальными отношениями с мужчиной-партнером и вагинопластикой. Эти результаты показывают, что успешность смены пола в большей степени определяется психологической и социальной адаптацией мужчин-транссексуалов в женской роли.

Для выяснения того, насколько развитие транссексуализма сопряжено с психопатологическими проявлениями, L. Cohen, C. de Ruiter, H. Ringelberg, P. T. Cohen-Kettenis (1997) сравнивали транссексуалов юношеского возраста с подростками – пациентами психиатрической клиники, а также с группой нормы. В рамках системы Роршаха рассматривались три основные сферы нарушения психологического функционирования: нарушения восприятия, расстройства мышления, негативный образ Я. Было обнаружено, что группа транссексуалов занимает промежуточное положение между испытуемыми «нормы» и пациентами психиатрической клиники по показателям ошибок восприятия. Транссексуалы не отличаются существенно от группы нормы по показателям нарушения мышления и негативного образа Я. Таким образом, исследование подтвердило гипотезу авторов о том, что для развития транссексуализма необязательно наличие психопатологических проявлений. Проведены исследования (например, L. D. Cohn, 1991), согласно которым наиболее успешно адаптация в новом поле проходит после операции в период с 16 до 18 лет; в этом возрасте, по мнению авторов, наиболее удачно осуществляется гормональная терапия и пациенты лучше социально-психологически реабилитируются.

Результаты работы J. Barrett (1998) подтверждают необходимость изучения роли психологической адаптации для лиц, направленных на операцию по смене пола. Сравнивались 23 транссексуала, рекомендованные на фаллопластику, с 40 пациентами, подвергшимися такой операции. Использовались методики: The General Health Questionnaire (GHQ) (опросник общего состояния здоровья), Symptom Checklist 90 (SCL-90), Bem Sex-Role Inventory (опросник половых ролей Бем), Social Role Performance Schedule (SRPS). Дополнительно проводилось анкетирование, позволяющее определять удовлетворенность косметическим видом, степень сексуальности и функцию мочеиспускания половых органов. Были выявлены существенные различия между группами. Пациенты, направленные на операцию, характеризовались высоким уровнем психического здоровья, в то время как постоперационная группа имела более выраженные показатели по шкале депрессии (GHQ). Баллами по маскулинности обладали в равной степени испытуемые как первой, так и второй группы, а показатели по шкале фемининности оказались более выраженными у пациентов, прошедших операцию, что, по мнению автора, отражает улучшение уровня психологической адаптированности этой группы обследуемых (т. е. они становились андрогинными по показателям опросника Бем как самый адаптивный тип). В постоперационной группе явно преобладала удовлетворенность областью гениталий, но ее заметное снижение наблюдалось в отношениях с партнерами (что, однако, не достигало уровня значимости). Автор рекомендует знакомить партнеров пациентов, готовящихся к проводимой операции, с ее нередко непредсказуемыми последствиями.

Б. М. Ворник, Т. В. Говорун, Н. С. Кроль (1996), изучая особенности полоролевого и сексуального поведения транссексуалов, использовали наряду с традиционными методиками (ММРІ, Леонгард, Кеттел) опросник С. Бем (1978), позволяющий определить специфику полоролевой идентичности индивидуума. По результатам исследования авторы заключают, что независимо от биологических факторов в раннем онтогенезе транссексуалов в той или иной степени наблюдалась патология полового воспитания или отсутствие адекватного образа полоролевого поведения. Чем сильнее ожидания окружающих блокируют личностную саморегуляцию индивида в желаемом поле, тем больше они являются стрессогенным фактором, обуславливающим возникновение акцентуаций личности. Таким образом, авторы проводят прямые параллели между особенностями половой идентичности и уровнем адаптации транссексуалов.

Проблемы криминального поведения и половых отклонений. В психологических исследованиях неоднократно подчеркивалась основополагающая роль процесса идентификации, Я-концепции в генезе различных форм девиантного поведения (Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н., 1990; Ениколопов С. Н., 1976; Bandura A., 1973).

Многие авторы считают проблему половой идентичности самой важной для личности с девиантным сексуальным поведением. Существуют работы, в которых описывается неспособность выполнения сексуальными преступниками социальных ролей отца и мужа в собственных семьях (Кочарян А. С., 1996; Groth A. N., 1977).

Однако в отношении нарушения структуры полоролевой идентичности у лиц с девиантным сексуальным поведением встречаются достаточно противоречивые данные. Так, Б. Л. Гульман (1994) выявил у подавляющего числа сексуальных насильников-мужчин нарушение полоролевого поведения и выделил разные варианты полоролевой девиации: гипертрофированную половую роль («гипермаскулинность») и полоролевою трансформацию («фемининность»).

По данным А. С. Кочаряна (1996), на самооценочном уровне насильники не отличаются от нормы, а на «генобиологическом» (в рамках используемой автором терминологии парадигмы Сонди) они, скорее, более фемининны и менее маскулинны. В то же время он подчеркивает, что личность насильника в целом крайне инфантильна. В качестве примера приводится описанный J. Money (1998) синдром Питера Пена, к первичным симптомам которого относятся «безответственность, тревога, ощущение одиночества, полоролевой конфликт», к вторичным – «нарциссизм и мужской шовинизм». На основании этих особенностей А. С. Кочарян высказывает предположение, что одним из механизмов изнасилования является «гиперкомпенсация через гипермаскулинизацию фемининной структуры личности».

N. Chodorow (1978) в качестве факторов, влияющих на искажение полоролевого поведения, выделяет:

а) отсутствие мужской идентификации (с отцом): без адекватной модели маскулинности мальчик вынужден утверждать себя в мужской половой роли, отклоняя черты фемининности и в то же время принимая культурные стереотипы маскулинности зачастую по гипермаскулинному типу;

б) потребность в эмоциональной зависимости индивида, депривация которой приводит к тому, что у личности появляется страх, порождаемый близкими эмоциональными контактами, способствующий частой смене партнеров и препятствующий установлению длительных связей, основанных на чувствах. Этот фактор формирует эмоциональное безразличие, дезинтегрирует сексуальность и сферу чувств.

Поскольку мужчина стремится соответствовать культурным эталонам маскулинности, он отклоняет в себе все то, что воспринимается им как их нарушение. Потребность отклонять и подавлять эти черты приводит его к представлению о «порочных и запретных» женщинах, потому что они видятся ему как воплощение отвергаемой фемининности.

D. Grubin (1997) считает, что изменение самоидентичности вследствие переживания физического, сексуального или психического насилия в раннем возрасте (наряду с органическими, генетическими предпосылками или последствиями раннего поражения головного мозга) является одним из существенных факторов нарушения эмпатии. Автор полагает, что способность сочувствовать страданию жертвы должна предотвратить сексуальное насилие. Возрастание количества различных видов насилия становится возможным индикатором садистического действия и должно свидетельствовать о нарушении «эмоционального» компонента сопереживания, сочувствия.

Имеются данные о том, что у насильников выявляется высокий уровень андрогинии, т. е. их маскулинные и фемининные качества в равной степени выражены (Heilbrun A., 1981).

Смешанность инструментальности и экспрессивности, властности и стремления к удовлетворению эгоистичных целей характеризует гетеросексуальные отношения насильника, который производит исключительно инструментальный акт для достижения глубоко подавленного «экспрессивного интереса».

При исследовании психологических механизмов многоэпизодных сексуальных убийств обнаружено, что основной их патогенной характеристикой является наличие особо напряженных и обостренных сексуальных переживаний (Кудряков Ю. Н., 1996), которые определяются не столько уровнем полового влечения, сколько потребностью в самоутверждении, что в свою очередь может вызываться нарушениями половой идентичности.

Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков (1990) связывают субъективные причины изнасилований непосредственно с особенностями представлений преступника о самом себе, Я-концепцией и самовосприятием. В этом аспекте сексуальное преступление рассматривается ими как попытка субъекта изменить имеющееся психотравмирующее представление о самом себе, которое в большей степени им не осознается. В других случаях изнасилование может быть формой защиты имеющегося у насильника представления о самом себе. Такой «вид защиты» вызван субъективно унижающим его поведением женщины, которое наносит удар по его оценке себя в мужской роли. При этом авторы анализируют неоднородную по клиническому составу группу, не дифференцируя четко аномалии сексуального влечения с нарушением объекта и способа реализации влечения от групп сексуально агрессивных лиц, что смешивает различные механизмы противоправного сексуального деяния. В. В. Гульдман (1987) обсуждал влияние рассогласованности образов актуального и реального Я в саморегуляции у психопатов с аномалиями влечения.

По данным некоторых исследований (см., например, A. Heilbrun, 1981) у насильников отмечается высокий уровень андрогинии, что интерпретируется в терминах экспрессивности-инструментальности. A. Heilbrun (1981) рассматривает маскулинность как фактор опосредствования поведенческих проблем (средства их решения), вследствие чего субъект с низкой маскулинностью подвержен более широкому спектру адаптационных проблем. Экспрессивность (фемининность) отражает значимый для насильников аспект межличностных взаимоотношений.

Наличие многообразных данных, указывающих на существование различных типов половой идентичности сексуальных насильников, объясняется тем, что исследования проводились в рамках разных подходов к ее пониманию, и отражают уже обсуждавшуюся выше проблему выбора объекта изучения.

S. A. Suarez, F. G. Villanova, J. P. Lopez (1996) сравнивали лиц с гетеро- и гомосексуальной направленностью, используя тест MMPI. В результате не было получено значимых различий между обследуемыми группами по личностным особенностям, за исключением шкалы «Мужественность-женственность», что может служить индикатором нарушений половой идентичности у данной категории лиц, но не позволяет рассматривать эти нарушения в рамках целостного полового самосознания. Отмечается также фемининность мужчин-гомосексуали-

стов (Stephan W. D., 1973). Неудачные попытки изучения сексуальных преступников с помощью MMPI подтверждают многие авторы. Так, никаких результатов не дало сопоставление профилей педофилов, насильников и несексуальных преступников (Anderson W. P., Kuncie J. T., 1979). M. J. Herkov et al. (1996) получили данные о большей выраженности психопатологических характеристик по MMPI в группе лиц с девиантным сексуальным поведением по сравнению с «нормой». Многочисленные исследования, посвященные изучению личностной детерминации насильственных противоправных сексуальных действий, не подтвердили достоверно значимого отличия личностных особенностей такого рода испытуемых от преступников других групп (Perdue W. C., Lester D., 1972). По данным Ю. М. Антоняна, В. П. Голубева, Ю. Н. Кудрякова (1990), лица с противоправным сексуальным поведением существенно не отличаются от других категорий преступников (за исключением шкалы 5 «Мужественность-женственность»). По мнению авторов, это отражает однородность распространения определенных типов личности в рассматриваемых группах. M. E. Johnson, G. Jones, C. Brems (1996), проверяя валидность шкал GF и GM в MMPI-2, выявили, используя различные шкалы изучения полоролевой идентичности (Bem Sex-Role Inventory, Sex Role Behavior Scale и Sex Role Identity Scale), что они характеризуются и низкой устойчивостью, и низкой конкурентной валидностью. Кроме того, GF и GM имеют большее отношение к личностным чертам уверенности в межличностных отношениях и чувствительности (сенситивности), чем к фемининности/маскулинности.

Существуют более определенные данные относительно проблемы половой идентичности лиц с аномалиями сексуального влечения. Так, в ряде работ указывается на недостаточность у садистов именно полоролевых качеств (маскулинных характеристик), причем на всех уровнях личности – от самосознания до поведения. R. Brittain (1970) одним из первых обратил внимание на «женоподобный оттенок» личности сексуальных убийц. Он представил ставший уже классическим портрет серийного сексуального убийцы как человека интровертированного, робкого, тревожного и социально изолированного, слишком зависимого от матери, с которой у него складываются амбивалентные отношения. Такой человек чувствует себя ниже других мужчин, сексуально сдержан и неопытен, обнаруживает сексуальные отклонения, чаще визионизм, фетишизм или трансвестизм, обладает богатыми садистическими фантазиями, реализация которых движется низким чувством самоуважения. Правильность подобного описания подтверждалась неоднократно. P. Volk et al. (цит. по: Кочаряну А. С., 1996) считают «изнеженность» одной из характерных черт личности насильников, которые в социальной среде занимают подчиненное положение. Им свойственно постоянное ощущение собственной неполноценности, хроническое переживание полоролевой фрустрации. Элементы же садизма в их действиях осуществляются в целях самоутверждения в мужской половой роли. И наконец, наиболее определенно высказались R. Langevin et al. (1985), указавшие на характерное для большинства садистов нарушение половой идентичности, проявляющееся в половой индифферентности или фемининных тенденциях. В некоторых случаях наблюдается истинная фемининная ориентация, сходная с таковой у транссексуалов (Ткаченко А. А., 1994).

Разнообразие и противоречивость данных относительно искажений идентичности у лиц с сексуальными девиациями объясняются как разнородностью групп насильников в клиническом отношении (зачастую не разделялись клинические и ситуативно-личностные причины сексуального насилия), так и тем, что подобные исследования проводились в различных парадигмах сосуществующих подходов к пониманию половой идентичности.

В работе Н. В. Дворянчикова (1998) показаны специфические нарушения полоролевой идентичности у лиц с парафилиями. Полученные результаты позволяют установить роль нарушений половой идентичности в онтогенезе как одного из условий формирования аномалий влечения. При аномалиях сексуального влечения выявлены структурные и содержательные искажения полоролевой идентичности: фемининность полоролевой идентичности, идентификация с женскими полоролевыми стереотипами, недостаточная эмоциональная усво-

енность мужской половой роли (формальность представлений об образе мужчины, расхождение полоролевых предпочтений и стереотипов), недифференцированность паттернов полоролевого поведения по маскулинности. Однако, нарушение именно регулятивных аспектов полового самосознания – изменение полоролевых предпочтений, стереотипов – может отражаться на нарушении собственно поведенческих паттернов полового поведения в сексуальной сфере. Показана роль стереотипов полоролевого поведения, полоролевой Я-концепции в саморегуляции. Согласно полученным результатам, участие полоролевых стереотипов (норм) в регуляции активности снижается при наиболее глубоких формах аномалий влечения, затрагивающих личность, иерархию ее мотивационно-потребностной сферы. Такие формы изменяют эмоциональное отношение к полоролевым стереотипам, а также к запрещенным в обществе способам реализации сексуального влечения. В тех же случаях, когда самоотношение не так сильно искажено, ведущие личностные установки сохранены, полоролевые стереотипы могут оказывать сдерживающее влияние, приводя к борьбе мотивов, конфликтам в аффективно-мотивационной сфере.

Таким образом, проведенный теоретический обзор показывает, что на всех уровнях адаптационной системы присутствуют связанные с полом качества. Нарушения и искажения полоролевой идентификации (маскулинности/фемининности) являются тонким индикатором нарушений как в сфере психосексуальных ориентаций, так и психического здоровья, регуляции своего поведения и адаптации в целом.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ АСПЕКТОВ

ПОЛОВОГО САМОСОЗНАНИЯ

2.1. Психологические методы в исследовании сексуальной сферы

Психологические методы достаточно широко применяются для решения различных задач в сексологии. Эти задачи преимущественно определяются проблемами адаптации и коррекции сексуальной пары или индивидуума, что обуславливает необходимость применения методов, которые позволили бы выявить существенные показатели психологической дезадаптации индивида и обозначить вызывающие ее факторы. Особую роль приобретает диагностика партнерского взаимодействия в паре. Как отмечает Г. С. Васильченко (1990), любые сексуальные проявления, вплоть до самых элементарных, адекватно реализуются только в рамках межличностного взаимодействия. В концепции пяти брачных факторов (Васильченко Г. С., Решетняк Ю. А., 1977) психологический фактор занимает особое положение, на нем фокусируются все другие (материальный, физический, культуральный, сексуальный), именно он определяет единство и целостность человеческого поведения. В общей структуре брачного взаимодействия этот фактор подразумевает соотношение личностных особенностей обоих супругов, прежде всего их характеров и ролевых притязаний. Ориентировка в психологических механизмах взаимодействия между партнерами помогает сексопатологу дифференцировать конфликтные зоны от неиспользованных психологических резервов, при опоре на которые возможно построение результативной лечебно-реабилитационной тактики.

В отечественной психологии разработаны специальные методы, позволяющие исследовать специфику отношений между партнерами.

Так, методика «Стабильность брака» (СБ) создана З. А. Янковой (1978) для определения уровня стабильности отношений в супружеской паре. Данная анкетная методика позволяет изучать стабильность отношений опосредованно, путем исследования индивидуальной удовлетворенности партнеров. Факторами, влияющими на стабильность отношений в данной

модели, являются согласованность супругов по ряду значимых для семьи проблем, взаимопонимание и эмоциональная идентификация с партнером, глубина и продолжительность конфликтов. Именно эти факторы, по мнению автора, являются важными показателями стабильности супружеских отношений.

Методика «Стиль супружеских взаимоотношений» Т. М. Мишиной (1978) позволяет исследовать характер межличностных взаимоотношений в паре. Данная методика является адаптацией методики исследования принятия решений в супружеской паре, предложенной J. Collins (1971). В модифицированном варианте методика позволяет выделять различные модели отношений между супругами: 1) доминирование одного из супругов; 2) совместные решения; 3) отдельные решения. На материале анализа групп невротиков автором выделены три типа невротических отношений в парах: 1) соперничество; 2) псевдосотрудничество; 3) изоляция. Причем прослежена связь между типом отношений и формой невроза. Так, при отношениях «соперничество» и «изоляция» проявляется тенденция к связи межличностного конфликта преимущественно с истерическим характером конфликта больного неврозом, при «псевдосотрудничестве» – неврастенический вариант. Другая методика этого же автора (цит. по: Дейнега Г. Ф., 1981), выявляющая сочетание иерархии актуальных потребностей (СИАП), применялась для целей семейной диагностики и семейной психотерапии. В рамках этого метода каждому из партнеров предлагают расположить иерархически, по степени значимости, те моменты семейной жизни, в которых необходимо достигнуть согласия для гармонизации отношений. Применение этой методики позволяет выделить индивидуальные актуальные потребности и сравнить их соотношения у партнеров. Рассогласование в иерархиях потребностей может указать на существование актуального конфликта и механизмы его компенсации.

Для исследования отношений между супругами многие авторы отмечают эффективность применения методики диагностики межличностных отношений – ДМО Т. Лири (Leary T., Coffey I., 1969; цит. по: Собчик Л. Н., 1990). Методика позволяет изучать структуру образа Я и систему межличностных отношений индивида (Собчик Л. Н., 1972—1990). Имеются результаты успешного ее применения при изучении и коррекции семейных конфликтов с использованием особенностей взаимных оценок супружеских пар в контексте проблем, связанных с сексуальными расстройствами (Васильченко Г. С., Решетняк Ю. А., 1972, 1979). Модифицированный вариант методики позволяет дополнительно исследовать стабильность личности, сбалансированность отношений в паре (Решетняк Ю. А., 1978). Так, для диагностики межличностных отношений в семье испытуемому предлагается описать свое идеальное Я, а затем дать оценку жене (мужу) и идеалу жены (мужа). Рассогласование идеала с актуальным образом оцениваемого лица является тонким индикатором когнитивного диссонанса у обследуемого. Базисными являются два аспекта отношений: доминирование – подчиняемость, агрессивность – доброжелательность.

Многие авторы отмечают эффективность применения комплекса методик для изучения различных аспектов взаимодействия партнеров. Большой популярностью пользуются стандартизированные личностные и психологические методики (ММПИ, 16-факторный опросник личностных качеств Кеттелла, тест Леонгарда-Шмишека) для исследования факторов, обуславливающих сексуальные дисгармонии. В. В. Кришталь, Н. К. Агишева (1995) описывают возможность использования этих методик в рамках психологического обеспечения сексологического исследования для системного решения комплексных проблем коррекции сексуального здоровья.

Г. Ф. Дейнега (1981) предложил использовать комплекс методик (ММПИ, опросник Кеттелла, СБ, СИАП) для изучения уровня развития взаимодействия в паре с целью разработки тактики эффективной психотерапии сексуальных пар. Автором выделены на основании этих методов параметры, оценивающие состояние пациента и взаимоотношения в паре: психиче-

ская норма-патология, стабильность-нестабильность взаимоотношений, наличие актуальных психологических потребностей в поддержке партнера. По мнению автора, подобный подход позволяет тонко анализировать процессы, происходящие в сексуальной паре, и определить глубину предполагаемого психотерапевтического вмешательства.

Изучая структуру внутриличностных и межличностных отношений в комплексной психологической диагностике сексологических больных, К. В. Подшивалов и В. П. Коломиец (1996) использовали методики ММРІ, ДМО, опросник Кеттела, тест рисуночной фрустрации Розенцвейга. На основании своего исследования авторы сделали вывод о том, что наличие сексуальных расстройств оказывает влияние на внутри- и межличностные отношения пациентов, приводя к дисгармонии в отношениях. Дисгармоничный характер этих отношений может являться фактором, усугубляющим течение болезни и отношение больного к заболеванию. Авторы подчеркивают, что результаты анализа внутри- и межличностных отношений позволяют сексопатологу определить стратегию и тактику эффективной работы с сексологическими больными.

В последнее время исследователи отмечают необходимость индивидуализации психологического исследования в сексологии. При этом имеется в виду изучение индивидуально-психологических особенностей для выделения индивидуальных факторов, обуславливающих дисгармонию партнерских отношений. Так, К. В. Подшивалов и В. П. Коломиец (1996) приводят данные исследования влияния акцентуаций характеров мужчин на формирование сексуально-психологической дисгармонии в парах. Цель работы заключалась в установлении причин и условий формирования сексуального поведения мужчин с акцентуациями характера разных типов, а также в определении зависимости сексуальных дисгармоний в партнерской паре от сочетания различных типов акцентуаций характера. Были применены следующие методики и методы: ММРІ, опросник Леонгарда-Шмишека, опросник Кеттела, ДМО, тесты совместимости характера и брачной совместимости. Согласно результатам исследования, в развитии сексуально-психологических дисгармоний акцентуации характера у мужчин могут выступать в качестве причинного и усугубляющего фактора (80% случаев). При развитии сексуальной дисгармонии у женщин может происходить трансформация скрытой акцентуации в явную. Авторы также отмечают, что психотерапия должна быть дифференцированной в соответствии с личностными особенностями обоих партнеров и направленной на сглаживание заостренных черт характера и сексуально-психологическую адаптацию партнеров. Р. А. Грачев (1993), изучая влияние акцентуации характера на сексуальную дисгармонию, показал, что оно не всегда может приводить к нарушениям сексуального здоровья. Это, по мнению автора, связано с направленностью личностей партнеров, ценностями, ролевыми позициями в семье и др.

Особую актуальность в психологическом исследовании в сексологии приобретает применение, помимо традиционных тестов, методик, позволяющих определить специфику полового самосознания. Так, Б. М. Ворник, Т. В. Говорун, Н. С. Кроль (1996), изучая особенности полоролевого и сексуального поведения транссексуалов, использовали наряду с традиционными методиками (ММРІ, Леонгард, опросник Кеттела) опросник S. Bem (1978), позволяющий установить особенности полоролевой идентичности индивидуума. По результатам исследования авторы пришли к выводу, что независимо от биологических факторов в раннем онтогенезе транссексуалов в той или иной степени наблюдались патология полового воспитания или отсутствие адекватного образа полоролевого поведения. Чем сильнее ожидания окружающих блокируют личностную саморегуляцию индивида в желаемом поле, тем больше они являются стрессогенным фактором, обуславливающим возникновение акцентуаций личности.

В работе, посвященной исследованию роли стереотипов полоролевого поведения в сексуально-психологических дисгармониях, Б. М. Ворник, Т. В. Говорун (1996) также использовали, помимо стандартных методов исследования личности, методику S. Bem. Согласно полученным авторами результатам сексуально-психологические дисгармонии и половые расстройства пре-

валировали среди тех пар, где партнеры придерживались традиционных моделей женского и мужского поведения, т. е. ограничения половых ролей, стереотипизированные представления общества о норме и отклонениях, значительно сужают пути достижения межличностной гармонии, а также самооценки Я мужчины или женщины во всех сферах человеческого бытия.

Для исследований характерологических особенностей и их связи с сексуальностью достаточно успешно применяется опросник, созданный Г. Айзенком (EPI), который позволяет изучить взаимозависимости сексуального поведения и типа характера. Например, экстраверты независимо от пола, благодаря большей общительности и открытости, активнее интровертов устанавливают контакт с лицами противоположного пола. Однако интровертированные женщины чаще предпочитают одного сексуального партнера в отличие от мужчин-интровертов, которые в этом отношении не отличаются от экстравертов.

Исследование связи типов характера с особенностями сексуальности проводится в работах отечественных авторов. По данным Г. С. Васильченко и Ю. А. Решетняка (1977), причиной сексуальных расстройств в 16,6% случаев являются врожденные аномалии структуры личности, из которых на акцентуацию отдельных черт характера приходится 62% и на психопатию – 38%. Исследования В. В. Кришталя (1988), как и данные А. Е. Личко (1982), свидетельствуют о существовании зависимости сексуальных проявлений от типа акцентуации черт характера. Так, при гипертимном типе акцентуаций отмечаются и раннее пробуждение либидо, начало половой жизни и наличие мастурбации; для лабильного типа характерны флирт и ухаживание без попыток к половой жизни; при астеноневротическом типе наблюдается сексуальная астения; при сенситивном типе – убежденность в своей сексуальной неполноценности; при психастеничном типе – раннее сексуальное развитие, интенсивная мастурбация; при шизоидном типе – богатые эротические фантазии, сопровождающиеся мастурбацией при внешней асексуальности; для эпилептоидного типа акцентуации характерны сексуальные эксцессы и склонность к садистическим тенденциям; для истероидного – театральность, демонстрация сексуальных переживаний; для неустойчивого типа – задержка сексуального развития. В. М. Маслов и соавт. (1983) считают, что различные варианты девиаций сексуального развития обусловлены теми или иными особенностями личности или чертами характера. Так, задержка психосексуального развития нередко сочетается с патохарактерологическим развитием личности и астеническим, психастеническим или истерическим типом психопатии. В то же время В. В. Кришталь (1988) отмечает, что половые девиации могут наблюдаться и при отсутствии патологических черт характера и что нельзя четко на основе нарушения психосексуальной ориентации охарактеризовать личность, или наоборот.

Е. Т. Соколова (1989) приводит результаты применения проективных методов для исследования искажений полового самосознания и образа физического Я у женщин-транссексуалов (методика косвенного исследования самооценки – КИСС, ТАТ, Дембо-Рубинштейн, рисунок человека). Эта серия методик позволила автору диагностировать различные аспекты самосознания во взаимосвязи когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. По результатам исследования у транссексуалов выражены высокая конфликтность в сфере сексуальных ориентаций, высокий уровень притязаний, ориентированный на маскулинный эталон. Образ физического Я характеризуется крайне низкой когнитивной дифференцированностью, негативной эмоциональной оценкой своего телесного облика, неуверенностью в себе, трудностями самоконтроля телесных побуждений.

Таким образом, психологические методы, применяемые в сексологии, определяются следующими задачами: выявление как индивидуальных, так и системных predispositional факторов в генезе сексуально-психологической дисгармонии и определение стратегии и тактики ее коррекции.

Существующие на сегодняшний день описания психодиагностических методов сексуальной сферы в отечественной литературе немногочисленны и недостаточно систематизированы.

Специалисты по проблемам психологической диагностики в сексологии (в том числе и судебной) отмечают, что психологическое исследование в этой области должно максимально полно раскрыть различные аспекты личности – половое самосознание, особенности эмоционального межличностного восприятия и др. Поэтому, как отмечает З. Старович (1991), использование «нерутинных» (психологических) методов дополняет основные сексологические методы, расширяет возможности и позволяет иногда разрешить поставленные перед специалистом задачи.

В целом можно выделить два аспекта, определяемых предметом направленного психологического исследования в этой области: первый касается исследования особенностей межличностного взаимодействия, общих коммуникативных навыков и коммуникативной компетентности; второй реализует исследование специфических личностных характеристик, отражающих психосексуальную сферу – полового самосознания, сферы личностных смыслов, установок и отношений, связанных с направленностью сексуального влечения и др.

В рамках первого направления ряд авторов подчеркивают эффективность применения ТАТ (Соколова Е. Т., 1980; Антонян Ю. А., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н., 1990; Антонян Ю. А., Гудьдан В. В., 1991; Кудрявцев И. А., Дозорцева Е. Г., Симоненкова М. Б., 1991). Так, Ю. А. Антонян и др. (1990) предлагают использовать его для изучения способностей к самоанализу, сопереживанию, проникновению в эмоциональные отношения между людьми, к установлению эмоционального контакта у лиц, совершивших изнасилование. Ю. М. Антонян и В. В. Гудьдан (1991), используя ТАТ и методику «Семантический дифференциал», показали возможность выявления внутренних барьеров, препятствующих установлению и реализации межличностных контактов у лиц с психопатиями и девиантным сексуальным поведением. Ю. А. Антонян и соавт. (1990) предлагают использование рисуночных проективных тестов («Рисунок человека», ассоциативный рисуночный тест) для выявления самооценки испытуемого, особенности его Я-концепции, способа решения конфликтных ситуаций у лиц, совершивших изнасилование. Г. С. Васильченко (1990), В. В. Кришталь и Н. К. Агишева (1995) отмечают эффективность применения для этих целей методики рисуночных фрустраций Розенцвейга. R. Harpell (1993) предлагает прибегать к методике «Незаконченные предложения» для изучения у сексуальных насильников уверенности в межличностных отношениях, ведущих интересов в общении и сопровождающих их деструктивных эмоций. Ю. А. Антонян и соавт. (1990) особенно подчеркивают эффективность применения этого метода для выявления переживаний и отношений, которые могут скрываться сексуальным преступником или не осознаваться им. R. Harpell (1993) также отмечает возможность применения различных специальных шкал, показывающих стремление индивида избегать социального взаимодействия, например SADS – Subjective Anxiety and Distress Scale (Watson D., Friend R., 1969). Этот достаточно компактный метод позволяет исследовать стремление индивидуума избегать социальных взаимодействий, так как диагностирует повышенную тревожность в этих ситуациях. Дефицитарность социальных навыков у насильников также отмечают J. V. Clark, H. Arkowitz (1975), S. C. Hayes, K. D. Brownell, D. H. Barlow (1983), K. Howells и соавт. (1984).

В ряде работ подчеркивается эффективность использования Hand-test (теста «Руки») (Kosutova L., Weiss P., 1993) для выявления особенностей социальной адаптации у лиц с сексуальными девиациями. В частности, показано, что этот тест может выявлять у них дезадаптацию в межличностных отношениях (зависимость, низкая ответственность за свои поступки, подозрительность, низкий уровень эмпатии), а также эмоциональную дезадаптацию (сниженная сенситивность, низкое чувство вины).

В группе сексуальных насильников обычно отмечается низкий уровень эмпатии, акцентируется при этом внимание на изучении способности к эмпатии как механизма контроля собственных негативных импульсов (Grubin D., 1997). В то же время существует работа, показывающая отсутствие значимых различий между насильниками и группой нормы (Monto M. et al., 1994). Поэтому исследователи отдают предпочтение многофакторным моделям эмпатии.

Разработанная в 1980 г. Девисом Шкала оценки межличностной эмоциональной реактивности (Interpersonal Reactivity Index) состоит из 28 пунктов и позволяет изучать такие аспекты эмпатии, как прогноз поведения и чувств другого, эмпатическую тенденцию (способность испытывать сопереживание, сочувствие к другому человеку), личностный дистресс и фантазии (способность испытывать негативные тенденции и переживания в связи с негативными чувствами другого). Кроме того, разработана специальная методика для изучения способности к эмпатии у насильников по отношению к жертве, а также в рамках межпартнерского взаимодействия (Rape Empathy Scale – Deitz S. R. et al., 1982). В числе шкал, позволяющих оценивать выраженность эмпатической тенденции у насильников, называется опросник Меграбяна (Михайлова О. Ю., Менеджрицкая Ю. А., 1996). С помощью данной методики можно определить лишь общий уровень эмпатической тенденции, не фиксируя способность к прогнозу поведения другого человека и способность к сопереживанию негативным чувствам другого.

Второй значительный пласт исследований касается более узкого аспекта межличностного взаимодействия, самовосприятия, личностных характеристик, отражающих половое самосознание, сферу личностных смыслов установок и отношений, связанных с направленностью сексуального влечения и др. Так, З. Старович (1990) отмечает эффективность использования теста «незаконченных предложений» для изучения сексуальных партнерских черт обследуемого, а также эмоционального отношения к сексуальному партнеру. Для изучения самооценки обследуемого, позиции по отношению к собственному полу, сексуальным партнерам З. Старович (1990) предлагает использовать «проективный перечень» (модифицированный вариант которого – «Кодирование» – приводится ниже), а также «тест визуальной стимуляции» (закрывающийся в демонстрации испытуемому фотографий, слайдов или фильмов сексуального или эротического содержания, одновременно с которой регистрируется и оценивается реакция подэкспертного на проводимую стимуляцию), «шкала сексуальных возбудителей», «тест сексуального взаимодействия».

Для определения позиции обследуемого в отношении собственной половой роли, черт идеального полового партнера, характерных черт другого пола, позитивных и негативных качеств объекта сексуального предпочтения этим автором предлагается использование метода «тематических образов», в рамках которого испытуемому предлагается сообщать о своих ощущениях и переживаниях при просмотре фотографий с изображением одетых частично и полностью мужчин, женщин, детей. З. Старович (1991) отмечал, что многие гетеросексуальные педофилы при просмотре фотографий с изображением девочек усматривают в их поведении черты взрослого сексуального кокетства, и даже типичная детская мимика воспринимается ими в том же ключе. Автор указывает, что к важнейшим причинам развития партнерской патологии в сфере сексуальности наряду с нарушениями межличностной коммуникации относится перенесение на партнера или связь с ним механизмов отношений из периода детства (например, поиск в личности партнера субстанции матери). В работе Н. В. Дворянчикова, А. В. Герасимова, А. А. Ткаченко (1997) описана нечеткость восприятия половозрастных особенностей объекта сексуального влечения у испытуемых с педофилией, что проявляется в приписывании ребенку качеств взрослого человека, а также установление ассоциативных связей между понятиями «Я» и «ребенок». Это указывает на необходимость включения в серию методик и процедур, направленных на оценку восприятия возрастных качеств, как объекта сексуального влечения, так и самого испытуемого.

Для установления круга лиц, значимых для обследуемого в семье (например, при экспертизах в гражданском процессе), его представлений о роли отца, матери, собственной роли в семье, а также для выявления взаимоотношений супругов между собой и с детьми З. Старович (1990) предлагает использовать методику «психорисунок». В ходе выполнения методики испытуемому дают задание выполнить рисунок на определенную тему, например «мой брак», «моя семья» и др. Методика может быть использована также при экспертизе по уголовным

делам. В этом случае тема рисунка может модифицироваться в зависимости от гипотезы исследования. Так, подозреваемому в педофилии может быть предложено нарисовать «ребенка». Для исследования нюансов партнерских отношений З. Старович (1990) в дополнение к этой методике предлагает применять шкалу «супружеской связи» Пикколо.

Изучая лиц с искажениями психосексуальных ориентаций, И. А. Кудрявцев, Е. Г. Дозорцева, М. Б. Симоненкова (1991) показали нечеткость и слабую дифференцированность смыслового восприятия пола у них с избирательным использованием стимульного материала ТАТ (неверная идентификация пола у персонажей на карточках 10, 1, 8). Эффективность применения ТАТ для изучения лиц с искажениями психосексуальных ориентаций неоднократно обсуждалась в литературе (Stroms M. D., 1981).

Для изучения сфер психосексуальной ориентации и полового самосознания, личностных смыслов, установок и отношений, обусловленных направленностью сексуального влечения, а также для изучения характера эмоционального отношения к представителям того или иного пола, эмоциональной идентификации с родителем своего пола Е. Г. Дозорцева и И. А. Кудрявцев (1994) предлагают использовать ЦТО (цветовой тест отношений).

Достаточно популярен среди исследователей тест «Рисунок человека» (К. Маховер). Он используется для определения половой идентификации, внутренних проблем и конфликтов в сексуальной сфере, психосексуальных ориентаций (Кудрявцев И. А., Дозорцева Е. Г., Симоненкова М. Б., 1991), особенностей половой идентичности и идентификации, самовосприятия, доминантности-покорности в отношениях, признаков социальной дезадаптации (Исаев Д. Д., Анохина А. О., 1993), актуальных проблем в сфере взаимоотношений с противоположным полом, наличия сексуально-ролевого конфликта (Антонян Ю. А., 1990). Существуют исследования, в которых описывают признаки, характерные для некоторых групп сексуальных преступников (Verdon M. M., Wysocki B. A., Wysocki A. C., 1977). Так, формальность восприятия возрастных особенностей «ребенка» проявляется при выполнении рисуночных методик: при изображении «ребенка» педофилы часто изображают его с игрушкой, бантиками и т. д., т. е. подчеркивают за счет внешних атрибутов его «возраст» (Дворянчиков Н. В., Герасимов А. В., Ткаченко А. А., 1997).

Следует отметить, что некоторые исследователи предпочитают включать в серию тестов для изучения сексуальных насильников MMPI (Антонян А. Ю., 1990; Happle R., 1993), отмечая при этом, что данный тест не обладает достаточной дискриминативностью для описания групп сексуальных преступников. M. Moncrieff и D. Pearson (1979), проводя исследование характерологических нарушений и психологических особенностей эксгибиционистов и вуайеристов при помощи MMPI, не получили при этом существенных характеристик данной группы лиц. S. A. Suarez, F. G. Villanova, J. P. Lopex (1996) провели сравнительное исследование лиц с гетеро- и гомосексуальной направленностью, используя тест MMPI. В результате не было получено значимых различий между этими группами по личностным особенностям, за исключением шкалы «мужественности/женственности», что может служить индикатором нарушений половой идентичности у этих лиц, но не позволяет рассматривать эти нарушения в рамках целостного полового самосознания. Многие исследователи также отмечают фемининность мужчин-гомосексуалистов (Stephan W. D., 1973; Thompson N. L. et al., 1973).

Неудачные попытки изучения с помощью MMPI сексуальных преступников отмечают многие авторы. Так, не дало результата сопоставление профилей педофилов, насильников и несексуальных преступников (Anderson W. P., Kuncie J. T., 1979). M. J. Herkov и соавт. (1996) отмечают большую выраженность психопатологических характеристик по MMPI в группе лиц с девиантным сексуальным поведением по сравнению с нормой. Многочисленные исследования, посвященные изучению личностной детерминации насильственных противоправных сексуальных действий, не подтвердили достоверно значимого отличия личностных особенностей такого рода испытуемых от преступников других групп (Антонян Ю. М. и др., 1990; Hartman B.

J., 1967; Perdue W., Lester D., 1972). По данным отечественных исследователей (Антонян Ю. М. и др., 1990), лица с противоправным сексуальным поведением существенно не отличаются от других категорий преступников (за исключением показателя шкалы 5 «мужественность/женственность»), что, по мнению авторов, отражает однородность распространения определенных типов личности в данных группах.

М. Е. Johnson, G. Jones, C. Brems (1996), проверяя валидность шкал GF и GM в MMPI-2, выявили при использовании различных шкал изучения полоролевой идентичности (Bem Sex-Role Inventory, Sex Role Behavior Scale и Sex Role Identity Scale), что последние имеют низкие устойчивость и конкурентную валидность, а также то, что GF и GM имеют больше отношение к личностным чертам уверенности в межличностных отношениях и чувствительности (сенситивности), чем к фемининности/маскулинности.

В. В. Кришталь, П. Т. Петрюк, Т. А. Перевозная, В. Н. Кузьминов (2007) провели теоретический анализ большого ряда научных работ отечественных и зарубежных источников, в которых освещаются вопросы психологической диагностики сексуальной сферы. Авторы также базировались на накопленном ими практическом опыте применения нерутинных методов психологического исследования сексуальной сферы у 126 пациентов и подэкспертных лиц из разных отделений Харьковской областной клинической психиатрической больницы № 3 в период с 1994 по 2006 г.

В. В. Кришталь и соавт. (2007) указывают на то, что при решении различных экспертно-диагностических и научных задач положительно зарекомендовали себя следующие нерутинные психологические методы исследования: «МиФ» (маскулинность и фемининность) (Бессонова Т. А., 1994; Дворянчиков Н. В., 1998), «Кодирование» (Старович З., 1992; Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В., 2001), «ФПО» (Фигура – поза – одежда) (Саламова Д. К., Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В., 2001), «ЦТО» (цветовой тест отношений) (Эткинд А. Е., 1985, 1987), «ВиК» (власть и контроль) (Maddock J. W., 1995). Успешно применяется также модификация теста «Руки» (Wagner E., 1971; Герасимов А. В., 1997), модифицированная методика опознания лицевой экспрессии Изарда (Изард К. Е., 1980; Хомская Е. Д., Батова Н. Я., 1998), методика диагностики уровня эмпатических способностей Бойко (Райгородский Д. Я., 1998), TAS-26 – Торонтская алекситимическая шкала (Райгородский Д. Я., 1998), модифицированная методика «Пиктограмма» (Дворянчиков Н. В., Малькова Е. А., 2003), метод ранговой решетки Баннистера (Франселла Ф., Баннистер Д., 1987), рисуночные методики – психорисунок (Gapik L., 1978; Hornowski B., 1982; Obuchowski K., 1974; Starowicz Z., 1985). Кроме этого, в сексологии может применяться Шкала сексуальных возбуждений, Тест сексуального взаимодействия (Piccolo J. L., Steger J., 1974), Тест визуальной стимуляции, Тест дополнения предложения, Тест Роршаха (Роршах Г., 1921), Метод ассоциаций и воображения (Кришталь В. В., Петрюк П. Т., Перевозная Т. А., Кузьминов В. Н., 2007).

Особо отметим, что многие перечисленные методики длительное время были «закрыты» для широкого читателя и распространялись только в среде экспертов-психологов и лишь в данном пособии они впервые публикуются вместе и в полном объеме.

Обобщив сказанное выше, можно сказать, что основными предметными сферами психодиагностического исследования сексуальной сферы человека являются:

- 1) особенности межличностного взаимодействия, социальные коммуникативные навыки, способность к установлению, поддержанию, выходу из контакта; способность к партнерским отношениям; способность к эмоциональному сопереживанию другому человеку, возможности прогноза поведения другого человека; особенности эмоционального межличностного восприятия; способы разрешения межличностных конфликтов;

- 2) специфические характеристики личности, имеющие отношение к сфере полового самосознания, включающие полоролевую идентичность; представления о стереотипах поведения и функциях, характеризующих мужчин или женщин в данном обществе и отношение к

ним; паттерны поведения индивида в соответствии с половозрастными стереотипами или коррелятами этих стереотипов; установки, ценности индивида в отношении стереотипного или коррелирующего с ним поведения того или иного пола; установки, ценности индивида в отношении представителя другого пола (особенности эмоционального восприятия), особенности интериоризированности половой роли.

Например, в психологическом исследовании в судебной сексологии точкой отсчета является исследование психологических и психосексуальных особенностей индивида, которые, влияя на его процессуальные способности, могут приобретать юридическое значение в уголовно значимых ситуациях.

Важнейшее место в экспертном психологическом исследовании занимают, по мнению Ф. С. Сафуанова (1994), теоретические и методологические положения клинической психологии с достаточно разработанным аппаратом анализа познавательной деятельности и личности, сложившимся психодиагностическим инструментарием. При этом нельзя не согласиться с О. Д. Ситковской (1998), которая отмечает ограниченность использования в экспертном исследовании методов, рассчитанных на выявление способности или неспособности к осуществлению элементарных интеллектуальных операций. Для решения различных экспертных задач способность субъекта к владению этими операциями имеет вспомогательное значение. По мнению О. Д. Ситковской (1998), предмет исследования эксперта-психолога должен быть релевантен уголовной ситуации и определяться специфическим кругом информационных объектов, содержание которых ориентирует поведение и протекание психических процессов в уголовно значимых ситуациях. Данные объекты представляют собой совокупность устных, письменных, графических знаковых систем, фиксирующих определенные правила, запреты, последствия их нарушения. Иными словами, в психологическом экспертном исследовании должны использоваться экспериментальные ситуации, моделирующие определенные аспекты деятельности, релевантные юридически значимым процессам.

В отношении психологического исследования в сексологии (в том числе и судебной) возникает необходимость рассмотрения тех самых «информационных объектов», имеющих отношение к психосексуальности (например, представление о полоролевых стереотипах поведения, возможность отклонения от них за счет сниженного эмоционального к ним отношения или же за счет их искаженности или недифференцированности). Закономерно также исследование особенностей полового самосознания, полоролевой Я-концепции как относительно устойчивых представлений индивида о самом себе (в большей или меньшей степени осознанных), участвующих в регуляции его поведения и протекании психических процессов в ситуациях, релевантных половому самосознанию, например в ситуациях, когда требуется участие определенных полоролевых стереотипов. В частности, недифференцированность по маскулинной составляющей, диффузность Я-концепции, фемининность Я-реального не способствует гибкому поведению у мужчин, ограничивая доступность паттернов полоролевого поведения, а недостаточная интериоризированность полоролевых нормативов может в свою очередь ограничивать выбор стратегий взаимодействия в тех ситуациях, когда необходима динамичная актуализация в поведении полоролевых стереотипов (Дворянчиков Н. В., Ткаченко А. А., 1998). Как отмечает М. И. Еникеев (1996), при недостаточности «фонда сознательных способов поведения, при дефиците информации для сознательного построения действий» доминирует эмоциональная регуляция активности. При этом в рамках методологии исследования экспертизы эмоциональных состояний особую роль приобретает выделение личностных факторов, определяющих особенности переработки эмоционально значимой информации, склонность к фиксации на отрицательных эмоциональных переживаниях и т. д. (Сафуанов Ф. С., 1998).

Применение психологических методов исследования аспектов полового самосознания в рамках судебной сексологии определяется экспертными задачами, стоящими перед психоло-

гом в следующих формах: 1) в рамках сексологической экспертизы (сексолого-психиатрическая); 2) в рамках комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы.

В первом случае психологическое исследование носит направленный характер и выполняет задачи сексологического обследования. Направленное психологическое исследование позволяет не только объективировать и верифицировать данные сексологического исследования, но и раскрыть пласт психологических феноменов, имеющих отношение к психосексуальной сфере: личностных смыслов, отношений, установок. В этих случаях задачи, стоящие перед психологом, прежде всего диагностические, целью которых является уточнение степени сформированности полового самосознания, особенностей эмоционального восприятия объекта сексуального предпочтения. Однако это также и изучение «информационных объектов», связанных с сексуальностью. Это исследование личностных смыслов, обусловленных психосексуальными ориентациями, представлениями о полоролевых нормативах, включенностью их в систему личностных смыслов, ценностей. Таким образом, исследователь получает данные, которые могут быть недоступны в рамках сексологического исследования, и в этом плане не только верифицируют и объективируют его, но и существенно дополняют.

Во втором случае перед психологом стоят специфические задачи как перед полноправным участником комплексной экспертизы. Он реализует свою компетенцию во всем объеме (Сафуанов Ф. С., 1998), но в ходе всего исследования естественным образом интегрирует данные направленного психологического исследования в совокупности с данными стандартного патопсихологического экспертного исследования.

Направленное психологическое исследование позволяет определить уровни собственно личностной регуляции поведения в ситуациях, релевантных половому самосознанию (например, в ситуациях, требующих участия определенных полоролевых стереотипов). Кроме того, комплексный анализ специфики восприятия различных особенностей объекта сексуального влечения совместно с особенностями полового самосознания позволяет выделить и проанализировать совокупность психологических факторов, препятствующих нормативному удовлетворению сексуального влечения, а также обозначить особенности полового самосознания и восприятия объекта сексуального влечения, сопутствующие различным формам аномального сексуального влечения.

При психологическом исследовании эмоциональной сферы у лиц с противоправным сексуальным поведением целесообразным представляется использование трехзвенной модели эмоциональной активности Н. С. Курека (1996). Согласно этой концепции, эмоциональная активность трактуется, как «нецеленаправленное, произвольное изменение психической активности, связанное с восприятием эмоциогенных стимулов, их субъективной переработкой и выражением вовне эмоционального отношения к воспринятому, характеризующееся приятным-неприятным тоном, положительным-отрицательным знаком, определенной модальностью (радость, страх, гнев, печаль)». Соответственно в эмоциональной активности выделяют три компонента: импрессивный – восприятие, оценка и осознание эмоций и эмоциогенных стимулов; субъективный – их субъективная переработка; экспрессивный – выражение своего отношения к ним.

Универсальность данной модели позволяет подвести ее под существующие феномены поведения лиц с отклоняющимся сексуальным поведением. Использование модели эмоциональной активности дает возможность показать роль ее нарушенных компонентов в этиологии и патогенезе парафильного поведения. Комплексное использование методик, направленных на исследование эмоциональной сферы, позволяет проводить анализ нарушений в двух направлениях: с одной стороны, вычленение когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов коммуникации, с другой – анализ поэтапного развертывания акта коммуникации. Выделенные таким образом структурный и поэтапный анализ позволяют внести существенные и значимые

представления о роли эмоциональной активности в формировании психологических механизмов регуляции девиантного сексуального поведения Я и межличностного восприятия.

Таким образом, в рамках психологического исследования в сексологии возникает необходимость изучения таких аспектов личности самосознания и саморегуляции, которые релевантны значимой ситуации, имеющей отношение именно к половой сфере. Здесь особое значение приобретают изучение полового самосознания, половозрастных норм, особенностей их интериоризированности, возможности их участия в регуляции поведения.

Ниже приводится подробное описание методов, составляющих стандартную серию в рамках направленного психологического исследования аспектов полового самосознания.

2.2. Методы направленного психологического исследования полового самосознания

В этом разделе описываются психологические методы, большинство из которых уже более десяти лет активно используются при решении различных диагностических вопросов в области сексологии (в том числе и судебной) и могут быть рекомендованы специалистам-психологам, работающим как в сфере судебной психологии, так и в других областях (диагностика межличностных отношений в семье, психотерапия и т. д.), имеющих отношение к указанной проблеме.

При направленном психологическом исследовании наиболее адекватным представляется подход к рассмотрению поведения как функции взаимодействия личности и среды, причем личностные особенности рассматриваются как возможности, реализующие конкретные действия в ситуациях, релевантных сексуальной сфере. В этом случае анализ категории «поведение» предполагает прежде всего анализ категорий «личность» и «ситуация».

Таким образом, при направленном психологическом исследовании сексуальной сферы (особенно в судебной сексологии для исследования лиц с половыми девиациями, потерпевших от сексуальных деликтов, транссексуальных состояний и др.) особое внимание следует уделять изучению таких специфических составляющих личностно-ситуационного взаимодействия, как сфера половозрастного самосознания.

МЕТОДИКА «МиФ»

(МАСКУЛИННОСТЬ И ФЕМИНИННОСТЬ)

Модифицированная Н. В. Дворянчиковым (1998) методика базируется на перечне маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т. Л. Бессоновой (1994), которая основывалась в свою очередь на концепции андрогинии S. Bem (1974).

В литературе неоднократно отмечалось, что тест BSRI (Bem Sex-Role Inventory) относится к наиболее эффективным методам исследования половой идентичности и предсказывает такие аспекты маскулинности/фемининности, как инструментальность и экспрессивность, особенности самоотношения и самоуважения (Кон И. С., 1988; Heilbrun A., 1981).

Методика позволяет установить индивидуальную степень выраженности фемининности, маскулинности, андрогинности, определить субъективное отношение личности к своему уровню развития этих черт.

В качестве стимульного материала выступает недостаточно структурированный вербальный материал, включающий 21 прилагательное (7 из них отражают маскулинные качества, 7 – фемининные, 7 – нейтральные), каждым из которых необходимо закончить предложение и оценить получившееся высказывание по степени выраженности (по шкале «всегда», «обычно», «иногда», «никогда»).

Испытуемому предлагается завершить незаконченное предложение («На самом деле я...», «Хотелось бы, чтобы я был...», «Мужчина должен быть...», «Женщина должна быть...», «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...» «Мой реальный сексуальный

партнер...», «Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...») словом из перечня маскулинности/фемининности и отметить вариант ответа, который, по его мнению, подходит в наибольшей степени

При обработке результатов производится подсчет профиля маскулинности/фемининности по каждой из категорий.

Ключ:

Маскулинность: 2, 5, 8, 11, 14, 17, 20.

Фемининность: 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21.

Количество ответов по шкале «всегда» умножается на 4, «обычно» – на 3, «иногда» – на 2, «никогда» – на 1. В результате получается отображение полоролевой идентичности испытуемого в семантическом пространстве маскулинности/фемининности, достижение определенных показателей в котором позволяет делать вывод о степени выраженности полоролевых черт в каждой структуре полоролевой Я-концепции.

Методика позволяет анализировать целостную систему полового самосознания:

1. *полоролевая идентичность* – представления о типичности для пола своего поведения или функций, выражающиеся как обобщенные суждения о маскулинности и фемининности, («На самом деле я...» – Я-реальное);

2. *полоролевые стереотипы* – представления о поведении и функциях, характеризующих мужчин или женщин (пропорция М/Ф в образах «Мужчина должен быть...», «Женщина должна быть...»);

3. *полоролевое поведение* – представления о паттернах поведения индивида в соответствии с социальными стереотипами мужчин или женщин; соотношение черт маскулинности/фемининности в паттернах, демонстрируемых мужчинам и женщинам (пропорция М/Ф в образах «Мужчины считают, что я...» и «Женщины считают, что я...»);

4. *полоролевые предпочтения* – ценности индивида в отношении стереотипного или коррелирующего с ним поведения того или иного пола («Хотелось бы, чтобы я был...» – Я-идеальное);

5. *сексуальные предпочтения* – ценности индивида в отношении представителя другого пола, дифференцированность сферы психосексуальных ориентаций («Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...», «Мой реальный сексуальный партнер...»).

Особое внимание при этом уделяется анализу семантической близости между различными образами Я и составляющими полоролевой идентичности в рамках психологического пространства маскулинности/фемининности.

Фемининность

Недифференцированность

Структурный анализ производится путем расчета семантической близости (в тестовых единицах пространства маскулинности/фемининности) между образующими полового самосознания. Например, близость образов Я-идеальное и «Мужчина должен быть...» может свидетельствовать о значимости для испытуемого образа мужчины, о включенности мужского полоролевого стереотипа в систему полоролевых предпочтений.

Содержательный анализ позволяет определить пропорцию М/Ф составляющих (маскулинности/фемининности) в каждом из образов (Я-реальное, Я-идеальное), дифференцированность полоролевых качеств в различных структурах полового самосознания.

Н. В. Дворянчиковым (1998) было проведено обследование с помощью данного теста нормативных выборок: 210 мужчин в возрасте от 18 до 27 лет (рисунок 1) и 165 женщин в возрасте от 17 до 26 лет (рисунок 2). В таблице 1 приведены средние значения показателей и стандартные отклонения по группам.

Рис. 1. График по средним значениям нормативной выборки (мужчины – 210 чел.)

На рис. 1 видно, что в мужской нормативной выборке преобладает маскулинный тип полоролевой идентичности (Я-реальное в правом нижнем «маскулинном» квадрате), образ мужчины характеризуется преобладанием маскулинных черт над фемининными и соответствует полоролевым предпочтениям (близость Я-идеального и «Мужчина должен быть...»), образ женщины характеризуется выраженными фемининными чертами (левый верхний «фемининный» квадрат) и соответствует сексуальным предпочтениям (близость образов «Женщина должна быть...» и «Реальный сексуальный партнер»). Я-реальное соотносится с образом «Мужчины считают, что я...», что может отражать значимость для образа Я оценок мужской референтной группы.

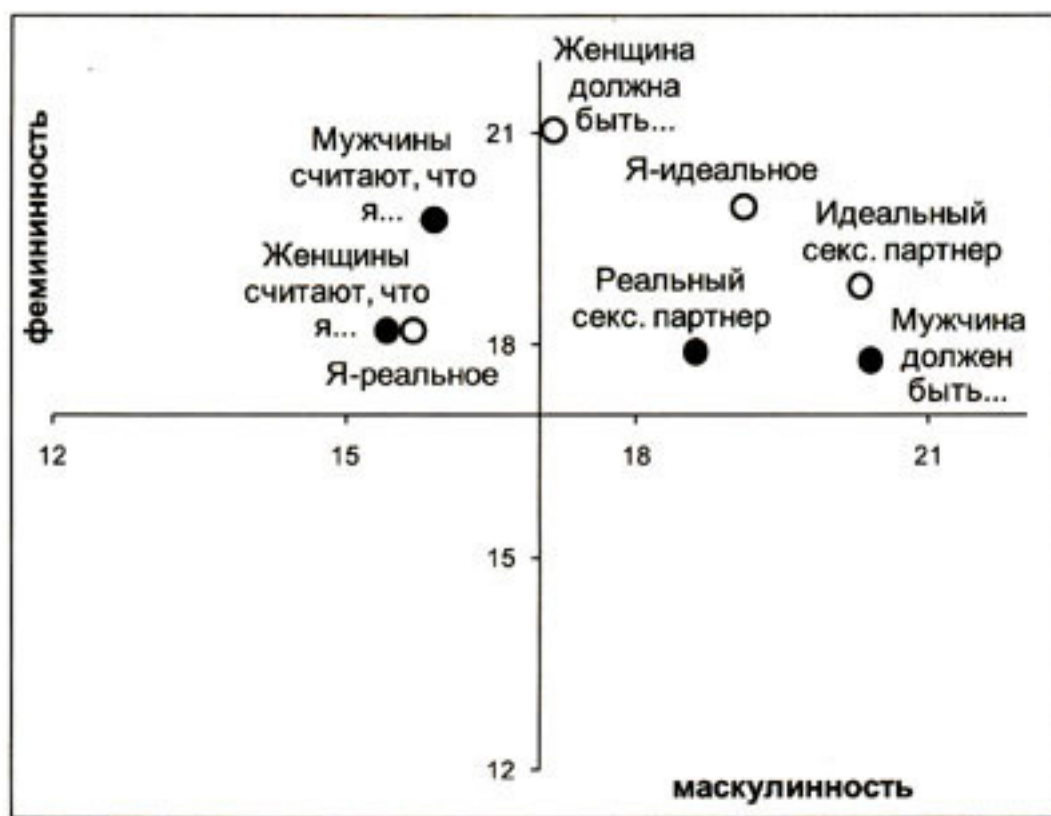

Рис. 2. График по средним значениям нормативной выборки (женщины – 165 чел.)

На рис. 2 видно, что в женской группе преобладает фемининный тип полоролевой идентичности (Я-реальное в левом верхнем «фемининном» квадрате), образ женщины характеризуется явным преобладанием фемининных черт над маскулинными и соответствует полоролевым предпочтениям (близость Я-идеального и «Женщина должна быть...»). Образ мужчины характеризуется преобладанием маскулинных черт над фемининными и соответствует сексуальным предпочтениям (близость образов «Мужчина должен быть...» и «Реальный сексуальный партнер»). Я-реальное соотносится с образом «Женщины считают, что я...», что может отражать значимость для образа Я оценок женской референтной группы.

Таким образом, для обеих групп является общим соответствие полоролевых предпочтений типичным для своего пола эталонов, а сексуальные предпочтения соответствуют эталонам противоположного пола.

Данная методика также успешно применялась и при исследовании лиц с аномалиями сексуального влечения (Дворянчиков Н. В., 1998). Основную экспериментальную группу составили 11 человек с различными формами сексуальных девиаций (экстибиционизм – 13 человек; педофилия – 33 человека, в том числе 19 гетеро- и 16 гомоориентированных лиц; 31 человек с расстройствами влечения и агрессивнo-садистическим поведением). При аномалиях сексуального влечения выявлены структурные и содержательные нарушения полоролевой идентичности: фемининность полоролевой идентичности, идентификация с женскими полоролевыми стереотипами, недостаточная эмоциональная усвоенность мужской половой роли (формальность представлений об образе мужчины, расхождение полоролевых предпочтений и полоролевых стереотипов), недифференцированность паттернов полоролевого поведения по маскулинности.

Пример применения методики «МиФ» для исследования особенностей полового самосознания у взрослой испытуемой М., 1982 г. р., которая обратилась в консультативное отделение Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского

по поводу смены пола. Проведено амбулаторное комиссионное сексолого-психолого-психиатрическое обследование, в связи с неясностью клинической картины было рекомендовано стационарное обследование в психиатрической больнице по месту жительства.

Таблица 1

Средние показатели по нормативным группам (м — маскулинность, ф — фемининность)

	Я-реальное		Я-идеальное		Мужчина должен быть...		Женщина должна быть...		Женщины считают, что я		Мужчины считают, что я		Реальный сексуальный партнер		Идеальный сексуальный партнер	
	м	ф	м	ф	м	ф	м	ф	м	ф	м	ф	м	ф	м	ф
Мужчины, ср. знач.	17,46	16,78	21,92	18,32	21,76	18,05	16,40	21,60	18,51	18,00	18,01	15,69	16,62	19,95	18,50	20,50
ст. откл.	2,63	2,35	2,54	2,73	2,80	2,96	2,16	2,44	3,18	2,40	3,23	2,78	3,41	2,79	3,32	2,90
Женщины, ср. знач.	15,42	18,19	19,10	19,94	20,40	17,77	17,14	21,04	15,69	18,20	15,92	19,77	18,60	17,89	20,29	18,84
ст. откл.	2,72	2,83	2,97	2,43	2,55	2,59	3,00	2,95	3,00	3,26	3,81	3,67	2,82	3,27	3,18	2,74

Анамнез. Наследственность психическими заболеваниями не отягощена. Единственный ребенок в семье, родилась в срок от нормально протекавшей беременности, роды оперативные (кесарево сечение). Возраст матери при рождении 33 года, отца 31 год. Отец страдает полиомиелитом, мать длительное время наблюдалась по поводу заболевания щитовидной железы. Уверена, что является «нежеланным ребенком», сообщает, что причиной брака родителей была «случайная» беременность матери. О матери отзывается как о «эмоционально холодной», «вечно занятой». Об отце отзывается тепло, отмечает с ним большую «эмоциональную близость». Отношения в семье охарактеризовать затрудняется, называет «неплохими», сообщает о частых ссорах между родителями. В детстве родители ее наказывали редко, 2 раза «ставили в угол», физические наказания не применяли. С 4-летнего возраста стала посещать ДДУ, где с детьми общалась мало, предпочитала играть в «кубики» и «строить постройки», дополняя, что больше нравилось «общаться с самим собой». С этого же возраста общалась с детьми во дворе, в компании мальчиков и девочек, в основном моложе ее на 2 года. Не может рассказать, как проводила время со сверстниками, стереотипно повторяя, что предпочитала «кубики», чтение книг. К своему женскому имени относилась спокойно, родители одевали как девочку, тут же утверждает, что именно с этого возраста «понял, что не девочка, сделал вывод, что мальчик». В возрасте 4—5 лет обнаружила у себя в области половых органов «кожную складку», которую восприняла как «недоразвившийся половой член», о которой «думал 2 месяца, а потом забыл». С 7 лет пошла в школу, успеваемость была хорошей. Отношения с одноклассниками называет «формальными», предпочитала не общаться, друзей не было. После отмены обязательного ношения школьной формы (с 11 лет) перестала носить юбку, с тех пор одевается только в брюки, предпочитая джинсы. Поведение в школе было удовлетворительным, описывает лишь один конфликт с мальчиком-ровесником, который «дразнился». Свободное время проводила за чтением книг, часто представляя себя на месте героев, вне школы мало контактировала со сверстниками. Называет своими любимыми книгами «Три мушкетера», фантастические произведения Стругацких и Азимова. Любимый литературный герой в этом возрасте был Д'Артаньян, тут же говорит, что и остальные герои Дюма также нравились. С 12 лет впервые задумалась о перемене пола. Рассказывает, что мысли появились после просмотра телепередачи об операциях по смене пола. В возрасте с 12 до 20 лет воспринимала свое женское имя как должное, и что «вообще удобнее было быть существом без пола». Месячные с 12 лет, установились сразу, до 17 лет регулярные, затем цикл стал нерегулярный, отметила несколько эпизодов аменореи. Молочные железы стали развиваться с 13—14 лет, оволосение лобка с

12 лет, подмышечных впадин с 13 лет. Появление первых менструальных выделений восприняла «испуганно», так как не была информирована матерью об этом. Также говорит, что ей было «неприятно, раздражал запах и настолько, что не хотелось мыться». С 14—15 до 20 лет носила бюстгальтер, свое отношение к нему называет «нейтральным». Сообщает, что предпочитала спортивное белье. С 20 лет бинтует грудь. После окончания 11 классов школы поступила в РХТИ им. Д. И. Менделеева, где проучилась полгода. Пыталась поступить в театральный институт, но неудачно, затем поступила в РГСУ (социальный университет), где обучается на психолога. С 17 лет курит. С этого же возраста употребляет алкоголь, приблизительно в течение года злоупотребляла алкоголем, предпочитая крепкие напитки, максимальное количество употребляемого спиртного – около полулитра водки. В вузе отношений с сокурсниками практически не поддерживала, в последнее время перевелась на вечерний факультет.

Сексологический анамнез. Нормативный интерес к половым признакам противоположного пола до 7 лет отрицает, поясняя, что смотреть было неинтересно, так как относилась к мужскому полу. Период межполовой дистинкции не выявляется. Платоническое либидо – в 14 лет «влюбилась» в одноклассницу, с которой нравилось общаться, испытывала волнение, когда, приходя к ней домой, видела ее в «коротком халатике», при возможности «любовался» ею на уроках. Мастурбацию, эротические фантазии и сновидения категорически отрицает. В 17 лет в состоянии алкогольного опьянения впервые вступила в интимные отношения с молодым человеком. Описать первый половой акт затрудняется, ссылаясь на полное запечатывание произошедшего. После этого несколько раз вступала в интимные отношения с мужчинами, в основном в состоянии опьянения, оценивает отрицательно, но говоря, что «это лучше, чем мастурбация». Свое неприязненное отношение к мастурбации объясняет тем, «что раздражает вид и запах выделяющейся слизи». С мужчинами отношения называет «одноразовыми», всего количество интимных связей 3—4. Эротическое либидо – в 19—20-летнем возрасте познакомилась с сокурсником, с которым после продолжительного общения захотелось поцеловаться, но девушка отказала, сказав, что «не лесбиянка». С ноября 2003 г. (с 21 года) проживает с женщиной, которая старше ее на 11 лет. Отношения называет «гармоничными», в интимной близости используют мануальные, оральные ласки, осуществляют также половой акт с использованием фаллоимитатора. Утверждает, что «испытывает иллюзию оргазма», так как «чувствует, что все происходит как у нормального мужчины».

Из выписки ПБ: со слов матери: отец в воспитании ребенка участвовал мало, так как «много работал». До 6 лет в детском саду ни с кем не разговаривала, воспитатели думали, что не умеет говорить, очень удивились, когда услышали, что общается с матерью. В семье назвали женским именем, относилась к этому спокойно, была коротко стриженной, все на улице говорили, что похожа на мальчика, в связи с чем отрастила волосы, наряжалась, выбирала заколки, платья. Мать не заметила предпочтения мужской одежды в 12 лет, обследуемая по-прежнему носила юбки, длинные волосы. Матери рассказывала о своей влюбленности в актера Караченцова. В 2001 г. встречалась с молодым человеком, ездили на экскурсии, неделю провели в гостях у его родителей. Забеременела от него, однако тот жениться отказался, сделала аборт, в течение 2—3 месяцев была подавленной, затем настроение выровнялось. На 3-м курсе познакомилась в институте с молодым человеком, была в него влюблена, однако он оказался нетрадиционной ориентации и отказал, сказав, что будет встречаться «с женщиной и только», после чего начала примерять на себя мужскую роль, стала говорить мужским голосом, сначала только с этим молодым человеком, затем со всеми, начала бинтовать грудь, подстриглась, перестала носить юбки, однако продолжала носить женские вещи, говорила всем, что она мужчина. Посещала гей-клубы, в 2003 г. познакомилась с женщиной, который носит женскую одежду, называет себя мужским именем. Сама больная говорит, что это «девушка с эндокринными проблемами, а может быть, и гермафродит». С августа 2003 г. проживает с этой «девушкой» в ее квартире, оставила институт, так как «надо было зарабатывать деньги», является

«главой семьи». По дому выполняет мужскую работу, забивает гвозди и т. д., подробнее объяснить не может, также не может объяснить, как выполняется какая-либо мужская работа по дому. В ноябре 2004 г. обратилась в психоэндокринологический центр с просьбой о смене пола, наблюдалась психиатром, посетила несколько психотерапевтических занятий, однако бросила, так как «не почувствовала эффекта». Самостоятельно с апреля 2004 г. стала принимать мужские гормоны, подобрав дозы по результатам анализов. В сентябре «сообщили, что операции не будет в любом случае», отчаявшись, совершила две суицидальные попытки, пыталась ввести в вену воздух, однако в первый раз помешала «сожительница», а во второй раз «не попала в вену». В психическом статусе отмечено, что на беседах с врачом при расспросах о болезни говорит заученными одинаковыми фразами, в точности повторяя свой рассказ при поступлении. Лжива, отрицает сведения, данные матерью, отрицает сведения об аборте, о своей влюбленности в Караченцова, говорит, что любила его «как учителя», утверждает, что с 12 лет не носила юбки, про фотографии говорит, что они «относятся к более раннему периоду», когда «пыталась адаптироваться». Психолог: на первый план выступают эмоционально-личностные нарушения, а также некоторые колебания внимания и замедленная вработываемость. ЭЭГ: легкие диффузные изменения биоэлектрической активности. Окулист: миопия высокой степени, астигматизм. Гинеколог: гиперандрогения, гирсутизм. От предложенного лечения в условиях психиатрического стационара отказалась.

Психическое состояние. В кабинет заходит неуверенно, заметно волнуется. Походка и движения резкие, угловатые, неловкие. Присаживается на стул ссутулившись, сдвинув колени, на них кладет ладони рук, которые часто потирает о джинсы. Говорит с опущенной головой, изредка бросает взгляд на собеседника. Одета в мужскую одежду, волосы подстрижены. Мимика маловыразительная, жестикулирует мало, движения скованные. В течение беседы несколько оживляется, угодливо кивает головой, натянуто улыбается. О себе говорит в мужском роде, просит называть себя Русланом. Практически не упоминает о своих родителях, причины разрыва отношений с семьей не называет, тут же повторяя об «эмоциональной холодности матери». Противоречиво говорит о друзьях, отношениях с мужчинами, настаивая на их мимолетности, считая причиной алкоголь. О причинах своей алкоголизации в возрасте 17—18 лет не распространяется, говоря, что употребляла алкоголь из-за «конфликта, неустroенности», говорит, что не нравилось учиться в РХТИ, отмечая, что «хотела быть исследователем, а там готовят инженеров». В разговоре часто использует медицинские термины, правильно понимая их значение и произнося их нарочито уверенно, наблюдая за реакцией собеседника. Так, говоря о причине обращения, уверенно сообщает, что ей это необходимо не только для мастэктомии, но и для последующего удаления «внутренних половых органов». Отмечает, что это желание появилось около года назад, когда поняла, «чтобы быть мужчиной», ей необходимо удалить «не только молочные железы». Желание изменить пол объясняет тем, что «так чувствовала себя всегда», однако при уточняющих вопросах путано объясняет, что якобы с 4 лет чувствовала себя «мальчиком». Уверяет, что «по-настоящему» стала уверена в необходимости оперативного лечения в 12 лет, когда просмотрела телепередачу о транссексуализме. На вопросы о менструальном цикле, восприятии своего тела реагирует с нарочитым отвращением, поясняя, что говорит об этом, так как «это необходимо». Постоянно настойчиво интонационно выделяет слова об оперативном лечении, в ответ на вопрос, зачем именно ей это необходимо, после размышления заявляет, что для нее это перспектива прекратить бинтование груди, болезненное для нее. Тут же сообщила, что бинтует грудь с середины 2004 г., спохватившись, добавляет, что раньше бинтовала «нерегулярно», а сейчас постоянно, так как устроилась на работу, якобы без предъявления паспорта и трудовой книжки. Вскользь упоминает, что уверенность в надобности операции подкрепилась еще и сведениями из Интернета. Всячески пытается подчеркнуть свою принадлежность к желаемому полу, так, уверенно рассуждает о том, кто должен зарабатывать деньги в семье. Говорит, что запретила работать своей

девушке, при этом затрудняется сообщить, какой она видит их дальнейшую жизнь, кто и как собирается обеспечивать семью. Однако на вопрос о биологическом поле партнерши, сексуальных контактах с ней с раздражением заявила, что та называет себя «Ирина», а до ее половых органов она «не дотрагивалась». В ответ на вопрос о расхождении данных о ее поведении, сообщаемых матерью и ей самой, заявила, что мать «вытесняет факты из памяти». Говорит, что предпочла бы, чтобы мать не встречалась с врачами, поскольку «не испытывает от этого положительных эмоций», однако это «страхует врачей от ошибок». Интересуется философией, в ответ на уточняющие вопросы, какие именно течения в философии ее привлекают, поясняет, что «позиция этики долга ей ближе, чем позиция счастья и любви к Богу». Также с некоторым раздражением воспринимает вопросы о том, на какие средства она планирует операцию. Не имеет конкретных планов на будущее, предполагает, что операция может изменить ее жизнь, но что именно она под этим подразумевает, сообщить затрудняется.

Психологическое исследование: В ходе исследования испытуемая контакту доступна, контакт формальный. Держится скованно, напряженно. Отмечаются трудности удержания зрительного контакта. Дистанцию соблюдает. Инструкцию понимает с первого предъявления и удерживает на протяжении выполнения всего задания. Темп работоспособности ровный, чрезмерно высокий. Признаков психического истощения не обнаружено. В силу психологического образования испытуемой результаты применения методов патопсихологического исследования представляются недостаточно достоверными.

При исследовании мнестических процессов обнаружен высокий уровень запоминания в непосредственной слухоречевой памяти (кривая запоминания в непосредственной слухоречевой памяти 8—10—10 и отсроченно 10 слов). Опосредование улучшает процесс запоминания (по данным методики «Пиктограммы» из 20 предложенных для запоминания слов все воспроизвела точно). При исследовании мыслительных процессов обнаружена доступность обобщений, которые строятся преимущественно с опорой на существенные признаки и свойства предметов (по данным методик «Четвертый лишний», «Сравнение понятий»). По результатам методики «Пиктограммы» обнаружена некоторая выхолощенность и бессодержательность образов. Отмечается легкость возникновения ассоциаций.

Полоролевая идентичность характеризуется преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа Я-реальное в методике «МиФ»). На эмоциональном уровне также характерна идентификация с образом мужчины и мальчика (по данным методики «ЦТО» испытуемая устанавливает цветоассоциативные связи между понятиями: «Я», «Я-идеал», «мужчина», «идеальный сексуальный партнер», «мальчик», «секс»). Последние данные могут также свидетельствовать о аутоэротических тенденциях.

Полоролевые предпочтения также характеризуются преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа Я-идеальное в методике «МиФ») и согласуются с представлениями испытуемой о мужской половой роли, что свидетельствует о том, что образ мужчины включен в ценностно-смысловую структуру личности испытуемой. Представления о женской половой роли характеризуются преобладанием фемининных черт (фемининный тип образа «Женщина должна быть...» в методике «МиФ»). Образ женщины носит положительное эмоциональное отношение (по данным методики «ЦТО»).

Особенности поведения в ситуации взаимодействия с женщинами характеризуются выраженностью и маскулинных, и фемининных черт (андрогинный тип образа «Я с точки зрения женщин» в методике «МиФ»), а в ситуации взаимодействия с мужчинами – преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа «Я с точки зрения мужчин» в методике «МиФ»).

Представления о мужской половой роли характеризуются преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа «Мужчина должен быть...» в методике «МиФ»). Образ муж-

чины носит амбивалентное эмоциональное отношение (по данным методики «ЦТО» испытуемая устанавливает связи между понятиями: «мужчина», «боль», «опасность», «радость», «успех», «злоба», «угроза», «счастье», «мальчик», «активность»).

Сексуальные предпочтения характеризуются преобладанием фемининных черт (фемининный тип образа «Женщина должна быть...» в методике «МиФ») и согласуются с представлениями испытуемой о женской половой роли (близость образов «Женщина должна быть...», «Идеальный сексуальный партнер» и «Реальный сексуальный партнер» в методике «МиФ»), что свидетельствует о том, что женщина входит в структуру сексуальных предпочтений испытуемой.

На основании вышеизложенного комиссия приходит к выводу, что М. транссексуализмом не страдает, обнаруживает признаки психопатии паранойяльного круга с нарушением половой идентичности и полоролевой трансформацией. Показаний к смене паспортного пола не выявлено. Рекомендуется наблюдение и лечение у психиатра по месту жительства.

Спустя четыре года М. обратилась в консультативно-диагностическое отделение. В ходе исследования выяснилось, что М. обратилась в другое экспертное учреждение, получила разрешение на смену паспортного пола, гормональную и хирургическую коррекцию. Цель повторного обращения – психотерапевтическая коррекция сексуальной дисгармонии.

При повторном психологическом исследовании, проведенном через четыре года, у М. были обнаружены следующие особенности полового самосознания.

Полоролевая идентичность характеризуется отсутствием выраженности полоролевых черт (недифференцированный тип на границе с маскулинным образа Я-Реальное в методике «МиФ»). Образ Я характеризуется положительным эмоциональным отношением (по данным методики «ЦТО» характерна цветоассоциативная связь между понятиями: «Я», «друзья», «радость», «решительность», «успех», «вспыльчивость», «мальчик», «друг», «привлекательность», «секс», «счастье», «мужчина», «веселье», «приятный человек»). Полученные данные также могут свидетельствовать о недостаточно дифференцированном восприятии возрастного аспекта мужской половой роли, об идентификации с образом мужчины и мальчика на эмоциональном уровне, о личностной незрелости.

Полоролевые предпочтения характеризуются преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа Я-Идеальное в методике «МиФ»). Идеальный образ Я характеризуется амбивалентным эмоциональным отношением (по данным м-ки «ЦТО»: «семья», «горе», «упорство», «люди», «холод», «прошлое», «грубость», «уравновешенность», «Я-Идеал»). Полученные данные могут свидетельствовать о «слабости» образа Я-Идеальное, о невозможности детерминации им поведения.

Представления о мужской половой роли также характеризуются преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа «Мужчина должен быть...» в методике «МиФ»). Образ мужчины носит положительное эмоциональное отношение.

Паттерны поведения в ситуации взаимодействия с мужчинами характеризуются чрезмерной выраженностью маскулинных черт (маскулинный тип образа «Я с точки зрения мужчин» в методике «МиФ»), в ситуации взаимодействия с женщинами – отсутствием выраженности полоролевых черт (недифференцированный тип образа «Я с точки зрения женщин» в методике «МиФ»). Полученные данные могут свидетельствовать о дезадаптивном характере поведения в ситуации взаимодействия с женщинами, а также о том, что образ Я отстраивается от социального окружения, т. е. нестабилен.

Представления о женской половой роли характеризуются преобладанием фемининных черт (фемининный тип образа «Женщина должна быть...» в методике «МиФ»). Образ женщины характеризуется позитивным эмоциональным отношением (по данным методики

«ЦТО»: «женщина», «ребенок», «надежда», «безопасность», «идеальный сексуальный партнер», «девочка», «спокойствие»). Полученные данные свидетельствуют о недостаточном дифференцированном восприятии возрастного аспекта женской половой роли, в сексуальные предпочтения испытуемого входят образы женщины, девочки и ребенка.

Сексуальные предпочтения характеризуются преобладанием фемининных черт (фемининный тип образа «Идеальный сексуальный партнер» в методике «МиФ»), однако недостаточно согласуются с представлениями о женской половой роли (отсутствие близости между образами «Женщина должна быть...» и «Идеальный сексуальный партнер»).

По данным теста «Руки» для испытуемого характерны выраженные трудности межличностной коммуникации (преобладание ответов по типу «активная безличность» и «напряжение»), демонстративность.

По данным проективных рисуночных тестов характерны грубые нарушения физического образа Я, нестабильность переживания образа Я, тревожность, подозрительность.

Таким образом, для испытуемого характерно: недифференцированность полоролевой идентичности, когнитивная и эмоциональная интериоризации мужской половой роли при недостаточной смысловой; образ мужчины входит в ценностно-смысловую структуру личности испытуемого, однако не участвует в регуляции поведения; слабость, неустойчивость образа Я, личностная незрелость, нарушения образа физического Я; недифференцированное восприятие возрастного аспекта половых ролей; дезадаптивный характер поведения в ситуации взаимодействия с женщинами; предпочтение в качестве сексуального партнера на эмоциональном уровне женщины и девочки; трудности межличностной коммуникации.

Методика «МиФ» может применяться также и на испытуемых начиная с младшего подросткового возраста, для этого стимульный материал был модифицирован (Дворянчиков Н. В., Носов С. С., 2005).

Для исследования испытуемых младшего подросткового возраста (11—12 лет) были подвергнуты изменению формулировки некоторых незаконченных предложений, а именно предложения «Мужчина должен быть...», «Женщина должна быть...», «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...» изменялись соответственно на «Мальчик должен быть...», «Девочка должна быть...», «Мальчики считают, что я...», «Девочки считают, что я...»

Предложения на оценку сексуальных предпочтений по понятным причинам были исключены («Мой реальный сексуальный партнер...», «Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...»). Вместо этого был добавлен блок оценки полоролевых эталонов – характеристики индивидом полотилического, обычного, нормативного поведения сверстников (предложения «Обычно девочки...», «Обычно мальчики...»). Во всем остальном процедура проведения и обработки осталась прежней.

Модифицированный для подростков вариант был проведен на выборке из 147 учащихся sixth классов общеобразовательной школы.

Выяснилось, что у мальчиков преобладал маскулинный тип полоролевой идентификации, Я-реальное находился в правом нижнем (маскулинном) секторе. Образ мужчины характеризовался андрогинностью и соответствовал полоролевым предпочтениям (близость Я-идеального и «Мужчина должен быть...» в правом верхнем андрогинном секторе). Образ женщины характеризовался выраженными андрогинными чертами, с большим удельным весом фемининных качеств, причем стереотипы и эталоны поведения, свойственные для противоположного пола, практически совпадали (близость «Женщина должна быть...» и «Обычно девочки...»). Я-реальное соотносилось с образом «Девочки считают, что я...», что может отражать значимость для образа Я оценок женской референтной группы.

В группе девочек преобладал фемининный тип полоролевой идентификации, Я-реальное находился в левом верхнем (фемининном) секторе. Образ женщины характеризовался пре-

обладанием андрогинных качеств, причем эталонное восприятие женского поведения также соответствовало андрогинии («Женщина должна быть...» и «Обычно девочки...»). Полоролевые предпочтения характеризовались тенденцией к накоплению маскулинных черт и содержались в андрогинном секторе (Я-идеальное и «Мужчина должен быть...»). Я-реальное соотносилось с образом «Мужчины считают, что я...», что может отражать значимость для образа Я оценок мужской референтной группы (Дворянчиков Н. В., Носов С. С., 2010).

Для исследования полового самосознания в старшем подростковом и раннем юношеском возрасте в некоторых случаях (определяемых задачами исследования) инструкция может предъявляться во «взрослом» варианте.

Пример применения методики «МиФ» для исследования особенностей полового самосознания у девушки-подростка.

Испытуемая: В., возраст: 15 лет.

Испытуемая легко вступает в вербальный контакт, но держится скованно, сутулится. Ориентирована в месте и времени правильно. На вопросы отвечает развернуто в плане заданного. Настроение с оттенком грусти, иногда отмечают тики в области правого глаза (говорит, что они усиливаются, когда бабушка рядом). Дистанцию меняет синтонно экспериментатору.

Испытуемая представляется мужским именем: «Зовут меня Валера, хотя по паспорту я Варвара». Предпочитает, чтобы в ходе беседы ее называли мужским именем. Сообщает о желании в будущем изменить свой пол, считает себя больше мальчиком, «средним полом», «недоразумением».

При разговоре о детстве сообщает, что всегда предпочитала одежду и игрушки мальчиков, любила также рисовать карты и планы несуществующих островов. До второго класса не знала, как зовут одноклассников. В общении со сверстниками избирательна, критична к недостаткам других. Отмечает у себя проблемы в общении и чувство одиночества, которым тяготится. Была близкая подруга, но с ней давно уже не виделась, переживает по этому поводу. В беседе отмечает, что пробовала встречаться и с мальчиками, и с девочками, но «не получилось ничего хорошего». На вопрос о сексуальном влечении и предпочтении отвечает, что оно не сильно выражено, сексуальная ориентация «наверное, и к тем и к тем».

В настоящий момент общается преимущественно на интернет-форумах транссексуалов, посещает секцию карате, занимается с гантелями дома. Рассказывает, что пробовала общаться на лесбийских форумах, но отмечает, что «с ними скучно». Носит мужскую одежду, утягивает, бинтует грудь и очень тяготится своей женской конституцией. На вопрос о причинах отвечает, что это неудобно и некрасиво.

Строит планы на будущее, говорит, что хотела бы быть интернет-дизайнером (сейчас пробует создавать сайты) и поступить в институт, но тревожится по поводу вхождения в новый коллектив (придется скрывать свой пол).

По методике «ЦТО» составляет цветовую последовательность: 30461572, что может говорить о противоречивости тенденций, активности, которая компенсирует невозможность реализации внутренних потребностей, чертах стеничности, трудностях самореализации, увеличении дистанции с окружающими. Присутствуют тревожные опасения непреодолимости существующих проблем, трудности в межличностных контактах из-за повышенной сосредоточенности на своих проблемах. Образ себя считается эмоционально привлекательным, занимает первый ранг в цветовой последовательности и соответствует красному цвету, но в то же время несет характеристики напряженности и амбивалентности по отношению к себе (красный: «я – наказание – счастье»). Коричневый цвет занимает четвертый ранг, является эмоционально привлекательным и соотносится с группой понятий: «какой я стану – мальчики – еда – праздник – лето», что может отражать стремление к идентификации с мужским полом, эмоциональную привлекательность мужского полоролевого поведения. Образ отца воспринимается как амбивалентный, несет в себе как положительную, так и отрицательную эмоцио-

нальную нагрузку, соответствует синему цвету (связано с высокой моральной оценкой) и занимает пятый ранг (синий: «покой – отец – неприятности – горе»). Образ бабушки, которая принимает наибольшее участие в воспитании девочки и проявляет наибольшую обеспокоенность существующими проблемами, оценивается как эмоционально непривлекательный, соответствует фиолетовому цвету, занимает шестой ранг (фиолетовый: «бабушка – мое самочувствие сегодня – удовольствие – курение»). Самым эмоционально отвергаемым считается образ матери и связанный с ней образ женского пола, занимает восьмой ранг и соответствует зеленому цвету (зеленый: «мама – девочки – погода сегодня – будущее»), что свидетельствует о пессимистичной настроенности, о проблемах в идентификации с матерью, неприятии женских полоролевых стереотипов, тревоги в отношении своего будущего.

Отношения в семье по типу «я хорошая – они плохие», образ себя занимает первый ранг, образы членов семьи занимают последние четыре позиции.

По опроснику «Индекс жизненного стиля» отмечается доминирование защитных механизмов: проекции, замещения, подавления и регрессии.

По данным методики «МиФ» у испытуемой преобладает недифференцированный тип полоролевой идентичности (Я-реальное в левом нижнем секторе). Образ мужчины характеризуется выраженным преобладанием маскулинных черт над фемининными. Близость образов Я-идеальное и «Мужчина должен быть» свидетельствует о значимости для испытуемой образа мужчины, о включенности мужского полоролевого стереотипа в систему полоролевых предпочтений. Образ женщины характеризуется выраженными фемининными чертами (левый верхний квадрат) и соответствует сексуальным предпочтениям (близость «Женщина должна быть» и «Идеальный сексуальный партнер»). Я-реальное соотносится с образом «Женщины считают, что я...», что может отражать значимость для образа Я оценок женской референтной группы.

При проведении экспериментальной процедуры «ФПО» выявляется четкая дифференцировка мужского и женского пола по признакам «поза», «фигура», «одежда», что отражает сформированность представлений о полоролевых стереотипах и соответствие их культуральным по всем указанным атрибутам. По всем трем признакам преобладает идентификация с мужской половой ролью, т. е. испытуемая высоко оценивает собственное сходство с персонажами, обладающими мужскими атрибутами по параметрам «поза», «одежда», «фигура». По всем трем признакам преобладает стремление к обладанию атрибутами мужской половой роли. Как наиболее сексуально привлекательные оцениваются персонажи с преобладанием мужских черт по всем трем атрибутам. При этом карточки с недифференцированными по полу признаками оцениваются как более женственные (особенно по параметрам «фигура» и «одежда»), что может отражать некоторую категоричность и полярность представлений о половых ролях, их взаимоисключающий характер.

Выполняя методику «Рисунок человека» рисует мужской персонаж, причем рисовать начинает с тела. Нарисовав, пояснила: «Это каратист, ему 24 года, он выполняет “тычок” кому-то. Он сосредоточен». Особенности изображения в большей степени соответствуют рисункам мальчиков-подростков (динамичность фигуры), отмечается отсутствие внутреннего равновесия и сильное напряжение (нарушение пропорций), можно говорить о повышенной тревожности, связанной с общением (голова в профиль, тело анфас). Отмечается обеспокоенность своим телесным образом (перечеркнутое туловище, самурайский меч в области гениталий).

«Кинетический рисунок семьи» свидетельствует о неустойчивости семейного положения (подчеркивание опоры). Наиболее доминантной и субъективно значимой считается фигура биологического отца, в рисунке «отец смотрит на них» (отец изображен с длинными волосами). Второй фигурой испытуемая изображает себя, которая занимается с гантелями. Фигура занимает неуверенное положение, она ссутулилась, перекрест рук и гантели в области груди

отражают дискомфортные переживания, связанные с восприятием этой области. В районе гениталий на рисунке многочисленные стирания, что также отражает конфликтность в принятии половой роли. Следующими персонажами рисуются Олег-отчим и мать: «Олег только что приехал, и мама его встречает». В последнюю очередь рисует бабушку, которая «с недовольством смотрит, ей не нравится». Забывает нарисовать деда, при указании на это сообщает, что «забыла, потому что дед не участвует во всем этом дурдоме». Анализируя направление фигур, следует отметить, что фигура испытуемой (направление вправо) соответствует направлению мужских фигур (отца и отчима), женщины (мать и бабушка) смотрят в противоположную сторону, это может говорить о большей идентификации с мужскими образами.

Таким образом, по результатам психологического обследования у испытуемой на передний план выходят искажения в становлении и усвоении аспектов полового самосознания, а именно: половая идентичность с доминированием недифференцированных черт, проявляется также стремление к идентификации с мужскими полоролевыми стереотипами. Отмечается непринятие аспектов женского полоролевого поведения, негативное отношение к ним. Сексуальные предпочтения соответствуют как мужским, так и женским образам. Эмоционально-личностная сфера характеризуется напряженностью, тревожностью в ситуации общения, амбивалентностью, наличием стеничных, дистимичных и шизоидных черт. Нарушения психосексуального развития, адекватного становления полоролевой идентичности проходят на фоне нарушений семейного воспитания (эмоциональное отвержение и гипоопека со стороны матери, а также повышенный контроль со стороны бабушки).

Образец бланка для исследования взрослых испытуемых представлен в Приложении 1.

Бланк для исследования подростков начиная с 11 лет – в Приложении 2.

МЕТОДИКА «ЦТО» (ЦВЕТОВОЙ ТЕСТ ОТНОШЕНИЙ)

Цветовой тест отношений – это невербальный компактный диагностический метод, отражающий как сознательный, так и частично неосознаваемый уровни отношений человека. Он базируется на предположении о том, что существенные характеристики невербальных компонентов отношений к значимым другим и к самому себе отражаются на цветовых ассоциациях к ним.

Теоретическую основу методики составляют концепция отношений В. Н. Мясищева, идеи Б. Г. Ананьева об образной природе психических структур любого уровня и представления А. Н. Леонтьева о чувственной ткани смысловых образований личности.

Методической основой данного метода является цветоассоциативный эксперимент, идея и процедуры которого разработаны А. М. Эткингом (1988), В. В. Сталиным (1987). Как отмечает А. М. Эткинд (1988), цвет как модальность, связанная с эмоциями на глубинном уровне, может быть использован для выявления эмоциональных отношений.

Использование невербальных процедур позволяет цветовому тесту выявить не только осознаваемый, но и бессознательный уровень системы отношений, что может дать ценную информацию о внутренних конфликтах субъекта, характерных для него способах защиты (Столин В. В., 1987).

В качестве стимульного материала выступает набор цветов из восьмицветового теста М. Люшера. Этот набор отличается достаточной компактностью, удобен в применении. При относительно небольшом количестве стимулов в нем представлены основные цвета спектра (синий, зеленый, красный и желтый), два смешанных цвета (фиолетовый и коричневый) и два ахроматических цвета (черный и серый).

Процедура тестирования проста и заключается в необходимости для испытуемого подобрать к каждому из людей и понятий подходящие цвета. ЦТО имеет краткий и полный вариант проведения, различающиеся по способу извлечения цветовых ассоциаций.

Весьма существенной особенностью ЦТО является экономичность, проявляющаяся в малом объеме временных затрат на его проведение и интерпретацию.

ЦТО хорошо применять в начале исследования, с помощью него легко устанавливать доверительный контакт с испытуемым (особенно при работе с детьми и подростками).

Получаемая с помощью ЦТО информация является полезной в психотерапевтической практике, так как она может быть прямо использована для ориентации индивидуальной, групповой и семейной психокоррекционной работы.

Проведение ЦТО обычно осуществляется в следующем порядке:

1. Психолог в контакте с испытуемым составляет список лиц, представляющих его непосредственное окружение, а также понятий, имеющих для него существенное значение. Конкретная форма списка зависит от контекста, личности и жизненного пути тестируемого. Перечень слов может быть стандартным, формализованным, а может и меняться в зависимости от диагностических задач. Психолог составляет список значимых слов до тестирования, руководствуясь данными анамнеза.

Например, для детей основной список понятий таков: мать; отец; брат (сестра); бабушка, бабушка либо другие лица, с которыми живет или общается ребенок; учительница (воспитательница); друзья; я сам; каким я хочу стать; мое настроение дома; мое настроение в школе (детском саду); мой врач и т. д. Нередко имеет смысл получить список значимых лиц от самого испытуемого (или его родственников), попросив его назвать людей и ситуации, имевших важное значение в его жизни. Все ключевые слова мы рекомендуем «разбавить» словами более нейтральными (например: погода сегодня, весна, дом, собака и т. п.) и словами, отражающими основные эмоции (страх, печаль, гнев и т. п.).

2. Цвета раскладываются на белом фоне в случайном порядке. Затем психолог просит испытуемого подобрать к каждому из людей и понятий, которые последовательно им зачитываются, подходящие цвета. Выбранные цвета могут повторяться. В случае возникновения вопросов психолог разъясняет, что цвета должны подбираться в соответствии с характером людей (явлений), ассоциативно, а не конкретно по их внешнему виду (например, цвету одежды).

3. После завершения ассоциативной процедуры цвета ранжируются испытуемым в порядке предпочтения начиная с самого «красивого, приятного для глаза» и кончая «самым некрасивым, неприятным» (инструкция может предъявляться так же, как и в тесте М. Люшера).

Интерпретация полученных результатов обычно проводится на основе качественного анализа цветоассоциативных ответов.

Очень важным моментом интерпретации служит то, что ответы следует расшифровывать целостно, в их взаимной связи друг с другом. Существенное диагностическое значение имеют пересечения ассоциаций, при которых разные стимулы соотносятся с одним и тем же цветом. Это позволяет сделать предположение об их идентификации (например, идентификации ребенка с одним из родителей).

Практика показывает, что дети начиная с 3—4 лет уже способны легко давать цветовые ассоциации, принимая задачу тестирования как интересную игровую ситуацию. Чем выше уровень эмоциональной привлекательности, близости, симпатии в отношении ребенка к тому или другому объекту (например, к кому-то из родителей), тем с более предпочитаемым цветом он ассоциируется. Ранг этого цвета находится в начале цветовой последовательности. Напротив, отвергаемый объект обычно ассоциируется с цветами, получившими наибольшие ранги в индивидуальной цветовой раскладке.

Диагностически значимым является не только ранг цвета, с которым ребенок ассоциирует кого-либо из родителей, но и сам этот цвет. Так, ассоциация с красным часто указывает на доминантного отца или активную, импульсивную мать. Ассоциация с зеленым может говорить о достаточно жестких отношениях в семье и может быть признаком родительской гиперопеки. Ассоциация с серым цветом может свидетельствовать о пассивности, а также о непонимании и отторженности ребенка от отца или матери.

Интересные результаты дает анализ цветового самообозначения ребенка того цвета, с которым он ассоциирует самого себя. Чем меньше ранг этого цвета в раскладке, тем выше уверенность ребенка в себе, его самоуважение. Совпадение цветов, с которыми ребенок ассоциирует самого себя и одного из родителей, свидетельствует о наличии сильной связи с ним, значимости процесса идентификации. Важную роль играет то, где в цветовой раскладке находится цвет самообозначения: перед цветами, с которыми ассоциируются родители (я хороший – они плохие), после них (я плохой – они хорошие) или между ними (отношения могут быть диссоциированы).

Пример применения методики «ЦТО» можно видеть из фрагмента психологического исследования ребенка старшего дошкольного возраста.

Испытуемый: Никита К., возраст: 5 лет.

Ребенок контакту доступен, быстро в него вступает, ориентирован в месте и времени верно. Держится серьезно, гипомимичен. Настроение немного снижено. На вопросы отвечает в плане заданного вопроса в полном объеме, богатый словарный запас. Отмечает, что боится темноты и когда остается один дома. Говорит, что больше любит маму, а «папа лупит или в угол ставит». Временами повторяет слова за экспериментатором, часто переспрашивает, вздыхает. Графические задания выполняет в медленном темпе. В целом уровень развития познавательных процессов соответствует возрастным нормативам. По методике «ЦТО» составляет цветовую последовательность: 47265310, что говорит о стремлении к избеганию проблем, сложностей и напряжения. Может быть эгоцентричен и обидчив. Часто проявляет нетерпение и беспокойство, склонен к угнетенному состоянию.

Цвет самообозначения занимает 8-й ранг и соответствует серому цвету, что говорит о неприятии себя, заниженной самооценке, слабости и пассивности (серый: «зима – горе – я сам – детский сад»). Эмоционально значимым является образ матери и бабушки, который ассоциируется с активностью, связан с положительными эмоциями, занимает 1-й ранг и соответствует желтому цвету (желтый: «радость – весна – мама – врач – лето – праздник – бабушка»). Образ отца связывается с более отрицательными эмоциональными переживаниями, говорит о напряженности, соответствует красному цвету и занимает 6-й ранг. Отношения в семье воспринимаются ребенком по типу: «они хорошие – я плохой» (цвета родителей стоят перед цветом ребенка).

Выполняя графические задания, говорит, что ему тяжело, делает попытки отказа от деятельности, выполняет задания нехотя и пассивно. Кинетический рисунок семьи говорит о неустойчивости семейного положения, тревожности, потребности в любви и заботе (особенно со стороны отца), фрустрируемом стремлении к идентификации с ним.

Таким образом, при соответствующем возрастной норме интеллектуальном развитии у ребенка на передний план выступают его особенности эмоционально-личностной сферы: дистимичность, неуверенность в себе, сниженная самооценка, тревожность, наличие протестных реакций, проходящие на фоне неустойчивости семейных взаимоотношений (особенно с отцом).

Важнейшим результатом проведенных исследований с помощью ЦТО является доказательство самого факта возможности получения цветовых ассоциаций к значимым лицам и социальным стимулам от испытуемых независимо от их возраста, образования, интеллектуального уровня, тяжести симптоматики. Не могут выполнить ЦТО лишь больные, недоступные контакту либо характеризующиеся низким интеллектуальным уровнем.

Методика «ЦТО» также успешно применялась и при изучении лиц с особенностями психосексуальных ориентаций (Кудрявцев И. А., Дозорцева Е. Г., Симоненкова М. Б., 1991).

По мнению Е. Г. Дозорцевой и И. А. Кудрявцева (1994), существуют специфические характеристики смысловой сферы, отражающие направленность сексуального влечения, спе-

цифику смыслового восприятия пола и половой аутоидентификации. Для исследования смыслового аспекта психосексуальности (личностные смыслы, мотивы, установки, отношения, связанные с направленностью сексуального влечения и регулирующие полоролевое поведение) особенно эффективна не столько качественная интерпретация результатов теста, сколько рассмотрение взаимосвязи стимулов друг с другом, проявляющейся в пересечении ассоциаций. Пересечение ассоциаций, при которых разные стимулы соотносятся с одним и тем же цветом, позволяет делать предположение о сходном к ним эмоциональном отношении и смысловой идентификации (Эткинд А. М., 1988). При этом сам характер цвета как носителя отношений существенного значения при анализе не имеет. Е. Г. Дозорцевой и И. А. Кудрявцевым (1994) предложен способ обобщения индивидуальных результатов по группам, образованных на основании определенных признаков, что позволяет выделить характерные для групп неслучайные смысловые связи между понятиями и проводить сравнения между группами именно по характеру и структуре этих связей. В работе И. А. Кудрявцева, Е. Г. Дозорцевой, М. Б. Симоненковой (1991) также использовался качественный анализ, отражающий отношение испытуемого к соответствующему человеку или понятию. На основании этого был сделан вывод о свойственной для гомосексуалистов идентификации с родителем противоположного пола.

Практическое применение методики «ЦТО» можно проиллюстрировать на примере испытуемой Б., 18 лет, которая обратилась по вопросу изменения паспортного пола. В результате обследования ей был поставлен диагноз: «транссексуализм».

По результатам направленного психологического исследования сексуальной сферы Б. выявлено следующее.

Испытуемая легко идет на контакт, ориентируется в ситуации обследования, легко усваивает инструкции, трудности понимания заданий не отмечается, темп работоспособности ровный, признаков истощения в ходе выполнения заданий не отмечается.

Полоролевая идентичность испытуемой характеризуется преобладанием маскулинных черт над фемининными (маскулинный тип по методике «МиФ»). В методике «Кодирование» проявляется также идентификация с мужскими полоролевыми стереотипами – испытуемая устанавливает ассоциативные связи между понятиями «я» – «мужчина» («бамбук» в графе «травянистое растение» – так как «его не так просто сломать»). Это также проявляется в методике «МиФ», где Я-реальное испытуемой практически пересекается с образом «Мужчина должен быть».

Однако полоролевые предпочтения испытуемой (Я-идеальное) в методике «МиФ» характеризуются сбалансированностью полоролевых качеств маскулинности/фемининности (андрогинный тип) и не соотносятся ни с мужскими, ни с женскими полоролевыми стереотипами. **В то же время в методике «ЦТО» испытуемая устанавливает цветоассоциативные связи между понятиями «я-идеал» – «женщина» (желтый цвет). Это может отражать стремление к эмоциональной идентификации с женским полоролевым стереотипом.**

Представления о полоролевых стереотипах достаточно дифференцированы и соответствуют культуральным – «мужчина» – маскулинный тип, «женщина» – четко выраженный фемининный тип (по методике «МиФ»). При этом мужской полоролевой стереотип больше соотносится с полоролевой идентичностью и полоролевыми предпочтениями испытуемой по сравнению с женским полоролевым стереотипом. Следует отметить, что в методике «Кодирование» описание образов «мужчины» и «женщины» отличается некоторой формальностью (описываются отличия между ними преимущественно по форме тела, атрибутивным предметам: помада и т. д.). **А в методике «ЦТО» испытуемая устанавливает цветоассоциативные связи между понятиями «женщина» – «сила» – «упорство» – «успех» – «активность» (желтый цвет), в то время как «мужчина» – «ребенок» – «нежность» – «мальчик» – «сочувствие» – «тепло» (красный цвет). Это может отражать то, что**

при формальной усвоенности полоролевых стереотипов отсутствуют четкие представления о мужской и женской половых ролях. При этом испытуемая отмечает большие трудности в отношении понимания внутреннего мира женщин – «они трудны для понимания (себе на уме), в то время как у мужчин все проще». Это может отражать недостаточную интериоризированность женской половой роли при стремлении к идентификации с мужской половой ролью.

Паттерны полоролевого поведения испытуемой недостаточно дифференцированы в ситуациях, релевантных половому самосознанию, и характеризуются преимущественным доминированием фемининных качеств.

Сексуальные предпочтения (образ идеального и реального сексуальных партнеров) характеризуются выраженностью фемининных качеств и, находясь в «фемининном квадранте», соотносятся с образом «женщины» (методика «МиФ»). **Однако в методике «ЦТО» образ реального сексуального партнера ассоциируется у испытуемой с образом «мужчины» (красный цвет), в то время как образ идеального сексуального партнера соотносится с образом «женщины» (желтый цвет).**

При исследовании мышления были использованы методики «четвертый лишний», «сравнение понятий», «существенные признаки». Испытуемой в целом доступен высокий уровень обобщения, однако в методике «Четвертый лишний» проявляются конкретно-ситуативные обобщения – так, в карточке «птица, молоток, стол, очки» испытуемая выделила как лишнюю «птицу», поскольку «на столе можно что-то забивать молотком, а очки будут защищать глаза».

При выполнении модифицированного теста «Руки» выражены трудности в установлении социальных контактов, тревожность в общении с окружающими (выражена директивность и демонстративность в общении).

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о маскулинности полоролевой идентичности испытуемой, идентификации с мужскими полоролевыми стереотипами; формальности и атрибутивности представлений о полоролевых стереотипах, соответствии образа «женщины» сексуальным предпочтениям испытуемой; недостаточной дифференцированности и фемининности паттернов полоролевого поведения. При исследовании мыслительной сферы наблюдается доступность высокого уровня обобщения с тенденцией к конкретно-ситуативным обобщениям.

Методика позволяет констатировать четкость половозрастной идентификации, особенности интериоризации полоролевых стереотипов, смысловой аспект сферы психосексуальных ориентаций, специфику эмоционального восприятия объекта сексуального предпочтения.

При таких диагностических задачах испытуемому предлагается специальный перечень понятий по темам, позволяющим проследить как особенности идентификации субъекта со значимыми другими («мать», «отец», «друг» и т. д.), так и специфику его психосексуальной ориентации, полового самосознания («идеальный сексуальный партнер», «реальный сексуальный партнер», «мужчина», «женщина», «ребенок», «мальчик», «девочка» и т. д.).

Перечень из 70 слов, позволяющих выявить особенности полового самосознания и сексуальных предпочтений, был предложен Н. В. Дворянчиковым и А. В. Герасимовым (2001) и приведен в образце протокола (Приложение 3).

МЕТОДИКА «КОДИРОВАНИЕ»

В качестве основы модифицированной методики «Кодирование» была взята техника «Проективный перечень» З. Старовича (1991), предлагающего в качестве «нетрадиционного» и «нерутинного» дополнения к процессу сексологического обследования использовать ее для психологического исследования личности. Данная техника применялась для изучения самооценки обследуемого, выяснения его позиции по отношению к собственному и противоположному полу, сексуальным партнерам.

В зависимости от решаемых диагностами задач может меняться содержание и направленность применения методики. Например, при освидетельствовании лиц в процессе производства экспертизы по гражданским делам основное внимание уделяется изучению личности обследуемого, его супруга (супруги) или постоянного сексуального партнера. При производстве судебно-сексологической экспертизы по уголовным делам исследование может охватывать образы «мужчины» и «женщины», а также специфические сексуальные или эротические объекты (при девиантных наклонностях).

Как указывает автор «Проективного перечня», технически метод крайне прост в исполнении, однако интерпретация получаемых с его помощью данных трудна. На наш взгляд, подобные затруднения при интерпретации получаемых результатов исследования во многом связаны с дефицитом именно специальных психологических знаний, в особенности из-за отсутствия четкого представления об имеющихся возможностях и ограничениях при работе с психодиагностическими методами исследования личности.

Основное внимание при модификации «Проективного перечня» уделено выделению специальных параметров исследования и возможности их качественного и количественного шкалирования. В данной модификации эта методика является направленным ассоциативным тестом со стандартной процедурой предъявления стимульного материала, что позволяет проводить как межиндивидуальные, так и межгрупповые сравнения (Ениколопов С. Н., Герасимов А. В., Дворянчиков Н. В., 1996).

Методика «Кодирование» может использоваться для изучения особенностей межличностного восприятия, самовосприятия, а также служить инструментом исследования представлений об образах потенциальных и реальных объектов сексуального влечения. Кроме того, методика позволяет выявить степень интериоризованности полоролевых нормативов, их дифференцированность, эмоциональное отношение к ним.

Испытуемому предлагается подобрать ассоциацию к каждому из стимулов и таким образом как бы «закодировать» стимульный объект в рамках предлагаемых классов понятий. В качестве основных стимулов выступают следующие объекты: «Я», «Мужчина», «Женщина», «Ребенок» (перечень объектов для «закодирования» может меняться в зависимости от конкретной задачи).

	Мужчина	Ребенок	Женщина	Я
Неодушевленный предмет				
Травянистое растение				
Дерево				
Животное				
Музыкальный инструмент				
Геометрическая фигура				
Сказочный персонаж				
Амплуа артиста цирка				

Ассоциативный поток определяется рамками следующих классов понятий: «Неодушевленный предмет», «Травянистое растение», «Дерево», «Животное», «Музыкальный инструмент», «Геометрическая фигура», «Сказочный персонаж», «Амплуа артиста цирка». В рамках каждой категории необходимо предложить такой ассоциативный образ, который по каким-либо свойствам или признакам, с точки зрения испытуемого, наиболее полно отражает и характеризует тот или иной «кодируемый» объект.

Пример инструкции: «Скажите, пожалуйста, с каким неодушевленным предметом можно сравнить мужчину и почему». Далее такой же вопрос задается для следующих понятий (травянистое растение, дерево, животное и т. д.) и для каждого из слов-стимулов соответственно.

Следует особо отметить, что процедура тестирования не ограничивается только выявлением ассоциативного образа, а включает в себя и раскрытие содержательного, смыслового компонента каждой ассоциации.

Например, если на предлагаемый стимульный объект «Женщина» в рамках класса «Травянистое растение» испытуемый подбирает понятие «Роза», то необходимо выяснить:

- а) почему именно этот образ, по его мнению, наиболее соответствует понятию «Женщина»;
- б) какие качества, свойства или характеристики явились объединяющими (общими) при выборе этой ассоциации.

Ответы на такие вопросы помогают выявить смысловой аспект восприятия, особенности эмоционального отношения к «кодируемому» объекту, что способствует и более объективной интерпретации получаемых результатов.

Так, при использовании дополнительных вопросов в одном случае может быть образ «Роза, так как красивая, имеет приятный запах, женщины очень любят этот цветок», который качественно отличается от другого варианта, где «Роза, так как стройная и красивая, но также имеет шипы, может до крови поранить, если не умеешь правильно обращаться».

Структурный анализ результатов теста направлен на исследование четкости и дифференцированности представлений об образах «Мужчины», «Женщины», «Ребенка». При обработке результатов теста в качестве параметров структурного анализа выделяется наличие ассоциативно-семантической близости стимулов (ассоциативное пересечение понятий), определяемых через степень совпадения ответов, где степень подобия объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций (Петренко В. Ф., 1988).

Рассматриваются особенности идентификации с образами «Мужчины», «Женщины» и «Ребенка». Например, пересечение образов «Я» – «Женщина» у испытуемого мужчины может свидетельствовать об идентификации с женскими полоролевыми стереотипами, в то время как пересечение образов «Я» – «Мужчина» – об идентификации с мужскими полоролевыми стереотипами. Пересечение образов «Я» – «Ребенок» говорит о незрелости личности испытуемого, его инфантильности. Немаловажным показателем недостаточной когнитивной дифференцированности половой роли является ассоциативно-семантическая близость образов «Мужчина» – «Женщина».

Среди особенностей неадекватного (искаженного) восприятия реального или потенциального сексуального партнера следует выделить недостаточную дифференцированность половозрастных аспектов, проявляющихся в пересечении образов «Мужчина» – «Ребенок», «Женщина» – «Ребенок», что характерно для таких расстройств сексуального влечения, как педо- и эфебофилия.

Содержательный анализ предполагает выделение и анализ индивидуальных особенностей переживания образа Я.

1. «Доминирование»: «Я – дрессировщик диких животных, люблю укрощать хищников» (испытуемый М., 42 года, садизм).
2. «Зависимость»: «Я – слабое нежное растение, за которым нужно ухаживать и охранять от стихий» (испытуемый М., 36 лет, педофилия).
3. «Соппротивление»: «Я – кактус, если что – могу уколоть, дать отпор» (испытуемый Т., 32 года, расстройств влечения не выявлено).
4. «Трансформированность»: «Я – пластилин, можно вылепить что угодно» (испытуемый Д., 18 лет, гетеросексуальная педофилия); «Я – лед, меня согреть – и я растаю» (испытуемый Д., 18 лет, гетеросексуальная педофилия).

емый П., 30 лет, садизм); «Я – мягкое дерево, из которого можно делать любые вещи» (испытываемый Л., 54 года, гомосексуальный педофильный садизм).

Для выявления и анализа эмоционального отношения к образам «Мужчины», «Женщины» и «Ребенка» фиксируются следующие аспекты:

■ *Нейтральное восприятие* – качество данных ассоциаций отличается формальностью, где нет акцентирования какой-либо аффективной окраски, а также отсутствием каких-либо эмоциональных суждений и оценок по отношению к «кодируемому» объекту.

Нейтральное отношение к образу «Мужчины» может свидетельствовать о недостаточной эмоциональной значимости мужской половой роли для испытуемого, невозможности ее полного участия в регуляции поведения в ситуациях, релевантных половому самосознанию (в частности, такое отношение к половой роли наблюдается при синтонических формах расстройств сексуального предпочтения).

Специфическим паттерном для лиц с расстройством сексуального влечения в виде садизма является «нейтральное» восприятие образа «Женщины», что отражает снижение какой-либо эмоциональной валентности, эмоциональное безразличие в межличностном и межпартнерском взаимоотношении. Характерно, что такого рода искажения не наблюдаются у сексуально-агрессивных лиц без расстройств сексуального влечения, но имеющих выраженное преобладание «негативного» и «отрицательного» отношения к образу «Женщина», что может говорить о существовании различных механизмов в проявлении сексуальной агрессии у лиц с садизмом и у лиц без расстройства сексуального влечения.

■ *Положительное восприятие* – подчеркивание субъективно позитивных и приятных качеств этого объекта (например, «Ребенок» – «котенок, так как мягкий, пушистый, игривый и ласковый»).

Положительное эмоциональное отношение к мужской половой роли характерно для нормативной мужской выборки, что подтверждается многими исследованиями (Симоненкова М. Б., Дозорцева Е. Г., Кудрявцев И. А., 1991; Wood W., 1995; Дворянчиков Н. В., 1998), оно может отражать значимость этой нормы для индивидуума.

■ *Отрицательное восприятие* – подчеркивание негативных аспектов объекта, наличие субъективных суждений и оценок отрицательного характера («Мужчина» – «Дуб, так как он тупой, как дерево, глупый»).

■ *Амбивалентное восприятие* – акцентирование одновременно как приятных и положительных, так и отрицательных качеств объекта («Женщина» – «Печка, так как теплая, может согреть, но может и обжечь», «Осока – красивая, стройная, но можно порезаться», «Крапива – лечит и калечит», «Роза – красивый цветок, но есть шипы, о которые можно пораниться»).

Амбивалентное отношение отражает конфликтность переживания собственного соответствия мужским или женским полоролевым стереотипам, стремление к соответствию и одновременно избеганию данной половой роли.

■ *Деперсонифицированное восприятие* – включает в себя акцентирование косвенных, атрибутивных, неодушевленных и/или формальных признаков («Женщина» – «Деревянная кукла, как хочешь, так ей и играешь», «Манекен – нет чувств, и понимания никакого», «Норка, так как носит шубу такую», «Ребенок» – «Марионетка, на ниточках»).

Формальное, деперсонифицированное отношение отражает атрибутивный характер представлений о половой роли, определение ее через внешние, эмоционально незначимые атрибуты.

Такие искажения когнитивного и эмоционального восприятия образа другого, в том числе и образа потенциального или реального сексуального партнера («Женщина»), характерны для лиц с расстройством сексуального влечения в виде садизма, где в качестве основного фактора выступают неодушевленность, обезличенность, схематичность данных образов.

Содержательный смысловой анализ позволяет также оценить четкость половозрастного восприятия объекта сексуального предпочтения. Так, наличие в описании образа «Женщина» качеств и признаков, более характерных для детского возраста (или же приписывание образу «Ребенок» качеств и признаков, более характерных для взрослой женщины), чаще всего наблюдается при гетероориентированной педо-эфебофилии. Аналогичное восприятие образа «Мужчины», где испытуемый акцентирует качества и признаки, скорее, относящиеся к детскому возрасту (или же приписывание образу «Ребенок» качеств и признаков, более характерных для взрослого мужчины), наблюдается при гомоориентированной педо-эфебофилии.

Примеры ответов испытуемых с различными нарушениями сексуальной сферы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Примеры ответов испытуемых по методике «Кодирование», иллюстрирующее различные варианты эмоционального отношения к оцениваемым объектам

Примечание: В кавычках дается ответ-ассоциация, в круглых скобках – пояснение испытуемого, в квадратных скобках – диагноз.

	Мужчина	Ребенок	Женщина	Я
Неодушевленный предмет	«Трубка» («многие мужчины курят») [нейтральное эмоциональное отношение]. М-н. 25 л. Группа нормы.	«Красивая игрушка какая-нибудь» («дети любят играть») [положительное эмоциональное отношение]. В-н. 22 г. Группа нормы.	«Засезженная пластинка» («послушаешь одну сторону, надоеет — перевернешь на другую») [деперсонифицированное отношение к женщине]. П-в. 27 л. Сексуальный садизм.	«Кусок глины» («податливый, люблю менять форму, кем хочу тем и являюсь людям») [трансформированность образа-Я]. М-о. 28 л. Полиморфный парafilный синдром, садизм, некрофилия, канибализм.
Травянистое растение	«Гладиолус» («цветок крови, гладиаторов, цветок настоящих мужчин, очень нравится») [положительное эмоциональное отношение]. А-н. 32 г. Группа нормы.	«Кашка-цветок» («люблю летом по ней ходить сминать цветочки») [положительное эмоциональное отношение с элементами персонификации]. С-н. 42 г. Гомосексуальная педофилия.	«Крапива» («очень жгучее растение, больно, но польза от нее большая, от многих болезней помогает, суп из нее люблю есть») [амбивалентное эмоциональное отношение с элементами персонификации]. С-в. 26 л. Сексуальный садизм.	«Лук» («мне очень нравится, очень много слоев, плачут многие от меня») [амбивалентное эмоциональное отношение]. В-н. 42 г. Сексуальный садизм.
Дерево	«Дуб» («тупое дерево, все мужчины грубые и тупые») [отрицательное эмоциональное отношение]. Б-в. 22 г. Истероидная акцентуация, краевой транссексуализм.	«Карликовая березка» («на севере такие растут, маленькая по размеру а уже взрослая») [смешение детских и взрослых черт в образе]. П-в. 32 г. Гетеросексуальная педофилия.	«Береза» («красивое дерево, но безтолковое, мебель — не сделаешь, кривое, только на дрова») [амбивалентное эмоциональное отношение с элементами персонификации]. М-в. 45 л. Сексуальный садизм.	«Клен» («стройное красивое дерево») [положительное эмоциональное отношение]. Ю-в. 32 г. Группа нормы.
Животное	«Волк» («царь леса, нет ему равных, все его боятся, страшный, неприятный») [отрицательное эмоциональное отношение]. М-о. 27 л. Сексуальный садизм.	«Пудель» («нравится, но может и тяпнуть больно, намордник на него нужно») [амбивалентное эмоциональное отношение]. В-с. 19 л. Гомосексуальная педофилия, садизм.	«Кошка» («нравится, домашняя, ластится но может и в тапки нагадить и в лицо вцепиться») [амбивалентное эмоциональное отношение]. Т-в. 34 г. Гетеросексуальная педофилия.	«Собака» («самый лучший и преданный друг») [положительное эмоциональное отношение]. Н-в. 27 л. Группа нормы.
Музыкальный инструмент	«Барабан» («тупой и грубый инструмент, но полезный, без него ни одна мелодия не звучит») [амбивалентное эмоциональное отношение]. П-в. 40 л. Раптофилия.	«Металлофон» («очень простой и приятный инструмент») [положительное эмоциональное отношение]. В-н. 45 л. Гомосексуальная педофилия.	«Скрипка» («прекрасное звучание») [положительное эмоциональное отношение]. П-й. 34 г. Группа нормы.	«Орган» («самый универсальный инструмент, любую мелодию вывести сможет») [положительное эмоциональное отношение]. В-в. 34 г. Группа нормы.

	Мужчина	Ребенок	Женщина	Я
Геометрическая фигура	«Квадрат» («фигура — как фигура, ни тепло от нее ни холодно...») [нейтральное эмоциональное отношение]. Б-в. 33 г. <u>Синтоновый</u> вариант сексуального садизма.	«Круг» («обожая круг, он без углов, простой и потенция для любой фигуры») [положительное эмоциональное отношение]. П-в. 33 г. Гомосексуальная педофилия.	«Пирамида» («вершина геометрии — прекрасная фигура») [положительное эмоциональное отношение]. Г-в. 28 л. Группа нормы.	«Куб» («не люблю куб, упертый, тяжелый на подъем, не сдвинешь») [негативное, эмоциональное отношение]. П-в. 34 г. <u>Дистонный</u> вариант, сексуальный садизм.
Сказочный персонаж	«Карлик-нос» («карлик — он как ребенок и взрослый одновременно») [смешение детских и взрослых черт в образе]. С-в. 27 л. Гомосексуальная педофилия.	«Колобок» («ребенок — он ведь и есть как колобок, слепишь его, а потом — катаешь, как хочешь») [деперсонификация образа ребенка]. В-в. 19 л. Гомосексуальная педофилия, садизм.	«Алиса в стране чудес» («вот посмотрите на нее, то малышка, девочка совсем, то вырастает в женщину, и рассудительная такая») [смешение детских и взрослых черт в образе]. Н-в. 25 л. Гетеросексуальная педофилия.	«Баба Яга» («всегда ее мужчины играют, вот и я так»). Н-в. 43 г. Сексуальный садизм.
Амплуа артиста цирка	«Дрессировщик опасных хищников» («очень опасная профессия, мне нравится, все его уважают, боятся») [положительное эмоциональное отношение]. П-в. 28 л. Группа нормы.	«Карлик-клоун» («всем на арене, клоун по душе и мне очень нравится»), [смешение детских и взрослых черт в образе, положительное эмоциональное отношение]. Н-в. 31 г. Гомосексуальная педофилия, садизм.	«Ассистентка фокусника» («распиливают ее, а потом собрать не могут») [деперсонифицированное отношение к женщине]. В-н. 34 г. Сексуальный садизм.	«Конферансье» («хорошо ему, самый главный, всех <u>объявляет</u> а делать ничего не нужно») [положительное эмоциональное отношение]. Г-в. 34 г. Группа нормы.

Практическое применение методики «Кодирование» можно проиллюстрировать на примере испытуемого Д., 34 лет, который проходил экспертизу в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского по поводу совершения развратных действий в отношении собственного ребенка. В результате обследования было диагностировано расстройство половой идентичности, педофилия.

По результатам направленного психологического исследования сексуальной сферы Д. выявлено следующее.

Испытуемый легко идет на контакт, инструкции понимает и удерживает. Смысл исследования понимает, интересуется результатами своей работы. Эмоциональные реакции успеха/неуспеха в ходе выполнения задания адекватны и выполняют регулирующую функцию.

По результатам обследования проективными методами отмечаются следующие особенности личности испытуемого:

Я-реальное испытуемого характеризуется невыраженностью полоролевых черт («недифференцированный тип» по методике «МиФ»), что также отражается при выполнении **методики «Кодирование» (установление семантической связи «Я» – «Ребенок»: «Иванушка» в графе «Сказочный персонаж»);** а также при выполнении теста «Руки», где испытуемый отрицает идентификацию как с мужчинами, так и с женщинами, допуская при этом идентификацию с рукой ребенка. **Кроме того, испытуемый переживает несоответствие себя своим представлениям о том, каким должен быть мужчина, и демонстрирует стремление к ним (данные методик «Кодирование» и «МиФ»).** Стремление соответствовать образу мужчины оказывает значительное влияние на уровень притязаний: при введении дополнительной инструкции («мужчины обычно более точно выполняют задание, т. е. достигают именно той цели, которую себе поставили (ни больше ни меньше)») испытуемый значительно снижает уровень своих притязаний, стремясь соответствовать «мужским стандартам» (проба Шварцландера).

Его представление о том, каким его воспринимают окружающие (зеркальное Я), также характеризуется недифференцированностью, неопределенностью – слабо выраженные маскулинные и фемининные черты. При направленном акцентировании в эксперименте полоролевых различий («каким меня воспринимают женщины» и «каким меня воспринимают мужчины») не выявляет каких-либо изменений, остается недифференцированным (методика «МиФ»), что свидетельствует о нечеткости, расплывчатости представленности в сознании пси-

хологических полоролевых различий. Данный факт в совокупности с неопределенным характером реального Я может отражаться на стереотипности стратегий взаимодействий в ситуациях, требующих участия определенных полоролевых стереотипов.

Идеальное Я соответствует представлениям испытуемого о том, каким должен быть мужчина, и характеризуется выраженными маскулинными и фемининными чертами (методика «Миф»).

Идеальный сексуальный партнер характеризуется выраженными фемининными и маскулинными чертами (методика «МиФ»).

Реальный сексуальный партнер характеризуется невыраженностью полоролевых черт («недифференцированный» тип по методике «МиФ»), что также находит свое отражение при выполнении методики «Кодирование», где испытуемый устанавливает семантические связи между понятиями «Ребенок» – «Женщина» («флейта» в графе «Музыкальный инструмент», отмечая, что «ребенок по голосу ближе к женщине, чем к мужчине»). Кроме того, при выполнении методики «ЦТО» испытуемый устанавливает ассоциативные связи между понятиями «женщина», «девочка», «подруга», «идеальный сексуальный партнер» (фиолетовый цвет), что может свидетельствовать о близости представленности в сознании данных понятий.

Образ женщины характеризуется «молодостью и добротой» («Снегурочка» в графе «Сказочный персонаж» методики «Кодирование»), но в то же время «агрессивностью» («Баба-яга» в той же графе), что может отражать амбивалентную представленность образа женщины в сознании испытуемого.

Выявляется представленность в сознании агрессивно-садистических образов-переживаний, характеризующихся акцентированием переживаний готовности к агрессивным действиям, эмоции гнева, угрозы («пугающая рука из фильма ужасов...», «рука отражает явную степень агрессии... кулак рассчитан на то, чтобы драться...» по данным теста «Руки»).

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о недифференцированном характере полоролевой идентичности испытуемого, о искаженной представленности в сознании объекта сексуального влечения, о амбивалентной представленности в сознании образа женщины, о переживании полоролевого конфликта, о наличии в сознании агрессивных образов-переживаний.

Образец протокола к методике «Кодирование» приведен в Приложении 4.

МОДИФИЦИРОВАННАЯ МЕТОДИКА «ПИКТОГРАММА»

Модификация методики была предложена Н. В. Дворянчиковым и Е. А. Мальковой (2004) и исходила из достаточно актуальной для отечественной психологии проблемы гендерных схем, структур, которые, формируясь прижизненно на основе биологических предпосылок, с определенного возраста начинают играть главную роль в обеспечении многих психических процессов.

Гендерная схема – это связанная система представлений, сквозь призму которой индивид воспринимает и трактует любую информацию, касающуюся гендерных вопросов (Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х., 1985; Репина Т. А., 1987). Она представляет собой своеобразный итог полоролевой социализации, как процесс вхождения человека в систему культурных норм поведения и взаимоотношений мужчин и женщин. В процессе развития на формирование гендерной схемы оказывает влияние большое число различных факторов как биологических, так и социальных. Следует отметить, что с возрастом увеличивается участие гендерных стереотипов в различных психических процессах.

Особое значение приобретает исследование влияния гендерных схем на когнитивные процессы: восприятие, мнестические процессы, принятие решения и т. д. (Херсонский Б. Г., 2003). Данная проблема актуальна, в частности, при решении экспертных вопросов при экс-

пертизе несовершеннолетних, совершивших сексуальные правонарушения, а также при экспертном исследовании способности понимать характер и значение насильственных сексуальных действий у жертв сексуального насилия и оценивать непосредственные и отдаленные последствия таких действий. Поскольку известно, что релевантные полу объекты запоминаются лучше, Н. В. Дворянчиков и Е. А. Малькова (2004) предположили, что испытуемые с нарушением полоролевой идентификации будут испытывать трудности при запоминании информации гендерного характера.

Методика «Пиктограмма» является достаточно известным инструментом исследования способности к опосредованному запоминанию в отечественной психологии (Херсонский Б. Г., 2003). Данный метод также достаточно распространен при проведении экспертных исследований, задачей которых является оценка познавательных процессов. Модификация м-ки «Пиктограмма» позволяет анализировать влияние гендерных схем на когнитивные процессы.

Методом экспертной оценки авторами был осуществлен отбор понятий, которые имеют различную гендерную отнесенность: маскулинные, фемининные, нейтральные. Опросу подверглись 20 здоровых мужчин в возрасте от 19 до 28 лет и 20 здоровых женщин в возрасте от 19 до 21 года. Их просили оценить каждое из 50 предложенных слов и словосочетаний как «мужское», «женское» или «нейтральное».

Основной акцент при выборе слов/словосочетаний делался прежде всего на однозначном выборе какого-либо понятия как «мужское» или «женское». Иными словами, если данное понятие и мужчинами, и женщинами было оценено как мужское (женское), то оно включалось в методику. Ориентируясь на это, авторы предположили, что так как нормальные мужчины и женщины определяют данные понятия как относящиеся к какому-либо полу, то значит, мужчины должны лучше запоминать мужские понятия, а женщины – женские. Это следует из эксперимента, проведенного I. D. Cherney и B. O. Ryalls (1999). Они утверждают, что уже дети 3—6 лет различают и лучше запоминают игрушки своего пола, чем нейтральные и относящиеся к противоположному полу игрушки. Хотя девочки больше манипулируют нейтральными игрушками, чем какими-либо другими игрушками. Авторы проследили сохранение этих особенностей в более поздних возрастах и доказали, что взрослые мужчины и женщины лучше оперируют информацией, связанной со своим полом.

Второй шаг отбора заключался в следующем: отбирались слова, которые имели больше выборов в свою пользу по мужскому (женскому) признаку. Если существует несколько слов с одинаковым количеством баллов, то отбирались те слова, которые имеют меньше баллов по противоположному полу. Следует также отметить, что отбирались абстрактные понятия (особенно это касается женских понятий).

После опроса всех экспертов было отобрано 5 «мужских», 5 «женских» и 5 «нейтральных» понятий – всего 15 слов и словосочетаний, поскольку стандартная методика пиктограммы содержит 16 понятий, и это количество оптимально для проверки опосредованной памяти и мышления.

Таким образом, для включения в материал методики были выделены слова и словосочетания:

- 1) «*Мужские*»: смелый поступок; высокий риск; строгий приказ; власть; противоборство;
- 2) «*Женские*»: загадка; сладкий десерт; семейный очаг; красота; обида;
- 3) «*Нейтральные*»: опрятный вид; ревность; новая жизнь; ласковый ветер; совет.

Особенности проведения. Проведение этой методики практически ничем не отличается от проведения обычной пиктограммы, при этом отмечается латентное время: от момента предъявления понятия до начала рисования.

Предъявление. Задача экспериментатора сводится к тому, чтобы предъявлять понятия и фиксировать латентное время и спонтанные замечания и разъяснения испытуемого.

Кроме того, экспериментатор должен спрашивать испытуемого, как рисунок потом поможет ему вспомнить это понятие. После проведения методика откладывается на час, после чего испытуемый получает задание по своим рисункам воспроизвести слова.

Список слов и словосочетаний в модифицированной пиктограмме:

1) сладкий десерт, 2) смелый поступок, 3) совет, 4) семейный очаг, 5) противоборство, 6) опрятный вид, 7) обида, 8) власть, 9) ревность, 10) красота, 11) высокий риск, 12) ласковый ветер, 13) загадка, 14) строгий приказ, 15) новая жизнь.

Особенности интерпретации. В данном варианте модификации сохраняется интерпретация, которая используется в обычной пиктограмме (Рубинштейн С. Я., 1999; Херсонский Б. Г., 2003).

Необходимо обратить внимание на *специфическую интерпретацию*, которая в обычной пиктограмме не используется (благодаря которой возможно обнаружение влияния гендерных стереотипов на когнитивные процессы).

Запоминание. Этот фактор присутствует и в обычной пиктограмме, однако в данной модификации экспериментатор устанавливает, какие именно понятия («мужские», «женские», «нейтральные») испытуемый запоминает лучше.

Латентное время определяется для того, чтобы оценить, с какими понятиями у испытуемого возникает больше проблем.

Данная модификация методики «Пиктограмма» была апробирована в рамках экспертного сексолого-психолого-психиатрического исследования несовершеннолетних, обвиняемых в сексуальных правонарушениях, на примере которых было убедительно продемонстрировано, что у испытуемых наблюдаются сложности в запоминании и распределении информации, связанной с полом, что ведет к недоступности для него адекватного усвоения половой роли и, в свою очередь, может определять трудности в восприятии и интерпретации поведения окружающих, связанного с сексуальным и полоролевым контекстом.

Пример проведения модифицированной методики «Пиктограммы» можно видеть из фрагмента психологического исследования несовершеннолетнего преступника, совершившего противоправные сексуальные действия и проходившего стационарную экспертизу в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Для обследования данного испытуемого наряду с модифицированной «Пиктограммой» была проведена методика «МиФ».

Испытуемый К., 17 лет, проходил экспертизу в ГНЦССП им. В. П. Сербского. Обвинялся в четырехкратном изнасиловании восьмилетнего мальчика по статье 133 УК.

Из анамнеза: испытуемый воспитывался бабушкой и дедушкой, отца и матери не видел (из-за этого переживает, не понимает, почему мать его бросила). Все его воспринимали домашним, хорошим мальчиком (помогал по дому, играл с сестренкой, готовил, «раньше еще умел шить, вязать»). Несколько раз был влюблен в девочку, о гомосексуализме «даже не думал». В 14 лет был изнасилован мужчиной, по его словам, очень сильно переживал.

О преступлении: испытуемый говорит о нем неохотно, говорит, что раскаивается, обвиняет себя, говорит, что это «пятно на всю жизнь». А на вопрос сексолога: «Как ты в этой истории оказался?» – отвечает: «из-за выпивки» (хотя известно, что на момент совершения преступления он не был пьян). Объяснить причину нападения толком не может, говорит «потянуло, захотелось, остановиться не мог», а потом «сожалел, раскаивался, клялся себе, что этого больше не будет». На вопрос: «Почему всегда один и тот же мальчик?» – ответить не мог.

1. Результаты по данным методики «МиФ».

Я-реальное испытуемого соответствует фемининному типу, что свидетельствует о неусвоенности мужской половой роли и преобладании фемининных черт в структуре идентичности испытуемого.

Испытуемый преимущественно ориентируется на мнение мужской группы (параметр «Мужчины считают, что я...» соответствует Я-реальному).

Мужская роль является достаточно значимой для испытуемого, о чем свидетельствует включенность в полоролевые предпочтения (Я-идеальное) представления о мужском полоролевом стереотипе («Мужчина должен быть...»).

Представления о том, какой «должна быть женщина», влияют на поведение испытуемого при взаимодействии с женщинами, об этом свидетельствует близость параметров «Женщины считают, что я...» и «Женщина должна быть...»

Представления о Реальном и Идеальном сексуальном партнере нечетко дифференцированы в соответствии с полоролевыми стереотипами («Мужчина должен быть...», «Женщина должна быть...»).

2. Результаты по данным модифицированной методики «Пиктограмма»: испытуемому был предъявлен список слов и словосочетаний модифицированной методики «Пиктограмма», из которой он воспроизвел 2 из 5 «мужских» словосочетаний (общее латентное время 104 сек), 3 из 5 «женских» (общее латентное время 39 сек), 3 из 5 «нейтральных» (общее латентное время 30 сек).

Таблица 3

Протокол заполнения модифицированной методики «Пиктограмма» испытуемым К.

№	Слова	Что нарисовал. Объяснение	Лат. t (в сек)	Воспроизведение
1	Сладкий десерт	Нарисовал тарелку. Тарелка, а там сладкое. Мороженое или что-то.	3	+
2	Смелый поступок	Нарисовал лицо. На человека посмотришь и сразу поймешь, что он сделал смелый поступок.	26	лицо
3	Совет	Книга. Книгу прочитаешь, а там хороший совет можно найти.	7	+
4	Семейный очаг	Полка. Что-то хорошее купили, может быть, полку.	17	семейная обстановка
5	Противоборство	Записка. Плохая записка одному человеку.	39	дружеская записка
6	Опрятный вид	Хорошее платье — опрятный вид.	2	красивый наряд
7	Обида	Пачка сигарет. Один попросил сигарету, а тот не дал — обиделся на него этот, кто просил.	6	+
8	Конструктор	Машина. Машина, склеиваешь — конструктор.	2	+
9	Ревность	Два человека. Мужчина и женщина встретились, а тот, с кем она встречалась, женщина... мужчина ревнует.	11	+
10	Красивая кукла	Кукла. Кукла, она красиво одета, Барби какая-нибудь.	3	+
11	Высокий риск	Дом и человек с пистолетом. Заложники захватили кого-нибудь, а он самый смелый: «Я пойду спасу».	28	+
12	Ласковый ветер	Дерево. Дует ветер, приятно так, ласковый.	8	спокойный ветер
13	Загадка	Школьная доска. Учитель написал загадку, ребята должны отгадать.	10	совет
14	Строгий приказ	Отец и сын за столом. Отец приказывает сыну делать уроки, строго приказывает, а иначе гулять не пойдешь.	9	строгий наказ
15	Вязаный свитер	Свитер, клубок и спицы. Свитер и вязать, клубок и чем вяжут.	2	+

Интерпретация результатов:

Полученные результаты позволяют сделать вывод, о том, что испытуемый недостаточно усвоил мужскую половую роль: он хуже всего воспроизвел мужские образы и больше всего затратил времени на их обдумывание, что указывает также на то, что он испытывает трудности с выражением информации, связанной с полом. Это подтверждается и методикой «МиФ», согласно результатам которой Я-реальное испытуемого соответствует фемининному квадрату.

Испытуемым лучше всего запоминаются нейтральные (бесполые) образы. В рисунках (на понятие «ревность») человеческие фигуры преимущественно также бесполое, что говорит о полоролевом конфликте: невозможности отнести себя к какому-нибудь полу: мужская роль кажется привлекательной, но она трудности-

жима. Можно предположить, что выявляемые нарушения имеют отношение к проблемам, возникшим на этапе полового самосознания: фигурки мужчины и женщины в пиктограмме различаются только волосами, но даже 5—6-летний ребенок различает уже мужчину и женщину по строению тела. Иными словами, у испытуемого не произошла идентификация с мужчиной, что обусловило трудности усвоения мужского стиля поведения, так как значимого мужчины рядом не было. Таким образом, мужская половая роль была усвоена в большей степени на эмоциональном уровне, но не на когнитивном.

Это подтверждается методикой «МиФ»: ориентация на мнение мужской группы, стремление к обладанию типичными мужскими характеристиками, с одной стороны, и при этом ориентация на женский полоролевой стереотип при взаимодействии с женщинами и фемининность Я-реального – с другой.

Таким образом, можно отметить, что у испытуемого наблюдаются сложности в запоминании и распределении информации, связанной с полом, что ведет к недоступности для него мужской половой роли и в свою очередь может определять трудности в восприятии и интерпретации поведения окружающих связанного с сексуальным и полоролевым контекстом.

Представленная модификация методики «Пиктограмма» позволяет оценивать влияние представлений о полоролевых стереотипах на процессы восприятия, переработки и актуализации информации, имеющей отношение к полоролевой сфере. В частности, она может быть использована при установлении структур (гендерных схем), искажение которых может не носить психопатологического характера, однако существенно ограничивать способность к прогнозу и регуляции сексуального поведения у несовершеннолетних обвиняемых. Кроме того, при исследовании способности к пониманию действий сексуального характера и сопротивлению у потерпевших и свидетелей применение этого метода может способствовать вынесению оценочных решений об их способности воспринимать обстоятельства сексуального деликта, понимать характер и значение совершаемых в отношении них противоправных действий (Дворянчиков Н. В., 2002).

Таким образом, модифицированная «Пиктограмма», слова и словосочетания которой были подобраны в результате экспертной оценки, проведенной на 20 здоровых мужчинах и 20 здоровых женщинах, позволяет судить о влиянии гендерных стереотипов на когнитивные процессы. В модифицированной пиктограмме сохраняется интерпретация, которая существует и в обычной пиктограмме, и в дополнение к ней прибавляется еще специфическая для данной модификации интерпретация. В этой интерпретации добавляются такие факторы, как латентное время, запоминание определенных слов и словосочетаний.

Образец протокола к модифицированной методике «Пиктограммы» приведен в Приложении 5.

МЕТОДИКА «ФПО» (ФИГУРА – ПОЗА – ОДЕЖДА)

Методика «ФПО» (фигура – поза – одежда) была предложена Д. К. Саламовой, Н. В. Дворянчиковым и С. Н. Ениколоповым (2000) и относится к проективным методам, позволяющим сенсibilизировать исследование полового самосознания человека. Она основывается на многофакторной теории половой идентичности, согласно которой психологический пол индивида не ограничивается осознанием себя как представителя определенного пола или выраженностью маскулинности и фемининности. В последнее время на смену концепциям о независимости полотилических качеств (Bem S., 1974) приходят модели, рассматривающие половую идентичность как совокупность различных факторов: полотилических установок, коррелирующего с полом поведения, интересов, физических атрибутов, которые в целом определяют собственно половую идентичность индивидуума (Spence J. T., 1993; Koestner R., Aube J., 1995). В них предлагается многофакторная теория половой идентичности, объединяющая множество

моделей о собственном поле в целостную личностную самоидентичность на различных уровнях Я-концепции.

Предлагаемая методика состоит из 18 картинок, которые предъявляются испытуемому в случайной последовательности: две серии по три карточки в каждой с выраженным атрибутом «фигура», две серии по три карточки с выраженным атрибутом «поза» и две серии по три карточки с выделенным атрибутом «одежда».

Проективный характер этого метода заключается в следующем – неопределенность стимула способствует тому, что восприятие в большей степени детерминировано прошлым опытом человека, его индивидуальными предпочтениями, системой личностных смыслов. Особенностью стимульного материала является то, что в каждой картинке прорисован лишь один атрибут пола, а два других остаются недифференцируемыми (например, прорисована поза, а одежда и фигура объекта, изображенного на картинке, остаются недифференцируемыми по полу). Таким образом, создается ситуация неопределенности стимула, допускающая неоднозначную трактовку изображения и позволяющая изучать систему личностных смыслов данного человека.

Выбор фигур, характеризующих отчетливо мужские и отчетливо женские признаки, осуществлялся в рамках андроморфно-гинекоморфной полярности. Относительно увеличенную ширину бедер и усиленное отложение подкожной жировой клетчатки следует считать признаком «гинекоморфии», а чрезмерно выраженную относительную ширину плеч или усиленный рельеф мышц – рассматривать как высокую степень «андроморфии» (по Гримм Г., 1967).

В рамках этологической психиатрии компоненты невербального поведения, определяющие сексуальную ориентацию, могут быть выявлены по радикалу агрессии-подчинения (Самохвалов В. П., Корнетов А. Н., 1988; Самохвалов В. П., 1993). Так, у мужчин выделяется увеличение линии плеча, что отражает стремление мужчин увеличивать размеры плеч с целью демонстрации ранга.

А. Пиз выделяет позы «готовности», «доминантности», характерные для мужчин, – это поза «руки на поясе, ноги разведены». Позы, характерные для женщин при ритуале ухаживания, – это полуразворот в сторону мужчины (собеседника) и покачивание бедрами (1997).

Согласно А. И. Супрун (1990), В. Брун и М. Тильке (1996), традиционно мужской костюм состоит из пиджака, брюк, жилета и галстука, при этом главным признаком, отличающим мужской костюм от женского, является пиджак. Юбка является главным атрибутом женского костюма.

В каждой серии картинок (с выделенным одним признаком) – 3 варианта, испытуемому предлагается:

1. Оценить каждую карточку по степени выраженности отдельно мужских и женских признаков, используя 4-балльную шкалу:

- 1 балл – мужские (женские) признаки отсутствуют;
- 2 балла – минимальная степень выраженности мужских признаков (женских признаков);
- 3 балла – средняя степень выраженности мужских признаков (женских признаков);
- 4 балла – максимальная степень выраженности мужских признаков (женских признаков).

2. Оценить каждую карточку по степени близости изображенного объекта к существующему у данного индивида идеалу (полоролевым предпочтениям), приписывая балльные оценки от 1 до 4.

3. Оценить степень похожести испытуемого на объект, изображенный на картинке.

4. Оценить степень сексуальной привлекательности каждой карточки по 4-балльной шкале.

Обработка результатов предполагает количественный и качественный анализ.

Качественный анализ производится с учетом характеристик изображенных персонажей по следующим пунктам:

1. Особенности восприятия мужских и женских признаков.
2. Структура полоролевой идентичности. Определение того, в какой степени представлены в Я-концепции индивида мужские/женские качества.
3. Полоролевые предпочтения – ценности индивида в отношении того или иного пола.
4. Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения.

Особое внимание следует уделить следующим аспектам:

А. На какие признаки (атрибуты) субъект опирается, как различаются показатели по шкалам при выраженности разных атрибутов. Данный анализ необходим, чтобы изучить, существуют ли различия у данного субъекта при опоре на формальные признаки пола (одежда) или на признаки, объективно отражающие половые различия (поза и фигура).

Б. Сопоставление особенностей объекта сексуального влечения и полоролевых предпочтений.

В. Сопоставление идентификации и полоролевых предпочтений.

Количественный анализ. В самой структуре теста заданы показатели:

КМ	—	качества мужские (оц
КМТ	—	качества мужские по
КЖ	—	качества женские (оц
КЖТ	—	качества женские по т
ИДЕНТ	—	показатели степени и
СП	—	показатель сексуальн
ИДЕАЛ	—	показатель полоролев

В ходе дальнейшего анализа необходимо сопоставить показатели по разным шкалам у данного испытуемого и показатели, заданные в тесте. Для этого необходимо установить степень корреляции между этими показателями. Таким образом, сопоставляются (т. е. вычисляется коэффициент корреляции) 16 оценок по данному показателю с 16 оценками по другому показателю (например, сопоставляются результаты КМ и КМТ, КЖ и КЖТ и т. д.). КМТ и КЖТ здесь выступают «эталонными» параметрами, и при расчете точности опознания характеристик проводится анализ корреляционных соотношений между теми оценками, которые устанавливает испытуемый, глядя на картинки, и теми, что заданы в тесте: для оценки точности опознания «мужских» характеристик нужно установить значение коэффициента корреляции между оценками испытуемым изображенных фигур как «мужественных» и заложенными в тесте мужскими нормами, где КМТ имеет параметр 3, КНТ – 2, КЖТ – 1, в то время как

для оценки точности опознания «женских» характеристик нужно установить значение коэффициента корреляции между оценками испытуемым изображенных фигур как «женственных» и заложенными в тесте мужскими нормами, где КЖТ имеет параметр 3, КНТ – 2, КМТ – 1.

Корреляционный анализ соотношения балльных оценок по мужским/женским качествам по описанным шкалам дает возможность определить, в какой степени испытуемый точно определяет полоролевые качества по всем основным атрибутам, заданным в тесте, а также то, в какой степени самоидентификация, полоролевые предпочтения, сексуальная привлекательность определяются стереотипами, заданными в стимульном материале, и собственными представлениями о мужских и женских качествах.

Ниже приводятся средние значения степени корреляции по группам мужчин и женщин (нормативные выборки) (где $k=0,5$ $p<0,05$ $k=0,64$ $p<0,01$ по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена).

Таблица 4

Усредненные показатели коэффициента корреляции в мужской нормативной выборке (20 чел.)

		КМТ	КЖ	КЖТ	ИДЕНТ	СП	ИДЕАЛ
КМ	Среднее	0,731	-0,814	-0,731	0,616	-0,53	0,563
	Станд. откл.	0,19	0,14	0,19	0,1	0,29	0,12
		КМТ	КЖ	КЖТ	ИДЕНТ	СП	ИДЕАЛ
КМТ	Среднее		-0,783	-1	0,718	-0,61	0,561
	Станд. откл.		0,12	0	0,13	0,29	0,24
КЖ	Среднее			0,783	-0,626	0,57	-0,516
	Станд. откл.			0,12	0,18	0,27	0,26
КЖТ	Среднее				-0,719	0,61	-0,561
	Станд. откл.				0,13	0,29	0,24
ИДЕНТ	Среднее					-0,413	0,711
	Станд. откл.					0,37	0,16
СП	Среднее						-0,326
	Станд. откл.						0,5

Таблица 5

Усредненные показатели коэффициента корреляции в женской нормативной выборке (20 чел.)

		КМТ	КЖ	КЖТ	ИДЕНТ	СП	ИДЕАЛ
КМ	Среднее	0,792	-0,802	-0,73	-0,626	0,539	-0,413
	Станд. откл.	0,12	0,14	0,12	0,16	0,22	0,35
КМТ	Среднее		-0,805	-1	-0,611	0,495	-0,422
	Станд. откл.		0,1	0	0,14	0,22	0,36
КЖ	Среднее			0,805	0,688	-0,477	0,611
	Станд. откл.			0,1	0,13	0,31	0,32
КЖТ	Среднее				0,611	-0,495	0,422
	Станд. откл.				0,14	0,22	0,36
ИДЕНТ	Среднее					-0,286	0,592
	Станд. откл.					0,33	0,29
СП	Среднее						0,502
	Станд. откл.						0,5

Очевидно, в нормативной выборке как мужчины, так и женщины достаточно четко определяют полоролевые качества, заданные в картинках (высокая степень корреляции КМ – КМТ, КЖ – КЖТ). Кроме того, представления о мужских и женских качествах взаимоисключают друг друга и находятся в обратной зависимости (КМ – КЖ).

В мужской выборке (табл. 4) собственные представления о мужских качествах – КМ (так же как и качества, заданные в картинках КМТ) в большей степени определяют идентификацию индивида (КМ – ИДЕНТ, КМТ – ИДЕНТ) и полоролевые предпочтения (КМ – ИДЕАЛ, КМТ – ИДЕАЛ), чем женские качества (обратная корреляция – КЖ – ИДЕНТ, КЖТ – ИДЕНТ, КЖ – ИДЕАЛ, КЖТ – ИДЕАЛ). При этом сексуальные предпочтения мужчин в большей степени соотносятся с женскими качествами – положительная корреляция КЖ – СП, КЖТ – СП, обратная корреляционная связь между КМ – СП, КМТ – СП.

В женской выборке (табл. 5) наблюдается обратная зависимость: собственные представления о женских качествах – КЖ (так же как и качества, заданные в картинках КЖТ) в большей степени определяют идентификацию индивида (КЖ – ИДЕНТ, КЖТ – ИДЕНТ) и полоролевые предпочтения (КЖ – ИДЕАЛ, КЖТ – ИДЕАЛ), чем мужские качества (обратная корреляция – КМ – ИДЕНТ, КМТ – ИДЕНТ, КМ – ИДЕАЛ, КМТ – ИДЕАЛ). При этом сексуальные предпочтения женщин в большей степени соотносятся с мужскими качествами – положительная корреляция КМ – СП, КМТ – СП, обратная корреляционная связь между КЖ – СП, КЖТ – СП.

Практическое применение данного метода можно проиллюстрировать на примере испытуемой С., 1981 г. р., которая обратилась по вопросу изменения паспортного пола. В результате обследования ей был поставлен диагноз: «транссексуализм».

По результатам направленного психологического исследования сексуальной сферы С. выявлено следующее.

Испытуемая легко идет на контакт, понимает смысл обследования, легко усваивает инструкции, трудности понимания заданий не отмечаются, темп работоспособности быстрый, признаков истощения в ходе выполнения заданий не наблюдается.

При исследовании мнестических процессов выявляются высокая эффективность запоминания (кривая запоминания непосредственной слуховой памяти 6—9—10—10), прочность фиксации следов памяти, а также устойчивость к интерферирующим воздействиям в слухоречевой непосредственной памяти (отсроченное воспроизведение – 10 слов) методика «Запоминание 10 слов».

При исследовании мышления были использованы методики «Четвертый лишний», «Сравнение понятий». При исследовании мыслительной деятельности выявляется адекватность обобщений, которые производятся преимущественно с опорой на существенные признаки с высоким уровнем абстракции.

Полоролевая идентичность испытуемой характеризуется преобладанием маскулинных черт над фемининными (маскулинный тип по методике «МиФ»). В методике «ЦТО» проявляется также идентификация с мужскими полоролевыми стереотипами – испытуемая устанавливает ассоциативные связи между понятиями «Я» – «Я-идеал» – «Мужчина» (черный цвет).

Представления о мужской половой роли характеризуются преобладанием маскулинных черт (методика «МиФ»), положительной эмоциональной окраской при некоторой формальности и атрибутивности представлений (в методике «Кодирование» «мужчина – галстук, атрибут сильного мужчины в этом мире»). Полоролевые предпочтения испытуемой (Я-идеальное) по методике «МиФ» соотносятся с представлениями о мужской половой роли («мужчина должен быть»). Эти данные отражают четкость представлений о мужской половой роли и могут свидетельствовать о ее эмоциональной и смысловой интериоризации.

Представления о женской половой роли характеризуются выраженным преобладанием фемининных черт над маскулинными (фемининный тип по методике «МиФ»). По данным методики «Кодирование», представления о женской половой роли характеризуются эмоциональной амбивалентностью («женщина – осока, смотрится красиво и есть можно, однако в руки возьмешь – можно порезаться» в графе «Травянистое растение»), отмечаются трудности понимания внутреннего мира женщин («женщина – скрипка, красивые звуки, но трудно научиться на ней играть» в графе «Музыкальный инструмент»). Эмоциональная конфликтность в отно-

шении женской половой роли проявляется также при выполнении методики «ЦТО», где испытуемый устанавливает цветоассоциативные связи «женщина» – «тревога» – «боль» – «опасность» – «риск» – «счастье» – «угроза» (красный цвет). Женская половая роль не входит в систему полоролевых предпочтений испытуемого (Я-идеальное в методике «МиФ»). Эти данные могут отражать четкость представлений о женской половой роли и ее недостаточную эмоциональную и смысловую интериоризацию.

Таким образом, представления о полоролевых стереотипах достаточно дифференцированы и соответствуют культуральным – «мужчина» – маскулинный тип, «женщина» – четко выраженный фемининный тип (по методике «МиФ»). При этом мужской полоролевой стереотип больше соотносится с полоролевой идентичностью и полоролевыми предпочтениями испытуемой по сравнению с женским полоролевым стереотипом.

Паттерны полоролевого поведения испытуемой недостаточно дифференцированы в ситуациях межполового общения и преимущественно характеризуются доминированием маскулинных качеств (методика «МиФ»).

Сексуальные предпочтения (образ идеального и реального сексуальных партнеров) характеризуются выраженностью как маскулинных, так и фемининных качеств (методика «МиФ») и не соотносятся с образами «мужчины» и «женщины». В то же время по методике «ФПО» «женские» атрибуты («фигура», «поза», «одежда») определяются как наиболее сексуально привлекательные, что может отражать значимость именно формальных атрибутов пола для выбора сексуального партнера.

При выполнении модифицированного теста «Руки» выражены напряженность в социальных контактах, демонстрирование инструментально-агрессивных паттернов поведения (например, «подзатыльник дает в шутливой форме»).

При анализе мужской половой роли испытуемая подчеркивает ее социальные, профессиональные и сексуальные преимущества: «если ты в штанах, то деловым человеком стать гораздо проще», «если я сделаю операцию, пропадет комплекс неполноценности в общении», «легче будет развивать профессии, которыми я владею, – водитель, юрист, знание компьютера», «в сексуальном плане будет лучше, уверенность появится, вероятно, будут более сильные сексуальные ощущения, ...проще будет с проблемой снимать/не снимать пижаму перед сексуальным партнером». Испытуемая отмечает, что в мужской половой роли будет чувствовать себя «полноценным человеком и сможет добиться полной самореализации как личность». Кроме того, она отмечает, что мужская роль даст ей возможность лучше себя контролировать – «меньше буду слабостей в себе допускать».

Среди недостатков, сопутствующих мужской роли, выделяет возможные трудности объяснения со старшим поколением родственников (бабушки, дедушки), проблему смены документов и сопутствующих им изменений – «объяснения с людьми, от которых зависит изменение документов». Одним из недостатков отмечает вероятное изменение уровня общения с окружающими – «если сейчас у меня много друзей – как мужчин, так и женщин, которые в равной степени доверяют мне свои секреты, то после операции некоторые женщины, вероятно, запишут меня во вторую половину человечества и качество общения может измениться, однако это меня не пугает». В сексуальном плане не предвидит никаких трудностей в связи с изменением пола.

При анализе женской половой роли отмечает незначительность социальных, профессиональных и сексуальных преимуществ, сопутствующих ей, отмечая, что с «женщинами неинтересно общаться – одна болтовня и вечные разговоры про то, сколько стоят колготки, и т. д.».

При проведении экспериментальной процедуры «ФПО» (табл. 6) выявляется четкая дифференцировка мужского и женского пола по признакам «поза», «фигура», «одежда», что отражает сформированность представлений о полоролевых стереотипах и соответствие их культуральным по всем указанным атрибутам.

По всем трем признакам преобладает идентификация с мужской половой ролью, т. е. испытуемая высоко оценивает собственное сходство с персонажами, обладающими мужскими атрибутами по параметрам «поза», «одежда», «фигура». По всем трем признакам преобладает стремление к обладанию атрибутами мужской половой роли. Как наиболее сексуально привлекательные оцениваются персонажи с преобладанием женских черт по всем трем атрибутам. При этом карточки с недифференцированными по полу признаками оцениваются как более женственные (особенно по параметрам «фигура» и «одежда»), что может отражать некоторую категоричность и полярность представлений о половых ролях, их взаимоисключающий характер.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о маскулинности полоролевой идентичности испытуемой, дифференцированности представлений о половых ролях, формальности и атрибутивности представлений о полоролевых стереотипах, эмоциональной и смысловой интериоризации мужской половой роли, отсутствии эмоциональной и смысловой интериоризации женской половой роли, соответствии атрибутов образа «женщины» сексуальным предпочтениям испытуемой. Мужская половая роль в представлении испытуемой является особо привлекательной для ее самореализации как в профессиональной сфере, так и в сфере общения и в сексуальных отношениях.

Таблица 6

Показатели коэффициента корреляции по методике «ФПО» испытуемой С.

	КМТ	КЖ	КЖТ	ИДЕНТ	СП	ИДЕАЛ
КМ	0,77	-0,96	-0,77	0,86	-0,52	0,66
КМТ		-0,82	-1	0,83	-0,6	0,71
КЖ			0,81	-0,87	0,46	-0,7
КЖТ				-0,83	0,6	-0,71
ИДЕНТ					-0,41	0,77
СП						-0,27

Итак, методика позволяет установить индивидуальные представления о полоролевых нормах субъектов, степень их усвоенности (из анализа данных об оценках, приписанных субъектом), структуру полоролевой идентичности (из анализа данных о степени идентификации субъекта с объектами, различающимися по полу), индивидуальные полоролевые предпочтения, особенности сексуальных предпочтений (из анализа оценок сексуальной привлекательности) (Саламова Д. К., Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В., 2000).

Образец протокола к методике «ФПО» приведен в Приложении 6, а стимульный материал представлен в Приложении 7.

МЕТОДИКА «СЕГМЕНТЫ»

Теоретическое обоснование методики «Сегменты» (предложена Саламовой Д. К., Дворянчиковым Н. В. и Ениколоповым С. Н., 2003) исходит из того, что в течение всей жизни человека самосознание изменяется и развивается, однако со временем оно приобретает устойчивую структуру, «ядерные» образования и подструктуры, которые в целом при отсутствии патологических изменений и разрушения психики сохраняют свои характерные особенности. Благодаря этому центральные образования личности сохраняют свою идентичность и непрерывность в течение всей жизни индивида, и это обстоятельство переживается человеком как устойчивость своего Я.

Являясь центральной инстанцией личности, Я обладает самосознанием или Я-концепцией (т. е. совокупностью знаний, представлений о себе). Я-концепция является общей струк-

турой самосознания, принадлежащей Я, и в свою очередь состоит из тесно взаимосвязанных подструктур или относительно устойчивых Я-образов.

Согласно современным представлениям, Я-концепция личности имеет сложную структуру. Представление о содержании Я-концепции у всех теорий разное, но общим, объединяющим их, является представление о Я-концепции как активной.

Активность Я-концепции выражается в виде ситуативных (оперативных и динамичных) Я-образов. Эти динамичные Я-образы являются актуально осознаваемыми частями Я-концепции, ее различных подструктур (устойчивых Я-образов). Активностью именно этих Я-образов и определяется возможность быстрого реагирования на ситуативные изменения среды.

В модели Н. Маркуса (1980, 1986, 1987) Я-концепция рассматривается как множество репрезентаций (или образов) Я, а в таком случае «рабочая Я-концепция» – это некоторая субпопуляция (набор) образов, которые доступны в данный момент. Эти образы изменяются внутри структуры, активируются в зависимости от преобладающих социальных обстоятельств и индивидуального мотивационного состояния. Некоторые Я-образы более или менее автоматически активируются в ответ на заметные ситуационные стимулы. Большинство же других преднамеренно вызываются в ответ на какой-нибудь мотив, который индивид пытается удовлетворить. Индивид может стремиться развить и поддержать позитивное эмоциональное состояние Я – в таком случае мотив обычно направляется, обращается к усилению Я. Противоположно или одновременно индивид может стремиться поддержать чувство согласованности и непрерывности, удовлетворяя мотив поддержания постоянства, целостности Я.

Рабочая Я-концепция является особой конфигурацией образов, вытекающей из Я-концепции, чтобы регулировать действия и реакции индивида. Поведение индивида регулируется в соответствии с составными частями динамической структуры (схемами Я, нормами, стандартами, стратегиями), в настоящее время активизированными в рабочей Я-концепции.

Таким образом, рабочая Я-концепция – это набор представлений о себе, которыми человек обладает в данный момент. Это постоянно активный, изменяющийся массив знаний о самом себе. Не все знания доступны осознанию в любой момент времени. Массив изменяется в зависимости от содержания главного рабочего представления о себе от того, какое из этих представлений было активизировано соответствующими социальными обстоятельствами, и от того, какие представления были активизированы индивидом в его отклике на текущий опыт (Markus&Nurius, 1986).

Из вышеизложенного следует, что условиями, определяющими стабильность Я-концепции, являются ее интегрированность, неизменность, генерализованность различных ее частей при условии образования новых дифференцированных Я-образов, требуемых для лучшего приспособления в изменяющихся условиях среды. Эти характеристики можно выразить как дифференцированность Я-образов и генерализованность Я-концепции.

Особенности Я-концепции и ее отдельных подструктур (относительно устойчивых Я-образов и ситуационных) являются показателем того, как адаптирована личность к социальным условиям своего существования.

В структуре различных личностей могут сосуществовать как адаптивные, так и дезадаптивные и патологически адаптирующие Я-концепции и их подструктуры.

Учитывая то обстоятельство, что образ тела является одним из основных аспектов Я человека, а в раннем детстве даже определяет все становление Я, представляется необходимым изучение данного аспекта как фактора, определяющего возможность к социальной адаптации. Особую специфическую роль образ тела играет в процессах сексуальной адаптации человека.

Д. К. Саламовой, Н. В. Дворянчиковым и С. Н. Ениколоповым (2003) с целью изучения телесного образа Я и его связи с сексуальной адаптацией была предложена методика, позволяющая исследовать образ тела в ситуациях, соответствующих половому самосознанию. Следует отметить, что образ тела в данном случае изучался с позиций динамической Я-концепции.

Первоначально методом экспертных оценок был получен и рассмотрен список из 25 областей тела человека. Выделение проводилось по субъективной оценке способности к функционированию. Затем список был сокращен до 19 секторов наиболее значимых в ситуациях межличностного межполового взаимодействия.

Для более детального анализа выделенных особенностей был проведен факторный анализ на контрольной выборке женщин (52 человека). Использование факторного анализа в данном случае целесообразно для понижения размерности числа используемых переменных за счет их объяснения меньшим числом факторов; группировки, структурирования полученных данных.

На основе такого факторного анализа удалось выделить (путем исключения или объединения с другими зонами) 13 зон, которые являлись наиболее важными для изучения телесного Я-образа в контексте исследований полового самосознания.

В ходе дальнейшего исследования проводилось сопоставление образов тела, актуализирующихся в различных ситуациях, здоровых мужчин и женщин.

Было обследовано здоровых 83 человека, из которых 52 женщины и 31 мужчина в возрасте от 19 до 45 лет.

При рассмотрении интегративного профиля обнаружено, что для всех испытуемых максимальные значения приобретала область лица, затем по убывающей – гениталий и область груди.

Для мужчин наиболее важными оказались следующие зоны: область шеи, груди, живот, область гениталий, шеи (вид сзади).

Для женщин наиболее важными оказались: область груди, гениталий, область шеи сзади.

Межгрупповое сравнение обнаруживает, что существуют достоверные различия в оценке значимости некоторых зон. С помощью критерия Манна – Уитни (при $p < 0,05$) было обнаружено, что области ладони, шеи (вид спереди), плечевого пояса для мужчин являются обладающими достоверно большей значимостью, чем для женщин (в интегративном профиле при задании первой максимально «глухой» инструкции). В психофизиологическом исследовании Marrone et al. (1998), проведенном на выборке лиц с женским транссексуализмом (FtoM), также была показана значимость этих зон. Таким образом, можно предположить, что данная зона является актуальной для ситуации адаптации в мужской группе, так как области шеи и плечевого пояса носят символическое значение мужественности, а следовательно, демонстрация их является индикатором стремления к обладанию данными характеристиками.

Область спины, ягодиц и бедра (вид сзади) оценивается как более важная женщинами (достоверное отличие от мужской выборки при $p < 0,05$). Исходя из результатов вышеизложенного факторного анализа, что данные зоны являются отражением сексуальной привлекательности у женщин.

При сравнении результатов мужской и женской выборки при оценке значимости зон в ситуации взаимодействия с женщинами (для мужчин это межполовое взаимодействие) обнаружено, что для мужчин наибольшей значимостью обладают области лица, ладони, плечевого пояса и шеи (вид спереди). Для женщин в такой ситуации более важны области лица и ладони.

При межгрупповом сравнении обнаружено, что для мужчин большей значимостью обладают зоны плеча и гениталий. Для женщин по сравнению с мужчинами достоверно более значимыми являются области затылка и спины ($p < 0,05$).

В случае взаимодействия с мужчинами (для женщин это межполовое взаимодействие) для мужчин наибольшей значимостью обладают области лица, ладони, шеи (вид спереди) и плечевого пояса (вид спереди). Для женщин – лица, груди, плечевого пояса (вид спереди) и ягодиц.

При межгрупповом сравнении обнаруживаются достоверные различия в предпочтении зон предплечья, плеча, плечевого пояса для мужчин и областей затылка, ягодиц и бедер (вид сзади) для женщин.

В ситуации сексуального взаимодействия в порядке убывания для мужчин оказываются более значимыми области лица, гениталий и шеи (вид спереди), а для женщин – гениталий, груди, лица и живота. При этом при межгрупповом сравнении обнаруживается, что лицевая область для женщин в данной ситуации обладает достоверно меньшей значимостью, чем для мужчин. Полученные результаты сравнения можно объяснить меньшей включенностью данной зоны в актуальный образ Я в данной ситуации для женщин.

Сходная ситуация обстоит с оценкой значимости областей спины и ягодиц. Для женщин они являются достоверно более важными и значимыми, чем для мужчин. Полученные результаты могут быть связаны с локализацией эрогенных зон в этих областях, характерной для женщин.

В целом при сравнении оценок, даваемых мужчинами и женщинами, можно обнаружить, что для мужчин более важными независимо от инструкции оказываются зоны, находящиеся в передней проекции тела и относящиеся к верхней части, а для женщин оказываются обладающими большей значимостью области, находящиеся в задней и нижней проекции тела (кроме области груди, важной в ситуации сексуального взаимодействия).

Сравнение значений зон в различных профилях в мужской нормативной группе. Сравнение проводилось на основе стимульного материала с 13-ю выделенными зонами.

Максимальные значения оценки значимости *зоны руки* (ладонь и предплечье), *плеча*, *лица*, *шеи* (вид спереди) и *плечевого пояса* достигали в ситуации взаимодействия с мужчинами. В других ситуациях (межполового и сексуального) важность этих зон достоверно значительно ниже (при сравнении с помощью критерия Манна – Уитни при $p < 0,05$). Таким образом, можно констатировать, что данные зоны участвуют в построении образа Я в ситуациях межличностного взаимодействия, необходимы для адаптации в ситуации взаимодействия с мужчинами, для принятия в референтную группу. Такая констелляция образа Я в ситуации взаимодействия с мужчинами может отражать стремление к проявлению невербального поведения, присущего ситуации межличностного общения.

Область груди (7-я зона). Для мужчин эта зона важна в ситуации взаимодействия с женщинами и сексуального взаимодействия (достоверное отличие от двух других ситуаций). Возможное объяснение – локализация эрогенных зон в данной области. В онтогенетическом плане возможно объяснение важности этой зоны как отражение проявления конкурентного поведения. Так, для самцов многих *животных в период «ухаживания» за самкой отмечается «выпячивание»* груди. Следовательно, можно рассматривать значимость этой зоны для демонстрации мужественности.

Область гениталий и ягодиц (соответственно 8-я и 12-я зоны). Испытуемые отмечали важность этих зон в ситуациях сексуального и межполового взаимодействия. Значимость данных зон в других профилях была достоверно ниже.

Важно отметить, что в мужской нормативной выборке значимость четырех зон (ноги (вид спереди и сзади), шея (вид сзади) и спины) оставалась неизменно низкой (при предъявлении разных инструкций оценка важности не различалась). Полученные данные могут отражать отсутствие важности этих зон в актуализации образа Я в различных ситуациях, сопряженных с сексуальной сферой.

Сравнение значений зон в различных профилях в женской нормативной группе. Сравнение проводилось на таблице с выделенными 19-ю областями.

Максимальные значения областей ладони, предплечья, плеча, лица и плечевого пояса достигали в ситуации взаимодействия с женщинами. Эти данные сопоставимы с данными,

полученными в мужской нормативной группе. То есть и в той, и в другой группе эти зоны участвуют в построении образа Я в ситуациях межличностного взаимодействия с лицами одного с индивидом пола.

Единственное отличие в том, что в женской группе *область шеи* (вид спереди) не участвует в формировании образа Я ни в ситуациях взаимодействия с женщинами, ни межполового, ни сексуального.

Область *плечевого пояса* также важна и в ситуации межполового взаимодействия и сексуального (достоверно отличается важность ее в сравнении с интегративным профилем).

В ситуациях сексуального взаимодействия обладают особой значимостью вышеперечисленная зона *плечевого пояса*, а также *области груди, живота, гениталий, бедер* (вид спереди) и *ягодиц*. Кроме зоны плечевого пояса, значимость всех остальных в ситуации сексуального взаимодействия гораздо выше и достоверно отличается от оценки важности их в других ситуациях.

Следует также отметить, что для женской нормативной группы характерна значительно большая дифференцированность телесного образа Я в ситуациях межполового и сексуального взаимодействий, чем в мужской группе. Так, значимость зон живота, гениталий и ягодиц, которые и для одной, и для другой группы представляются важными в сексуальной ситуации, в женской группе достоверно отличается при сравнении вышеперечисленных ситуаций, а в мужской группе нет различий.

Объяснением полученных различий в степени дифференцированности образов Я может являться то, что девочки достигают половой зрелости в среднем на 18—24 месяца раньше, чем мальчики. При этом у девочек резкая прибавка в росте предшествует развитию вторичных половых признаков; мальчики же, наоборот, существенно прибавляют в росте только после того, как у них начинают усиленно развиваться гениталии (Coleman, 1980). Как указывают авторы, эти биологические различия, существующие между полами, могут оказать значительное влияние на характер мужчин и женщин, в особенности на формирование таких аспектов их идентичности, как образ тела (Brooks-Gunn J., Warren M., 1988).

Другим отличием мужской и женской групп является то, что области бедра и голени в женской группе участвуют в построении телесного Я-образа, а в мужской – нет. При сопоставлении данных, полученных с помощью различных инструкций, у женщин значимость этих зон изменяется, достигая степени достоверных отличий (при внутригрупповом сравнении), а у мужчин – нет.

Исследование лиц с дисфорией пола (с синдромом отвергания своего пола).

Было обследовано 34 человека (биологических женщин), обращающихся с вопросом разрешения смены паспортного пола и последующих гормональной и хирургической коррекций. Данная группа включала лиц с диагнозом транссексуализм, а также лиц с нарушением полоролевой идентичности нетранссексуального типа. Объединение данных лиц в одну группу в данном случае правомерно, так как для всех было характерно переживание отчуждения собственного тела.

Прежде всего при сравнении профилей лиц с дисфорией пола с мужской и женской нормативными группами обнаруживается, что для лиц с дисфорией пола характерно недостаточное отличие интегративного профиля от профилей, соответствующих ситуациям взаимодействия с женщинами и сексуального. Так, при сравнении интегративного профиля и профиля, отражающего взаимодействие с женщинами, достоверные отличия в оценке наблюдаются только по одной зоне (спины – 11). При сравнении интегративного и профиля сексуального взаимодействия отличие в оценках двух зон (лица и шеи (вид сзади), соответственно 3 и 10).

Полученные данные могут отражать присущую данным лицам (с синдромом отвергания своего пола) чрезмерную генерализованность, доминирование в сознании, перманентность

переживаний образа тела, характерных для актуализации в сфере сексуальных межличностных отношений, которые иррадируются (можно сказать, переносятся), возможно, на все другие ситуации, которые не сопряжены с сексуальностью.

Другой особенностью этих испытуемых является недостаточная дифференцированность образов Я в *ситуациях сексуального взаимодействия и взаимодействия с женщинами*, что отражается в недостаточной дифференцированности оценок значимости данных зон. Единственным достоверным отличием в оценках значимости является отличие в оценке области спины (11-я зона). Сходная недостаточная дифференцированность встречается в мужской нормативной группе (ситуаций взаимодействия с женщинами и сексуального).

При рассмотрении отдельных пунктов обнаружено:

Первая зона – область руки до локтя, включая ладонь и предплечье, наибольшую значимость приобретает в ситуациях межполового взаимодействия, которая достоверно отличается от значимости данной зоны в других ситуациях. Кроме того, данная зона является самой важной при сравнении оценок внутри профиля, отражающего межполовое взаимодействие.

Вторая зона – область предплечья. Наибольшей значимости, достоверно отличающейся от других, оценка данной зоны наблюдалась также в ситуации взаимодействия с мужчинами.

Пятая зона – область плечевого пояса обладает большей значимостью в ситуациях межличностного взаимодействия (и с мужчинами, и с женщинами), что отличает их от других ситуаций. При сравнении с мужской нормативной группой обнаруживается, что для последних данная область также важна именно в таких ситуациях. Объяснением важности зоны плечевого пояса в данных ситуациях может быть необходимость лучшей адаптации. Значение этой зоны – также демонстрация присущей индивидам мужественности.

Таким образом, можно сделать вывод об участии данных трех зон в коммуникативных процессах. Отсутствие отличий значимости данных зон при сравнении с мужской нормативной группой отражает достаточно высокую коммуникативную компетентность лиц с дисфорией пола, верное отражение в сознании невербального аспекта процессов межличностного взаимодействия и бесконфликтный характер отношений к данным зонам тела.

Третья зона – лицевая область. Значимость данной зоны достаточно высокая и не варьирует при предъявлении всех трех ситуаций, что проявляется в отсутствии достоверных отличий при сравнении данных. При сравнении с нормативными группами можно обнаружить, что и для мужчин, и для женщин данная зона обладает достоверно более высокой значимостью в ситуациях межличностного взаимодействия (и с мужчинами, и с женщинами), но важность данной области гораздо ниже при сексуальном взаимодействии.

Данная особенность лиц с синдромом отвергания своего пола может проистекать из присущей им недостаточной дифференцированности образов Я в таких ситуациях, а следовательно, недостаточной дифференцированности поведенческих паттернов, характерных для соответствующих ситуаций.

Другой причиной может служить чрезмерная формальность и зачастую атрибутивность представлений данных лиц об отличиях между полами. В таком случае область лица нагружается излишней смысловой нагрузкой соответствия желаемому полу.

Четвертая зона – область шеи (вид спереди). В литературе, посвященной изучению образа Я у транссексуалов (Marrone et al., 1998), отмечается, что данная область обладает высокой значимостью для FtoM транссексуалов. Известно, что зона, где расположен кадык, является своего рода символом мужественности.

В данном исследовании область шеи являлась важной и значимой в ситуациях межполового взаимодействия и взаимодействия с сексуальным партнером, что может отражать важность ее в процессе адаптации в мужской группе, которая для лиц с дисфорией пола должна стать референтной и является символом причастности к желаемому полу.

Шестая зона – область груди обладает средним уровнем значимости и не изменяется при задании различных инструкций. Следовательно, можно констатировать, что данная область не участвует в построении образа Я в ситуациях, релевантных половому самосознанию. Характерно, что для мужчин (в мужской нормативной группе) данная область важна в ситуациях межполового и сексуального взаимодействия, т. е. в ситуациях, отражающих прекопулятивный и собственно копулятивный цикл. Отсутствие изменений значимости данной области у лиц с дисфорией пола является следствием отвергания (отрицания) в себе женских качеств и достаточной узости представлений о том, что только для женщин характерна актуализация этой зоны в сексуальном взаимодействии.

Седьмая зона – область живота. Минимальной значимостью данная область обладает в ситуации взаимодействия с мужчинами (достоверное отличие от других ситуаций). Во всех остальных ситуациях, включая интегративный профиль, данная область является более значимой. Такая же особенность характерна для мужской нормативной группы.

Восьмая зона – область гениталий. Для лиц, отвергающих свой пол, характерным является максимальная степень выраженности значимости данной области в интегративном профиле, а для мужской нормативной группы – в ситуации сексуального взаимодействия. Объяснение данной особенности дано выше (при анализе различий интегративного профиля и профилей, отражающих различные ситуации).

При внутригрупповом сравнении обнаружено, что данная область обладает минимальной степенью значимости в ситуации взаимодействия с мужчинами. Во всех других ситуациях значения ее достаточно высокие и не обладают достоверно значимыми отличиями. Полученная особенность отражает гомосексуальную ориентацию данных лиц.

Девятая зона – область ноги (вид спереди) обладает средним уровнем значимости и не изменяется при варьировании различных инструкций. Следовательно, можно констатировать, что данная область не участвует в построении телесного образа Я в ситуациях, релевантных половому самосознанию.

Десятая зона – шея (вид сзади). При сравнении с мужской нормативной группой отмечается, что у лиц с дисфорией пола достоверно выше значимость данной области во всех трех задаваемых ситуациях. При внутригрупповом сравнении результатов в экспериментальной группе обнаруживается, что для этой категории лиц характерна максимальная выраженность значимости данной зоны во всех трех ситуациях, что достоверно отличает эти три профиля от интегративного, где выраженность значимости этой зоны значительно ниже.

В мужской и женской нормативных группах наблюдается обратная ситуация. Уровень значимости в интегративном профиле достоверно превосходит уровень во всех трех задаваемых инструкцией ситуациях, что свидетельствует о том, что данная зона важна, но не в ситуациях, сопряженных с сексуальной сферой личности.

Одиннадцатая зона – область спины. Высокая значимость данной зоны отражена в интегративном профиле и в профиле, характеризующем сексуальное взаимодействие. В остальных ситуациях важность данной зоны при внутригрупповом сравнении достоверно ниже. Полученные результаты могут отражать характерную значимость данной зоны, участие ее в актуализирующемся образе Я в ситуации сексуального взаимодействия. *Субъективно передаваемый смысл данной зоны – локализация эрогенных зон.*

При сравнении оценок, даваемых лицами с синдромом отвергания своего пола, с оценками в нормативной мужской группе обнаруживаются достоверные различия со значимостью данной зоны в ситуации сексуального взаимодействия. Для мужчин характерна достоверно более низкая значимость данной зоны.

Такой же характер отличий наблюдается между мужской и женской нормативными группами. Следовательно, можно предположить, что для лиц с *дисфорией пола характерен такой же смысл данной зоны, как и в женской нормативной группе.*

Двенадцатая зона – область ягодиц. Отмечается высокая значимость данной зоны в интегративном профиле, а также в профилях, отражающих ситуации взаимодействия с женщинами и сексуального взаимодействия, достоверно отличающих эти ситуации от ситуации межполового взаимодействия.

Таким образом, с помощью данной методики можно выявить особенности интроспекции собственного тела, которая предстает перед индивидом в двух планах: как осознание своей «тождественности» и как «социальный объект» (или «Я для другого»). Наружность человека выступает для воспринимающего как некий знак, несущий определенную информацию о свойствах воспринимаемого субъекта. Эта информация во многом определяет отношение воспринимающего к объекту восприятия, на что указывал в свое время А. А. Бодалев (1982). «Считывание» информации происходит в соответствии с установками, диспозициями, ценностными ориентациями субъекта восприятия, индивидуализированными в процессе развития символами, представлениями и образами, в которых культура воспринимает, оценивает, осмысливает и нормирует наружность и здоровье индивида и которые можно обозначить как телесный символизм.

Процедура проведения и обработка результатов. Стимульный материал представляет собой контурное изображение человеческого тела, недифференцированного по полу. На рисунке показана фигура человека в двух проекциях (вполразворота спереди и сзади). Изображение тела разбито на тринадцать секторов, каждому из которых соответствует порядковый номер.

Процедура проведения. Испытуемому предъявляется стимульный материал (изображение тела с выделенными зонами) и предлагается с использованием специального бланка попарно сравнивать части тела:

- 1) выделить наиболее важную, значимую для него часть тела (максимально «глухая» инструкция);
- 2) оценить важность и значимость этих частей тела в ситуации сексуального взаимодействия;
- 3) оценить важность частей тела в ситуации взаимодействия с лицами одного с испытуемым пола;
- 4) оценить важность частей тела в ситуации взаимодействия с лицами противоположного пола.

В регистрационном бланке каждому испытуемому нужно заполнить четыре такие матрицы (по числу предъявляемых инструкций). Обязательно указание на каждом бланке пола и возраста испытуемого, фамилию указывать не обязательно. Важно проследить, чтобы испытуемый не пропускал отдельные ячейки или столбцы и не выделял как важные сразу две зоны.

Обработка результатов производится путем подсчета рейтингов (рангов) различных частей тела. Вычисляется количество выборов каждой части тела. В результате образуются профили, отражающие иерархию значимостей (предпочтительности) частей тела:

- 1) интегративный профиль при «глухой инструкции»;
- 2) профиль (иерархия) частей тела в ситуации сексуального взаимодействия (оцениваются «свои» части тела, а не партнера по взаимодействию);
- 3) профиль, отображающий образ тела в ситуации взаимодействия с лицами одного с испытуемым пола;
- 4) профиль, отражающий значимость частей тела в ситуации межполового взаимодействия.

Подсчет результатов осуществлялся путем подсчета средних значений «выборов» (рангов) каждой части тела и стандартного отклонения в группе.

Исходя из методологии динамической Я-концепции и задания различных инструкций, в которых возможно проявление того или иного образа «Я», удается выявить индивидуальные

особенности переживания телесного «Я», степень дифференцированности «Я», а также степень интегрированности образов «Я» и способности к генерированию новых образов, которые определяются при сравнении различных профилей данного индивида. При этом степень схожести или различий в рейтингах зон при сравнении во всех ситуациях (т. е. в зависимости от инструкции) будет являться индикатором той или иной особенности телесной Я-концепции.

Методика также позволяет раскрыть содержательный характер телесного образа «Я» через раскрытие особенностей преимущественной идентификации с половой или сексуальной ролью. Анализ того, насколько идентификация сильна с какой-нибудь из задаваемых серий с проявлением половой роли; через какую сферу преимущественно она конструируется (сексуальность или общение). Возможно определение степени дифференцированности стратегий взаимодействия (в ситуации взаимодействия с мужчинами и женщинами), осознание отличий между коммуникацией как таковой и сексуальным взаимодействием. Также возможно выделение конфликтных зон у лиц с искажениями «телесного Я».

Практическое применение данного метода можно проиллюстрировать на примере испытуемого Е., 18 лет, родители которого обратились в консультативно-диагностическое отделение к психологу с целью выяснения особенностей психосексуальных ориентаций их сына. В беседе мать пояснила: некоторое время назад она обнаружила, что их сын «просматривает сайты порнографического содержания со сценами секса между мужчинами».

По результатам направленного психологического исследования сексуальной сферы Е. выявлено следующее:

Испытуемый легко идет на контакт, понимает смысл обследования, легко усваивает инструкции, темп работоспособности ровный, эмоции успеха/неуспеха выполняют регулирующую функцию при выполнении заданий.

При исследовании мнестических процессов (методика «Запоминание 10 слов») выявляется средний уровень эффективности запоминания в слухо-речевой непосредственной памяти (кривая запоминания непосредственной слуховой памяти 5—8—8—9, отсроченное воспроизведение – 8 слов). Следует отметить наличие конфабуляции при отсроченном воспроизведении (слово «окно» в серии «лес, хлеб, окно, стул, конь, вода, брат, гриб, игла, мед» было заменено словом «огонь»).

При исследовании мышления были использованы методики «Четвертый лишний», «Сравнение понятий». При исследовании мыслительной деятельности выявляется адекватность обобщений, которые преимущественно производятся с опорой на существенные признаки с высоким уровнем абстракции. В ряде случаев испытуемый, однако, допускает обобщения с опорой на конкретно-ситуативные и функциональные признаки, так, в карточке «птица, стол, молоток, очки» испытуемый выделяет как лишнюю «птицу», так как «могу представить себе человека за столом и в очках, а птица никак здесь не вписывается», а в карточке «барабан, зонт, пистолет, фуражка» отмечает лишний «барабан», объясняя это тем, что может себе представить «человека в фуражке с зонтиком и с пистолетом и барабан здесь не к месту».

При исследовании способности к опосредованному запоминанию (методика «Пиктограмма») из 25 предложенных понятий воспроизвел 22. Большинство рисунков адекватны понятиям-стимулам и выполняют опосредующую функцию при запоминании (А-Х-А).

По результатам применения проективных методов выявляются следующие особенности личности испытуемого.

Полоролевая идентичность испытуемого характеризуется недостаточной выраженностью маскулинных и выраженностью фемининных черт (фемининный тип по методике «МиФ»). По данным методики «ФПО», выявляется отсутствие четкой идентификации с мужскими и женскими стереотипами, преобладает идентификация с недифференцированными по полу персонажами (по атрибутам «фигура» и «поза»). При выполнении методики «Кодирование» испытуемый допускает идентификацию с образами «мужчины», «женщины», «ребенка», что

может отражать недифференцированность и неустойчивость полоролевой идентичности. Следует отметить, что полоролевые предпочтения испытуемого также ориентированы в большей степени на эталон с «недифференцированными» полоролевыми чертами («ФПО»).

Представления о полоролевых стереотипах достаточно поляризованы, однако различие «мужского» и «женского» испытуемым определяется преимущественно через атрибутивные и формальные признаки – атрибуты «одежды», а атрибут «поза» – фактически не воспринимается испытуемым как полодифференцирующий (методика «ФПО», «Кодирование»).

Представления о мужской половой роли характеризуются невыраженностью черт маскулинности и фемининности (недифференцированный тип по методике «МиФ»). Это может отражать недостаточную когнитивную дифференцированность представлений о мужской половой роли.

Выражена также недостаточная дифференцированность восприятия возрастных аспектов половой роли, ребенку приписываются черты, свойственные более зрелому возрасту («ребенок – можжевельник – маленькое, но полноценное дерево» в графе «Дерево» в методике «Кодирование»). Кроме того, при описании образа ребенка постоянно акцентируется его беззащитность и преимущественно манипулятивный характер взаимодействия с ним («ребенок – шариковая ручка – делай с ним что хочешь, можешь ее сломать и ничего тебе не будет, он не в состоянии за себя постоять» в графе «Неодушевленный предмет» методики «Кодирование»).

Выражена также недостаточная смысловая интериоризация мужской половой роли – образ «мужчины» не включен в систему полоролевых предпочтений (Я-идеальное). Эмоциональное восприятие образа мужчины в большей степени нейтрально («мужчина – гладиолус – толстый ствол и не гнется на ветру», «сосна – толстый ствол и устойчивость»). Таким образом, представления о мужских полоролевых стереотипах недостаточно когнитивно дифференцированы, слабо усвоены эмоционально, идентификация с ними осуществляется преимущественно с опорой на формальные атрибутивные признаки (например, через элементы атрибута «одежды»), также недостаточна их смысловая интериоризация.

Женский полоролевой стереотип в большей степени соответствует фемининному типу (методика «МиФ»), однако преимущественно описание также происходит через формальные и атрибутивные элементы («Одежда» в методике «ФПО»). Выражены элементы деперсонификации образа женщины – «ассистент фокусника, на один раз нужна, только чтобы ее распилить, и больше от нее ничего не требуется – ну там ноги длинные, улыбаться должна» (в графе «Амплуа артиста цирка» методики «Кодирование»). Испытуемый отмечает, что с «эстетической точки зрения на женщину приятно смотреть и всякие конфликты из-за нее возникают», однако она «как принцесса в замке – не доберешься до нее никогда» (в графе «Сказочный персонаж» в методике «Кодирование»). Сексуальные предпочтения испытуемого в большей степени соотносятся с мужским полоролевым стереотипом (недифференцированным по полоролевым качествам, методика «МиФ»). При выполнении методики «ФПО», так же как наиболее сексуально привлекательные, оцениваются недифференцированные по полоролевым атрибутам персонажи («одежда», «фигура», «поза»). Таким образом, сексуальные предпочтения в меньшей степени испытывают влияние традиционных полоролевых стереотипов, в то время как собственные представления испытуемого об образе «мужчины» – связаны с сексуальными предпочтениями.

Результаты методики «Сегменты» представлены в табл. 7, где в столбцах номера соответствующих зон, а в строках обозначены ситуации, в которых оценивались зоны:

«Я»	—	интегративный профиль, в целом
«ЯсЖ»	—	оценка значимости в ситуации в
«ЯсМ»	—	в ситуации взаимодействия с муж
«Секс»	—	оценка значимости собственных

Таблица 7

Показатели по методике «Сегменты» испытуемого Е.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Я	9	1	9	0	5	2	10	9	6	5	7	11	4
ЯсЖ	9	5	10	1	9	2	7	4	6	5	8	10	2
ЯсМ	4	3	12	2	5	1	10	8	8	8	6	10	0
Секс	10	5	5	0	5	3	9	10	1	8	7	9	5

По результатам исследования обнаружилось, что:

Зона 12 (ягодицы) является самой значимой для испытуемого в интегративном профиле и достаточно значимой в остальных ситуациях, что свидетельствует о приоритетности зоны для телесной идентичности.

Зона 1 (руки) – несет сильную нагрузку в социальных контактах – высокие значения в интегративном профиле и профилях, отражающих ситуации взаимодействия с женщинами и сексуального. Низкие значения зоны в ситуации взаимодействия с мужчинами могут быть проинтерпретированы как «провал» контакта (для испытуемого контакт с мужчинами, возможно, сексуально заряжен, и он «не хочет» встречаться с переживанием сексуальных чувств с мужчинами).

Зона 3 (лицо) – лицо является проекцией социальных контактов, в ситуации сексуального взаимодействия значимость зоны закономерно снижается, так как в этой ситуации требуется «включение» более соответствующих ситуации зон (руки, живот, паховая область, ягодицы). Таким образом, испытуемый «отступает» от своего социального Я-образа и «входит» в большую естественность.

Зона 5 (плечевой пояс) – обнаружены высокие значения этой зоны в ситуации взаимодействия с женщинами. Учитывая, что данная область связана с дыханием, а следовательно, с сильными чувствами, можно предположить, что контакт с женщинами и собственно женщины являются для испытуемого источником как минимум волнения. Остается открытым вопрос о характере этого волнения (женщины приятно будоражат или напрягают?). Ответ на этот вопрос можно найти в результатах психологического исследования Е. (см. выше).

Зона 7 (живот) – область живота в различных телесных системах связана с волей, с оценкой себя как устойчивого, способного на совершение дел, поступков. В системе Райха область живота (брюшное дыхание) является универсальным телесным центром для получения энергии на все виды активности (социальной, сексуальной и т. д.). Соответственно можно сказать, что Е. рационально распределяет

ресурсы тела (динамика значимости зоны в зависимости от инструкции низкая – стабильно высокая значимость).

Зона 8 (пах) – степень значимости данной зоны резко снижается в ситуации взаимодействия с женщинами, что заставляет задуматься о возможном сексуальном объекте испытуемого (женщина, скорее всего, не включена в сексуальные предпочтения испытуемого).

Зона 9 (ноги) – отражают устойчивость (опору) в социальных контактах. Наблюдается закономерное снижение значимости данной зоны в сексуальном контексте.

При применении теста «Руки» на первое место выступают директивные тенденции («рука повелевает», «останавливает поезд») наряду с демонстративностью и стремлением привлечь внимание («манерная рука, кокетство», «манерный жест, ничего не обозначающий»). При этом выражены, но сильно подавлены агрессивные («кулак, выражает силу и агрессию») и пассивные коммуникативные тенденции («рука выражает внимание к собеседнику», «покорно лежит на столе... а может быть, это приветствие»). Таким образом, можно отметить низкий уровень коммуникативных тенденций, паттерны коммуникации сочетают в себе преимущественно директивные и демонстративные тенденции, при этом выражены трудности проявления инструментальной агрессии.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о фемининности полоролевой идентичности испытуемого, недифференцированности полоролевой идентификации по полоролевым атрибутам («фигура», «поза», «одежда»), недостаточной когнитивной, эмоциональной, смысловой интериоризированности мужской половой и возрастной роли, о формальности и атрибутивности представлений о полоролевых стереотипах, о слабой регулятивной роли полоролевых стереотипов в сфере сексуальных предпочтений, об элементах деперсонализации в образе женщины. Кроме того, можно отметить низкий уровень коммуникативных тенденций, паттерны коммуникации сочетают в себе преимущественно директивные и демонстративные тенденции.

Таким образом, предлагаемый метод позволяет исследовать различные аспекты переживания образа тела человека. Представляется возможным изучение субъективного восприятия человеком своей внешности, степени ее привлекательности и прежде всего сексуальной привлекательности; оценки функциональной способности тела, которая формируется в процессе социализации анатомо-физиологических проявлений; установок человека по отношению к своему телу, связанных с ощущениями, сравнениями и идентификациями собственного тела с телами других людей.

Целесообразно применение данного метода для изучения искаженных концепций тела, проявляющихся в соматических иллюзиях, возникающих при различных психических и соматических заболеваниях.

Определенное переживание образа тела может проявляться в различных стереотипах коммуникации и самовыражения. Следовательно, возможно использование данного метода для исследования поведенческих паттернов, присущих данному субъекту, а также для изучения его способности интерпретировать поведения других людей (Дворянчиков Н. В., Саламова Д. К., Ениколопов С. Н., 2003).

Стимульный материал к методике «Сегменты» приведен в Приложении 8, а образец регистрационного бланка представлен в Приложении 9.

Заключение

Проблема полоролевой социализации, включающая в себя вопросы формирования психического пола человека, психических половых различий и полоролевой дифференциации, – одна из важнейших и актуальных проблем психологии.

В последнее время отмечается количество работ, посвященных роли самосознания и прежде всего половой идентичности в саморегуляции и адаптации человека. Большое внимание уделяется роли нарушений половой идентичности в генезе психосоматических и психических заболеваний, противоправного и девиантного сексуального поведения. Без знания особенностей формирования полового самосознания невозможно в полной мере себе представить психологические закономерности механизмов психологической дезадаптации. Исследования в этой области используют разнообразные теоретические модели маскулинности/фемининности, в то время как практическое обеспечение этой проблемы разработано недостаточно.

Проблема исследования полового самосознания (личностных смыслов, отношений, сексуальных предпочтений) представляет специфические сложности. Во-первых, определение таких личностных смыслов, отношений, особенностей переживания образа-Я, особенностей выбора объекта сексуального предпочтения непосредственным путем в беседе невозможно, так как при этом затрагивается интимная сфера, о которой человек не всегда хочет говорить откровенно. Во-вторых, эти аспекты психики часто недоступны сознательному анализу и контролю со стороны субъекта.

Наиболее отвечающим требованиям в подобных условиях являются проективные методы, которые позволяют выявлять как осознаваемые, так и неосознаваемые мотивы, установки, отношения субъекта.

В пособии было показано, как комплексное применение батареи авторских психологических методик позволяет не только объективировать и верифицировать данные сексологического исследования, но и раскрыть целый пласт психологических феноменов, имеющих отношение к психосексуальной сфере (особенности полового самосознания, особенности восприятия сексуального партнера, установки по отношению к сексуальному партнеру и т. д.).

Проблематика диагностики полового самосознания не исчерпывается представленными в пособии авторскими методиками и требует все новых дополнительных теоретических и практических разработок, а также исследования различных аспектов психосексуальной сферы с учетом половозрастных особенностей.

Список литературы

1. Агеев В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 152—158.
2. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 2000.
3. Алешина Ю. Е., Борисов И. Ю. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1984. С. 44—53.
4. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
5. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилования: причины и предупреждения: пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990.
6. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999.
7. Белкин А. И. Формирование личности при смене пола. Психология личности. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 197—205.
8. Бендас Т. В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005.
9. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: ЕВРОЗНАК, 2002.
10. Бессонова Т. Л. Психологические особенности полоролевого самосознания и самоприятия личности студента педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.

11. Брутман В. И., Ениколопов С. Н., Панкратова М. С. Некоторые результаты социологического и психологического обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31—36.
12. Бухановский А. О., Андреев А. С. Структурно-динамическая иерархия пола человека. Ростов н/Д.: Феникс, 1993.
13. Васильченко Г. С. Справочник по сексопатологии. М., 1990.
14. Введенский Г. Е. Стратегия психотерапии и психокоррекции при аномальном сексуальном поведении // Проблемы современной сексологии и сексопатологии. М., 1996. С. 75—76.
15. Воложин А. И., Субботин Ю. К. Адаптация и компенсация – универсальный механизм приспособления. М.: Медицина, 1987.
16. Ворник Б. М., Говорун Т. В. Роль стереотипов полоролевого поведения в возникновении сексуально-психологических дисгармоний // Материалы научно-практической конференции сексопатологов «Проблемы современной сексологии и сексопатологии». М., 1996. С. 26—27.
17. Ворник Б. М., Говорун Т. В., Кроль Н. С. Полоролевое и сексуальное поведение транссексуалов: мат-лы науч.-практ. конференции сексопатологов «Проблемы современной сексологии и сексопатологии». М., 1996. С. 28—29.
18. Выготский Л. С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
19. Геодакян В. А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина в аспекте физической антропологии. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 85—92.
20. Геодакян В. А. Эволюционная теория пола // Природа. 1991. № 8. С. 60—69.
21. Геодакян В. А. Эволюционные теории асимметризации организмов, мозга и тела // Успехи физиологических наук. 2005. № 1. С. 24—53.
22. Герасимов А. В., Ткаченко А. А. Особенности межличностного восприятия у лиц с агрессивным сексуальным поведением // Российский психиатрический журнал. 1999. № 2. С. 23—31.
23. Губачев Ю. М., Жузжанов О. Т., Симаненков В. И. Психосоматические аспекты язвенной болезни. Алма-Ата: Казахстан, 1990.
24. Гульдман В. В., Цапенко И. В. Самооценка и ее значение для диагностики психопатий // Вопросы диагностики в судебно-психиатрической практике (клинико-катамнестический аспект). М., 1987. С. 103—108.
25. Гульман Б. Л. Сексуальные преступления. Харьков: ИМП «Рубикон». 1994.
26. Дворянчиков Н. В. Использование психологических познаний в сексологии // Российский психиатрический журнал. № 2. 2002. С. 17—25.
27. Дворянчиков Н. В. Особенности полового самосознания у несовершеннолетних, потерпевших насильственные сексуальные действия. Помощь детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения и коммерческой сексуальной деятельности: метод. пособие / под ред. З. В. Луковцевой. М., 2005. С. 130—134.
28. Дворянчиков Н. В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
29. Дворянчиков Н. В., Ениколопов С. Н., Ильенко А. А. Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением // Сексология и сексопатология. № 4. 2003. С. 17—24.
30. Дворянчиков Н. В., Жумагалиева М. Ю. Взаимосвязь представлений о гендерных стереотипах и склонности к агрессии у несовершеннолетних правонарушителей // Юридическая психология. № 3. 2009.
31. Дворянчиков Н. В., Карпова Д. А. Инструментальные методы исследования аномального сексуального поведения // Психологическая наука и образование. № 5. 2009.

32. Дворянчиков Н. В., Малькова Е. А. Использование модифицированной методики «Пиктограмма» для установления влияния гендерных схем на когнитивные процессы // Сексология и сексопатология. № 1. 2003. С. 20—25.
33. Дворянчиков Н. В., Носов С. С. Взаимосвязь психологических защит и полоролевой идентификации в пубертатном периоде // Психологическая наука и образование (электронный журнал). 2010. № 4.
34. Дворянчиков Н. В., Носов С. С. Половозрастные и полотипические особенности механизмов психологических защит // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып. 4. С. 261—266.
35. Дворянчиков Н. В., Саламова Д. К., Ениколопов С. Н. «Сегменты» – метод исследования телесного образа «Я» // Сексология и сексопатология. № 5. 2003. С. 11—19.
36. Дворянчиков Н. В., Соколинская Е. В. Влияние полового самосознания на процессы адаптации у лиц пожилого и старческого возраста // Сексология и сексопатология. № 7. 2003. С. 13—17.
37. Дворянчиков Н. В., Ткаченко А. А. Некоторые дизонтогенетические механизмы формирования садизма // Российский психиатрический журнал. № 3. 1998. С. 4—9.
38. Дворянчиков Н. В., Ткаченко А. А., Ипатов М. Ю. Психологические механизмы аномального сексуального поведения у больных шизофренией // Российский психиатрический журнал. 2001. № 1. С. 13—17.
39. Ениколопов С. Н. Агрессивность как специфическая форма активности и возможности ее изучения на примере преступников // Психологическое изучение личности преступника. М., 1976.
40. Ениколопов С. Н. Психотерапия при посттравматических стрессовых расстройствах // Российский психиатрический журнал. 1998. № 3. С. 50—56.
41. Ениколопов С. Н., Герасимов А. В., Дворянчиков Н. В. Проблемы психологического исследования лиц с аномалиями сексуального влечения // Материалы юбилейной конференции «Социальная и судебная психиатрия: история и современность», секция «Судебная сексопатология». М., 1996.
42. Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 100—115.
43. Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В. Судебно-психологическая экспертология – новая область знаний // Психологический журнал. 2000. Том 21. № 1. С. 139—142.
44. Ениколопов С. Н., Кравцова О. А. Теории сексуального насилия // Прикладная психология. 1999. № 4. С. 45—53.
45. Ешимбетова С. З., Дворянчиков Н. В. К вопросу изучения половой идентичности у лиц, состоящих в девственном браке // Сексология и сексопатология. № 3. 2003.
46. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
47. Зейгарник Б. В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
48. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2006.
49. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология. СПб.: Питер, 2001.
50. Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание детей. Л., 1988.
51. Каган В. Е. Половая идентичность и развитие личности // Обзор психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. 1991. № 4. С. 25—33.
52. Карпов А. Б. Механизмы психологической защиты и стратегии преодоления в переходный период от подросткового к юношескому возрасту: дис. ... канд. психол. наук. М.: РГБ, 2007.

53. Клецина И. С. Гендерная социализация: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
54. Кожевников Е. П. Компенсаторное слежение в условиях монохроматической цветовой среды // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 33—40.
55. Кокс Т. Стресс. М.: Медицина, 1980.
56. Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х. Ролевая дифференциация пола у дошкольников // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 165—171.
57. Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. М.: Феникс, 2006.
58. Кон И. С. Сексология: учеб. пособие. М.: Academia, 2004.
59. Кон И. С., Байбурун А. К. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. М.: Наука, 1991.
60. Кононова Я. В., Дворянчиков Н. В., Лозовая Ю. В. Особенности психосексуального статуса больных ложным мужским гермафродитизмом // Сексология и сексопатология. № 2. 2003. С. 35—40.
61. Коньшева Л. П. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетних жертв изнасилования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.
62. Костандов Э. А. Восприятие и эмоции. М.: Медицина, 1977.
63. Кочарян А. С. Личность и половая роль: Симптомокомплекс маскулинности/феминности в норме и патологии. Харьков: Основа, 1996.
64. Кочарян А. С. Полоролевая структура личности больных с язвенной болезнью желудка и 12-перстной кишки // Украинский вестник психоневрологии. 1995. Т. 4. № 4. Вып. 2 (9). С. 156—160.
65. Кочарян А. С. Симптомокомплекс маскулинности в норме и патологии. Киев, 1996.
66. Кришталь В. В. Нарушение сексуального здоровья при неврозах и психопатиях: метод, пособие для врачей-сексопатологов. Сочи, 1988.
67. Кришталь В. В., Петрюк П. Т., Перевозная Т. А., Кузьминов В. Н. Судебная сексология: нерутинные методы психологического исследования сексуальной сферы // Журнал психиатрии и медицинской психологии. № 1 (17). 2007. С. 41—47.
68. Кудряков Ю. Н. Мотивация серийных убийств на сексуальной почве // Психология сегодня. М., 1996. Т. 2. Вып. 4.
69. Кулагина И. Ю. Возрастная психология. М.: Изд-во УРАО, 1999.
70. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. Л.: Медицина, 1970. С. 178—208.
71. Личко А. Е., Иванов Н. Я., Озерецковский С. Д. О показателе мужественности-женственности при психопатиях и акцентуациях характера у подростков // Психопатии и психопатоподобные состояния в судебно-психиатрической практике. М., 1982. С. 95—101.
72. Люшер М. Цвет вашего характера. М., 1997.
73. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
74. Мишина Т. М. Психологическое исследование супружеских отношений при неврозах // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях. Л., 1978. С. 13—20.
75. Москвцева О. В., Кочарян А. С. Личностные особенности девочек с нарушением менструального цикла в форме ювенильного маточного кровотечения // Мат-лы конференции «Актуальні проблеми сучасної психології. Матеріали других міжнародних психологічних читань. Медична психологія та психокорекція». Харків, 1995. С. 45—46.
76. Носов С. С. Использование «Big 5» для диагностики полоролевой идентичности // Вестник Российского государственного медицинского университета. Периодический медицинский журнал. М.: ГОУ ВПО РГМУ Росздрава, 2006. № 2 (49). С. 92.

77. Носов С. С. Половая идентификация ребенка в кинетическом рисунке семьи: психодиагностическое пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2010.
78. Носов С. С. Теоретико-экспериментальные аспекты изучения гендерных особенностей защитных механизмов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сер. «Психолого-педагогические науки». СПб., 2010. № 125. С. 58—69.
79. Носов С. С., Абдукаримов М. Ж. Диагностика защитных механизмов: подход Фибби Крамер: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011.
80. Носов С. С., Дворянчиков Н. В. Особенности полового самосознания у мужчин, больных шизофренией // Сексология и сексопатология. 2003. № 11. С. 24—31.
81. Носов С. С., Дворянчиков Н. В. Особенности полового самосознания старшеклассниц и склонность к депрессии // Сексология и сексопатология. 2004. № 2. С. 30—34.
82. Носов С. С., Дворянчиков Н. В. Психологический пол в динамической системе психической адаптации // Сексология и сексопатология. 2004. № 1. С. 19—26.
83. Подшивалов К. В., Коломиец В. П. Изучение структуры внутриличностных и межличностных отношений в комплексной психодиагностике сексологических больных // Мат-лы науч.-практ. конференции сексопатологов «Проблемы современной сексологии и сексопатологии». М., 1996.
84. Психиатрия: учеб. пособие для студентов мед. вузов / под ред. В. П. Самохвалова. Ростов н/Д.: Феникс, 2002.
85. Психология самосознания: хрестоматия. Самара: БАХРАХ-М, 2000.
86. Репина Т. А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 158—165.
87. Русалов В. М. Пол и темперамент // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 55—64.
88. Рыбалко Е. Ф., Тулупьева Т. В. Роль психологической защиты в самореализации личности в период ранней юности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 3 / под ред. Л. А. Головей, Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 193—203.
89. Саламова Д. К., Дворянчиков Н. В., Ениколопов С. Н. Психологические исследования в экспертизе спорных половых состояний. Психология в системе наук // Ежегодник Российского психологического общества. Том 9. Вып. 1. М., 2002.
90. Саламова Д. К., Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В. Проективная методика исследования полоролевой идентичности «Фигура – поза – одежда» // Журнал практического психолога. 2000. № 10—11. С. 48—59, 87—103.
91. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Гардарика: Смысл, 1998.
92. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979.
93. Серов Н. В. Цвет культуры. Психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2004.
94. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998.
95. Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. М., 1990.
96. Соколова Е. Т. Мотивация восприятия в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
97. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
98. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

99. Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3—16.
100. Соловьева А. В. Закономерности проявления психологической защиты в период полового созревания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
101. Сыроквашина К. В., Дворянчиков Н. В. Гендерная идентичность у подростков с делинквентным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 1. 2008. С. 222—228.
102. Ткаченко А. А. Парафилии и аномальное сексуальное поведение: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 1994.
103. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001.
104. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебно-сексологическая экспертиза. М.: РИО ГНЦСиСП им. В. П. Сербского, 1999. Т. 2. С. 312.
105. Ткаченко А. А., Герасимов А. В., Дворянчиков Н. В. Некоторые механизмы гомоцидного садистического поведения // Российский психиатрический журнал. № 5. 2000. С. 26—31.
106. Ткаченко А. А., Дворянчиков Н. В. Полоролевая идентичность у лиц с парафилиями // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. № 2. 1999. С. 39—42.
107. Ткаченко А. А., Дворянчиков Н. В., Догадина М. А. Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Российский психиатрический журнал. № 2. 1999. С. 13—18.
108. Ткаченко А. А., Ковальчук Ю. В., Дворянчиков Н. В. Механизмы инцестного поведения // Российский психиатрический журнал. 2000. № 1. С. 6—13.
109. Трикоза Н. И., Кочарян А. С. Психологические особенности подростков с нарушенным липидным обменом // Теоретические и клинические вопросы детской кардиологии: тез. докл. Украинской научно-практич. конф. Харьков, 1993. С. 160—161.
110. Тулупьева Т. В. Психологическая защита и особенности личности в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001.
111. Фрейд З. Избранное. М.: Внешторгиздат, 1990.
112. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
113. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
114. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.
115. Херсонский Б. Г. Метод пиктограмм в психодиагностике. СПб.: Речь, 2003.
116. Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.
117. Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Ленато, 1996.
118. Эткинд А. М. Разработка медико-психологических методов исследования эмоциональных компонентов отношений и их применение в изучении неврозов и аффективных расстройств: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Л., 1985.
119. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996.
120. Янкова З. А., Родзинская И. Ю., Аванесов В. С. Проблемы оценки стабильности брака // Стабильность семьи как социальная проблема. М.: ИСИ АН СССР, 1978. С. 50—67.
121. Ярошевский Тадеуш М. Философские проблемы антропогенеза // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 23.
122. Anderson W. P., Kuncie J. T. Sex Offenders. Three personality types // J. Clinical Psychology. 1979. V. 35. № 3. P. 671—676.

123. Aube J., Norcliffe H., Craig J., Koestner R. Gender characteristics and adjustment-related outcomes: questioning masculinity model // *Pers. and Soc. Psychology. Bull.* 1995. V. 21. P. 285—295.
124. Bandura A. *Agression: A Social Learning Analysis*. N. J.: Prentice Hall Inc., Englewood Cliffs, 1973.
125. Bandura A., Walters R. *Social learning and personality development*. N. Y., 1965.
126. Barren J. Psychological and social function before and after phalloplasty // *Int. J. of Transgendered*. 1998. V. 2. № 1.
127. Bash K. W. Sex character of human movement answers in the Rorschach test in transsexual and transvestite patients // *Schweiz. Arch. Neurol. Neurochir. Psychiatr.* 1983. V. 132. № 2. P. 315—323.
128. Basoff E. S., Glass G. V. The relationship between sex-roles and mental health: A meta-analysis of twenty-six studies // *Counselling Psychologist*. 1982. V. 10. P. 105—112.
129. Baucom D. H., Aiken P. A. Sex role identity, marital satisfaction, and response to behavioral marital therapy // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1984. V. 51. № 3. P. 438—444.
130. Bem S. L. *Bem Sex-Role Inventory*, Palo Alto. CA: Consulting Psychologists Press, 1981.
131. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. № 42. P. 155—162.
132. Bem S. L. Beyond androgyny: Some presumptions prescriptions for a liberal sexual identity // *Psychology of women; future directions and research* / Eds. J. Sherman, F. Denmark. N. Y.: Psychological dimensions, 1978.
133. Bem S. Sex role adaptability – one consequence of psychological androgyny // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1975. № 31. P. 634—643.
134. Blanchard R., Clemmensen L. H., Steiner B. W. Social desirability response set and systematic distortion in the self-report of adult male gender patients // *Arch. Sex Behav.* 1985. V. 14. № 6. P. 505—516.
135. Bodlund O., Armelius K. Self-image and personality traits in gender identity disorders: an empirical study // *J. Sex Marital Ther.* 1994. V. 20. № 4. P. 303—317.
136. Bramel D. A dissonance theory approach to defensive projection // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1962. № 64. P. 121—129.
137. Bramel D. Selection of a target for defensive projection // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. № 66. P. 318—324.
138. Brittain R. The Sadistic Murderer // *Medicine, Science and the Law*. 1970. V. 10. P. 198—207.
139. Brody L., Muderrisoglu S., Nakash-Eisikovits O. *Emotions, Defenses, and Gender, The Psychodynamics of Gender and Gender Role*. Washington, D. C., American Psychological Association, 2002. P. 204—208.
140. Buhrich N., McConaghy N. Tests of gender feelings and behavior in homosexuality, transvestism and transsexualism // *J. Clin. Psychol.* 1979. V. 35. № 1. P. 187—191.
141. Carsrud A. L., Carsrud K. B. The relationship of sex role and levels of defensiveness to self-reports of fear and anxiety // *J. Clin. Psychol.* 1979. V. 35 (3). P. 573—575.
142. Chodorow N. *The reproduction of motherings: Psychoanalysis and the sociology of gender*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978.
143. Cohen L., de Ruiter C., Ringelberg H., Cohen-Kettenis P. T. Psychological functioning of adolescent transsexuals: personality and psycho-pathology // *J. Chin. Psychol.* 1997. V. 53. № 2. P. 187—196.
144. Cohen-Kettenis P. T., van Goozen S. H. Sex reassignment of adolescent transsexuals: a follow-up study // *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry*. 1997. V. 36. № 2. P. 263—271.

145. Cohn L. D. Sex differences in the course of personality development: a meta-analysis // *Psychol. Bull.* 1991. V. 109. № 2. P. 252—266.
146. Cooper S. H. Changing notions of defense within psychoanalytic theory // *Journal of Personality.* 1998. № 66. P. 947—964.
147. Cramer P. Anger and the use of defense mechanisms in college students // *Journal of Personality.* 1991. № 59. P. 39—55.
148. Cramer P. Freshman to senior year: A follow-up study of identity, narcissism and defense mechanisms // *Journal of Research in Personality.* 1998. № 32. P. 156—172.
149. Cramer P. Identity, narcissism and defense mechanisms in late adolescence // *Journal of Research in Personality.* 1995. № 29. P. 341—361.
150. Cramer P. Identity, personality and defense mechanisms: An observer-based study // *J. of Research in Personality.* 1997. № 31. P. 58—77.
151. Cramer P. The development of defense mechanisms: Theory, research, and assessment. New York: Springer-Verlag, 1991.
152. Cramer P. The Study of Defense Mechanisms: Gender Implications, The Psychodynamics of Gender and Gender Role. Washington, D. C., American Psychological Association, 2002. P. 81—121.
153. Cramer P. Threat to gender representation: identity and identification // *J. of Personality.* 1998. № 66. P. 335—357.
154. Cramer P. & Blatt S. J. Use of the TAT to measure change in defense mechanisms following intensive psychotherapy // *Journal of Personality Assessment.* 1990. № 54. P. 236—251.
155. Cramer P. & Block J. Preschool antecedents of defense mechanism use in young adulthood // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1998. № 74. P. 159—169.
156. Cramer P. & Carter T. The relationship between sexual identification and the use of defense mechanisms // *Journal of Personality Assessment.* 1978. № 42. P. 63—73.
157. Cramer P., Gaul R. The effects of success and failure on children's use of defense mechanisms // *Journal of Personality.* 1988. № 56. P. 729—742.
158. DeGregorio E., Carver C. S. Type A behavior pattern, sex role orientation, and psychological adjustment // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1980. V. 39. № 2. P. 286—293.
159. Deutsch H. The psychology of women. New York Grune & Stratton, 1944.
160. Dohi I. A comparison of two models of gender-related schematic processing // [Article in Japanese] *Shin-rigaku Kenkyu.* 1994. V. 65 (1). P. 61—66.
161. Dunbar F. H. Psychosomatic diagnosis. N. Y.; London, 1948.
162. Dvorianchikov N., Nosov S. Gender aspects of psychological defenses of adolescents. Book of Abstracts of XVII World Congress of Sexology, July – 10—15, 2005. Montreal, Canada. P. 2607.
163. English O. S. & Finch S. M. Introduction to psychiatry. N. Y.: Norton, 1964.
164. Erikson E. H. Identity and the life cycle (E. Erikson ed.) N. Y.; London: Norton, 1980.
165. Erikson E. H. Identity: Youth and crisis. N. Y.: W. W. Norton, 1968.
166. Evans R. G. Defense mechanisms in females as a function of sexrole orientation // *Journal of Clinical Psychology.* 1982. № 38. P. 816—817.
167. Feingold A. Gender differences in personality: a meta-analysis // *Psychol. Bull.* 1994. V. 116. № 3. P. 429—456.
168. Fleming M. Z., Jenkins S. R., Bugarin C. Questioning current definitions of gender identity: implications of the Bem Sex-Role Inventory for transsexuals // *Arch. Sex. Behav.* 1980. V. 9. № 1. P. 13—26.
169. Folkman S., Lazarus R. S., Pimley S. & Novacek J. Age differences in stress and coping processes. *Psychology and Aging.* 1987. № 2. P. 171—184.

170. Freud S. The psychology of women. In J. Strachey (Ed. & Trans.). The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. London: Hogarth, Vol. 22. 1932. P. 112—135.
171. Gleser G. C. & Ihilevich D. An objective instrument for measuring defense mechanisms // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1969. № 33. P. 51—60.
172. Grambs J. D., Waetjen W. B. Sex: Does it make a difference? Dux-bury: Belmont, Calif., 1975.
173. Groth A. N. The adolescent sexual offender and his prey // Int. J. of Offender Therapy and Comparative Criminology. 1977. V. 21 (3). P. 249—254.
174. Grubin D. Predictors of risk in serious sex offenders // British. J. of Psychiatry. 1997. V. 72. Supl. 32.
175. Hartman B. J. Comparison of selected experimental MMPI profiles of sexual deviates and sociopaths without sexual deviation // Psychol. Rep. 1967. V. 20 (1). P. 234.
176. Fleibrun A. Human sex-role behavior. N. Y.: Pergamon Press, Emory University, 1981. P. 19—167.
177. Heibrun A. B. Measurement of masculine and feminine sex-role identities as independent dimensions // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1976. V. 44. P. 183—190.
178. Helgeson V. S. & Fritz H. L. Unmitigated agency and unmitigated communion: Distinctions from agency and communion // Journal of Research in Personality. 1999. № 33. P. 131—158.
179. Hellman R. E., Green R., Gray J. L., Williams K. Childhood sexual identity, childhood religiosity, and «homophobia» as influences in the development of trans-sexualism, homosexuality, and heterosexuality // Arch. Gen. Psychiatry. 1981. V. 38. № 8. P. 910—915.
180. Herkov M. J., Gynther M. D., Thomas S., Myers W. C. MMPI differences among adolescent inpatients, rapists, sodomists, and sexual abusers // J. of Pers. Assessment. 1996. V. 66 (1). P. 81—90.
181. Hunt D. D., Carr J. E., Hampson J. L. Cognitive correlates of biologic sex and gender identity in transsexualism // Arch. Sex Behav. 1981. V. 10. № 1. P. 65—77.
182. Ingram R. E., Cruet D., Johnson B. R., Wisnicki K. S. Self-focused attention, gender, gender role, and vulnerability to negative affect // J. Pers. Soc. Psychol. 1988. V. 55 (6). P. 967—978.
183. Ishida E. Cognition-correlation indices of gender schema: tests of validity // [Article in Japanese] Shinrigaku Kenkyu. 1994. V. 64 (6). P. 417—425.
184. Johnson M. E., Jones G., Brems C. Concurrent validity of the MMPI – 2 feminine gender role (GF) and masculine gender role (GM) scales // J. of Pers. Assessment. 1996. V. 66 (1). P. 153—168.
185. Kagan J. The concept of identification // Psychol. Rev. 1958. V. 65. P. 296—305.
186. Koestner R., Aube J. A multifactorial approach to the study of gender characteristics // J. of Pers. 1995. V. 63 (3). P. 681—710.
187. Kohlberg L. A cognitive developmental analysis of children's sex role concepts and attitudes // The development of sex differences / Ed. E. Maccoby. Stanford: Stanford Univ. Press, 1966.
188. Langevin R., Bain J., Ben-Aron M. et al. Sexual Agression: Construction a Predictive Equation / Erotic Preference, Gender Identity and Agression in Men / Ed. R. Langevin. N. J.: Lowrence Erlbaum, 1985. P. 39—76.
189. Larson P. C. Sexual identity and self-concept // J. Homosex. 1981. V. 7 (1). P. 15—32.
190. Lauster P. Lassen Sie sich nichtsgefallen. (P. Lauster Neuausg.). Düsseldorf: ECON Taschenbuch Verl., Cop. 1989. P. 129.
191. Lazarus R. S. Patternsof adgustment. N. Y.: Grau-Hill, 1976.
192. Lenz E. R., Soeken K. L., Rankin E. A., Fischman S. H. Sex-role attributes, gender, and postpartal perceptions of the marital relationship // ANS Adv. Nurs. Sci. 1985. V. 7. № 3. P. 49—62.

193. Levit D. U. Gender differences in ego defenses in adolescence: Sex roles as one way to understand the differences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 61. P. 992—999.
194. Llandrich J. O., Rodrigues I. E. Ambivalencia y contradicción en la sexualidad del esquisofrenico. In *Abstracts 13 world congress of sexology Sexuality and Human Rights 25—29 June. Valencia Spain, 1997*.
195. Lobel T. E., Winch G. L. Different defense mechanisms among men with different sex role orientations // *Sex Roles*. 1986. № 15. P. 215—220.
196. Maccoby E. E., Jacklin C. N. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1974.
197. Magnussen D. Holistic interactionism: a perspective for research on personality development // *Handbook of personality: theory and research (second ed.)* / Eds. L. A. Pervin, O. P. John. N. Y.: The Guilford Press, 1999. Chapt. 8. P. 219—247.
198. Markus H., Wurf E. The Dynamic Self-concept: A Social Psychological Perspective // *Ann. Rev. Psychol.* 1987. № 38. P. 300—327.
199. Marone P., Lacoella S., Cecchini M. G., Ravenna A. R. *An Experimental Study of Body Image and Perception in Gender Identity Disorders*. N. Y., 1998.
200. Masters W., Johnson V. *Human sexual inadequacy*. Boston: Little, Brown, 1972.
201. Matteson D. R. *Adolescence today: Sex-roles research for identity*. Homewood, 111: Dorsey, 1975.
202. McCauley E. A., Ehrhardt A. A. Role expectations and definitions: a comparison of female transsexuals and lesbians // *J. Homosex.* 1977. V. 3. № 2. P. 137—147.
203. Michel W. A. Social learning view of sex differences in behavior // *The development of sex differences* / Ed. E. Maccoby. Stanford: Stanford Univ. Press, 1974.
204. Money J. Paraphilias: Phenomenology and Classification // *Amer. J. of Psychotherapy*. 1984. V. XXXVIII. № 2.
205. Nolen-Hoeksema S. Sex differences in unipolar depression: Evidence and theory // *Psychological Bulletin*. 1987. № 101. P. 259—282.
206. O'Heron C. A., Orlofsky J. L. Stereotypic and nonstereotypic sex role trait and behavior orientations, gender identity, and psychological adjustment // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1990. V. 58 (1). P. 134—143.
207. Parkes K. Coping, negative affectivity, and the work environment: Additive and interactive predictors of mental health // *Journal of Applied*. 1990.
208. Parsons T., Bales R. F. *Family, socialization, and interaction process*. Glencoe, 111.: Free Press, 1955.
209. Perdue W. C., Lester D. Personality characteristics of rapists // *Percept. Mot. Skills*. 1972. V. 35 (2). P. 514.
210. Pleck J. H., Sawyer J. (eds.) *Men and masculinity*. N. J.: Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1974.
211. Podshivalov K. V. Diagnostics of interrelations of family roles. Self-concept and sexual disorders in male personalities // *Abstracts of the 13-world congress of sexology Sexuality and Human Rights 25—29 June. Valencia, Spain, 1997*.
212. Rekers G. A. (ed.) *Handbook of Child, and Adolescent Sexual Problems*. N. Y., 1995.
213. Ruggieri V., Galati D., Lombardo G. Processi di costruzione dell'immagine corporea. Rapoorti con il narcisismo // *Realta e Prospettive in Psicofisiologia*. 1993. № 5, 6, 7. P. 71—90.
214. Sanfilipo M. P. Masculinity, femininity, and subjective experiences of depression // *J. Clin. Psychol.* 1994. V. 50 (2). P. 144—157.
215. Shim S., Kotsiopulos A. Body cathexis of adult men and women: Effects of age and numbers of children // *Percept. and Mot. Skills*. 1990. V. 70. № 3. P. 880—882.

216. Smith G. J. W., Danielsson A. From open flight to symbolic and perceptual tactics: A study of defense in preschool children // *Scripta minora* (Publications of the Royal Society of Letters at Lund). 1977. № 3. P. 1—41.
217. Smith W. P., Rossman B. B. R. Developmental changes in trait and situational denial under stress during childhood // *Journal of Child Psychiatry*. 1986. № 27. P. 227—235.
218. Spence J. T. Gender-related traits and gender ideology: evidence for a multifactorial theory // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1993. V. 64 (4). P. 624—635.
219. Spence J. T. Masculinity, femininity and gender related traits: A conceptual analysis and critique of current research // *Progress in Exp. Pers. Research*. 1984. V. 13. P. 1—97.
220. Steinman A., Fox D. J. *The male dilemma: How to survive sexual revolution*. N. Y.: Jason Aronson, 1974.
221. Stephan W. D. Parental relationships and early social experiences of activist males homosexuals and males heterosexuals // *J. of Abnormal Psychology*. 1973. V. 82. P. 506—613.
222. Suarez S. A., Villanova F. G., Lopex J. P. *The Homosexual Personality: Study Made with MMPI* // Abstracts of the X-th World congress of Psychiatry. Madrid, Spain, August 23—28, 1996.
223. Tailor M. C., Hall J. A. Psychological androgyny: Theories, methods and conclusions // *Psychol. Bull.* 1982. V. 92. P. 347—366.
224. Thompson N. L. Jr., Schwartz D. M., McCandless B. R., Edwards D. A. Parent-child relationships and sexual identity in male and female homosexuals and heterosexuals // *J. of Consulting and Clin. Psychol.* 1973. V. 41. P. 120—127.
225. Vaillant G. E. *The wisdom of the Ego*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
226. Vaillant G. E. Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms // *Archives of General Psychiatry*. 1971. № 24. P. 107—118.
227. Vaillant G. E. *Adaptation to life*. Boston: Little, Brown, 1977.
228. Vaillant G. E. Natural history of male psychological health: V. The relation of choice of ego mechanisms of defense to adult adjustment // *Archives of General Psychiatry*. 1976. № 33. P. 535—545.
229. White R. W. *The abnormal personality: A textbook*. N. Y.: Ronald Press, 1948.
230. Whitley B. E. Jr. Sex-role orientation and psychological well-being. Two meta-analyses // *Sex-roles*. 1984. V. 12. P. 207—220.
231. Wood W., Christensen P. N., Hebl M. R., Rothgerber H. Conformities to sex-typed norms, affect, and self-concept // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1997. V. 73 (3). P. 523—535.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стимульный материал, тексты методик, образцы бланков

Приложение 1. Бланк «МиФ» для взрослых

**Завершите предложение словом, стоящим в скобках.
Справа отметьте вариант ответа, который соответствует
наибольшей степени.**

		На сколько	
		<i>всегда</i> <i>да</i>	<i>никогда</i> <i>нет</i>
1	... терпимый		
2	... смелый		
3	... кроткий		
4	... ответственный		
5	... ершистый		
6	... опрятный		
7	... здравомыслящий		
8	... проворный		
9	... слабый		
10	... справедливый		
11	... крепкий		
12	... любезный		
13	... великодушный		
14	... отважный		

Завершите предложение словом, стоящим в левом ряду. Справа отметьте вариант ответа, который, по Вашему мнению, подходит в наибольшей степени.										Ф. И. О. _____ Год рождения _____ Дата исследования _____									
		Женщины считают, что я...				Женщина должна быть...				Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...				Мой реальный сексуальный партнер...					
		всег да	обычн о	иногда	никогда а	всег да	обычн о	иногда	никогда а	всег да	обычн о	иногда	никогда а	всег да	обычн о	иногда	никогда а		
1	... терпимый																		
2	... смелый																		
3	... кроткий																		
4	... ответственный																		
5	... ершистый																		
6	... опрятный																		
7	... здравомыслящий																		
8	... проворный																		
9	... слабый																		
10	... справедливый																		
11	... крепкий																		
12	... любезный																		
13	... великодушный																		
14	... отважный																		
15	... ласковый																		
16	... самостоятельный																		
17	... вторгающийся																		
18	... робкий																		
19	... доброжелательный																		
20	... решительный																		
21	... нежный																		
22	... волевой																		

Приложение 2. Бланк «МиФ» для подростков

Заверши предложение словом, стоящим в левом ряду. Справа отметь вариант ответа, который, по твоему мнению, подходит в наибольшей степени.										Ф. И. О. _____ Год рождения _____ Дата исследования _____									
		На самом деле я...				Мальчик должен быть...				Хотелось бы, чтобы я был...				Мальчики считают, что я...					
		всег да	обычн о	иногда	никогда а	всег да	обычн о	иногда	никогда а	всег да	обычн о	иногда	никогда а	всег да	обычн о	иногда	никогда а		
1	... терпимый																		
2	... смелый																		
3	... кроткий																		
4	... ответственный																		
5	... ершистый																		
6	... опрятный																		
7	... здравомыслящий																		
8	... проворный																		
9	... слабый																		
10	... справедливый																		
11	... крепкий																		
12	... любезный																		
13	... великодушный																		
14	... отважный																		
15	... ласковый																		
16	... самостоятельный																		
17	... вторгающийся																		
18	... робкий																		
19	... доброжелательный																		
20	... решительный																		
21	... нежный																		
22	... волевой																		

Заверши предложение словом, стоящим в левом ряду. Справа отметь вариант ответа, который, по твоему мнению, подходит в наибольшей степени.								Ф. И. О. _____ Год рождения _____ Дата исследования _____									
		Девочки считают, что я...				Девочка должна быть...				Обычно девочки...				Обычно мальчики...			
		всег да	обычн о	иного да	никогд а	всег да	обычн о	иного да	никогд а	всегда	обычн о	иного да	никогд а	всег да	обычн о	иного да	никогд а
1	... терпимый																
2	... смелый																
3	... кроткий																
4	... ответственный																
5	... ершистый																
6	... опрятный																
7	... здравомыслящий																
8	... проворный																
9	... слабый																
10	... справедливый																
11	... крепкий																
12	... лобезный																
13	... великодушный																
14	... отважный																
15	... ласковый																
16	... самостоятельный																
17	... вторгающийся																
18	... робкий																
19	... доброжелательный																
20	... решительный																
21	... нежный																
22	... волевой																

Приложение 3. Образец протокола к методике «ЦТО» с перечнем слов для исследования полового самосознания

Ф. И. О.		г. р.	Выбор цвета (Люшер)								
дата											
1	Друзья		36	Враги							
2	Ребенок		37	Надежда							
3	Семья		38	Настоящее							
4	Тревога		39	Прошлое							
5	Боль		40	Секс							
6	Опасность		41	Безопасность							
7	Радость		42	Одиночество							
8	Горе		43	Счастье							
9	Унижение		44	Ид. секс, партнер							
10	Удовольствие		45	Неудовольствие							
11	Слабость		46	Сила							
12	Смерть		47	Жизнь							
13	Нежность		48	Грубость							
14	Решительность		49	Нерешительность							
15	Будущее		50	Реальн. секс, партнер							
16	Вина		51	Стыд							
17	Мать		52	Мужчина							
18	Успех		53	Неуспех							
19	Страх		54	Веселье							
20	Вспыльчивость		55	Уравновешенность							
21	Отец		56	Женщина							
22	Власть		57	Боязнь							
23	Люди		58	Девочка							
24	Мальчик		59	Сочувствие							
25	Доверие		60	Злоба							
26	Неприятный человек		61	Приятный человек							
27	Друг		62	Спокойствие							
28	Холод		63	Тепло							
29	Риск		64	Испуг							
30	Я		65	Не похож на меня							
31	Доброжелательность		66	Угроза							
32	Избегаю быть таким		67	Я-идеал							
33	Зло		68	Добро							
34	Привлекательность		69	Непривлекательность							
35	Пассивность		70	Активность							

№ цвет

1 синий

2 зеленый

3 красный

4 желтый

5 фиолетовый

6 коричневый

7 черный

0 серый

Приложение 4. Образец протокола к методике «Кодирование» для исследования полового самосознания

Ф. И. О.					пол	
г. р.					дата.	
	МУЖЧИНА	РЕБЕНОК	ЖЕНЩИНА	Я		
НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ ПРЕДМЕТ						
ТРАВЯНИСТОЕ РАСТЕНИЕ						
ДЕРЕВО						
ЖИВОТНОЕ						
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ						
ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ФИГУРА						
СКАЗОЧНЫЙ ПЕРСОНАЖ						
АМПУЛА АРТИСТА ЦИРКА						

Приложение 5. Образец протокола к модифицированной методике «Пиктограммы» для исследования полового самосознания

Ф. И. О.

г. р.

Инструкция: «Теперь проверим вашу память. Будут названы слова и целые выражения, которые необходимо запомнить. Для того чтобы облегчить запоминание, на каждое слово нужно нарисовать рисунок, все равно какой, но так, чтобы он помог вам вспомнить названное слово. Качество рисунка не имеет никакого значения, важно лишь, чтобы он помог вам при запоминании. Слова и буквы писать нельзя».

№	Слова	Что нарисовано. Объяснение	Лат. Т (в сек.)	Воспроизведение
1	Сладкий десерт			
2	Смелый поступок			
3	Совет			
4	Семейный очаг			
5	Противоборство			
6	Опрятный вид			
7	Обида			
8	Конструктор			
9	Ревность			
10	Красивая кукла			
11	Высокий риск			
12	Ласковый ветер			
13	Загадка			
14	Строгий приказ			
15	Вязаный свитер			

Приложение 6. образец протокола к методике «ФПО» (фигура – поза – одежда)

Му жск ие каче ства	Ж ен ск ие каче ства	Ид ен ти фи ка ция	Секс уаль ная прив лека тель ность	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие каче ства	Ж ен ск ие каче ства
1	1
2	2
3	3
4	4

Му жск ие каче ства	Ж ен ск ие каче ства	Ид ен ти фи ка ция	Секс уаль ная прив лека тель ность	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие каче ства	Ж ен ск ие каче ства
1	1
2	2
3	3
4	4

Му жск ие каче ства	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

Му жск ие каче ства	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

Му жск ие каче ства	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

Му жск ие каче ства	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	Ид еа л
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

М уж ск ие ка че ст ва	Ж ен ск ие ка че ст ва	Ид ен ти фи ка ци я	Секс уаль ная прив лека тель ност ь	И де ал
1	1	1	1	1
2	2	2	2	2
3	3	3	3	3
4	4	4	4	4

Приложение 6.1. Бланк к методике «ФПО» (фигура – поза – одежда)

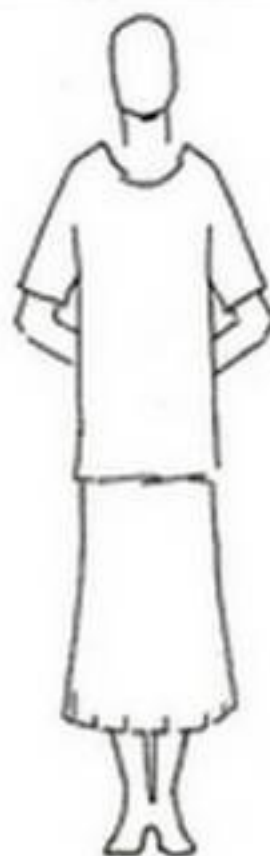
Испытуемый

Т1М					Т2М					П1М				
Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал
Т1Н					Т2Н					П1Н				
Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал
Т1Ж					Т2Ж					П1Ж				
Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал

П2М					О1М					О2М				
Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал
П2Н					О1Н					О2Н				
Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал
П2Ж					О1Ж					О2Ж				
Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал	Мужские качества	Женские качества	Идентификация	Сексуальная привлекательность	Идеал

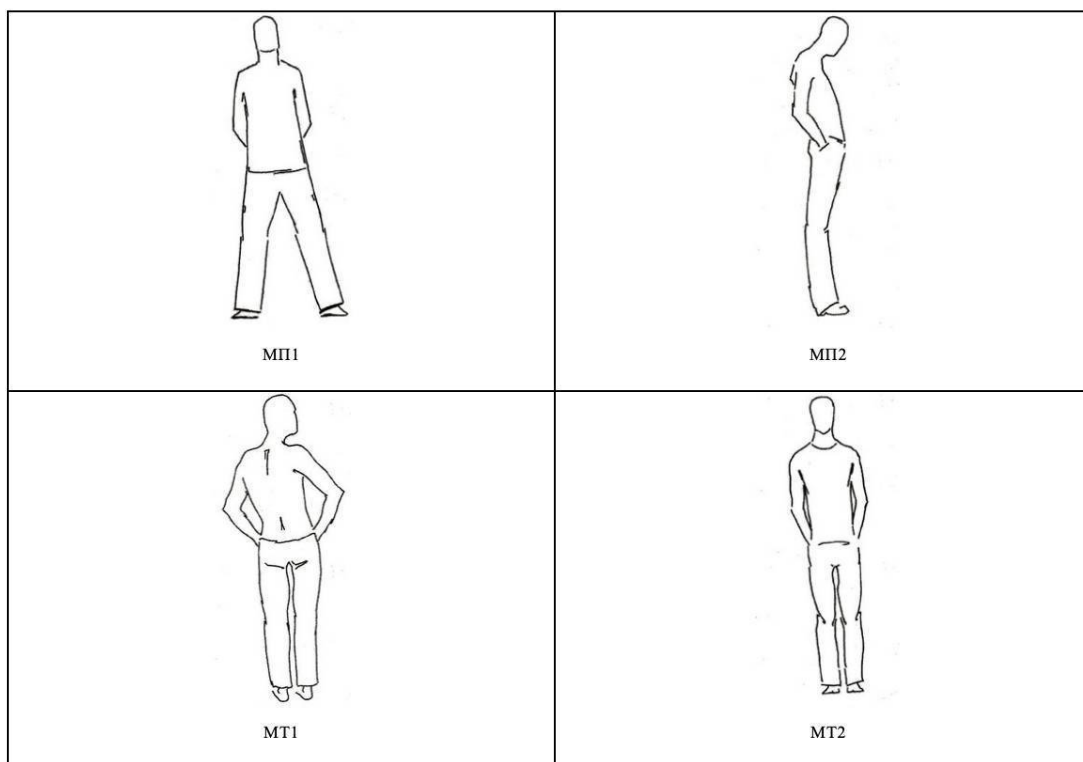
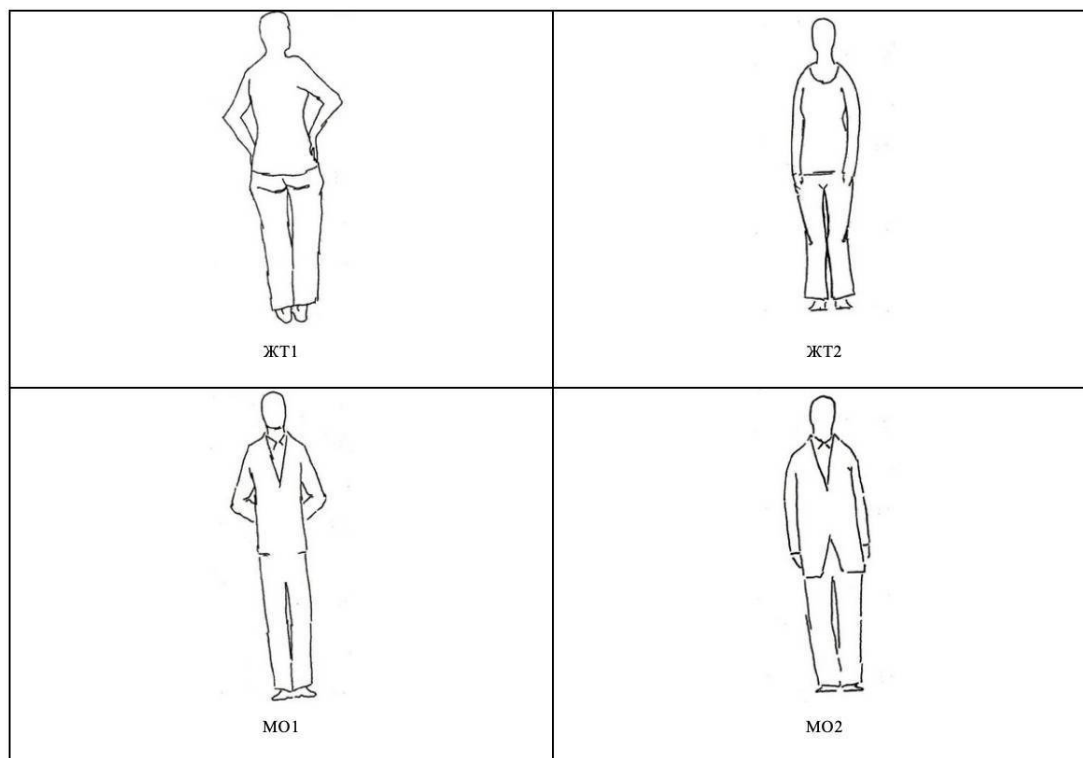
Приложение 7. Стимульный материал к методике «ФПО»

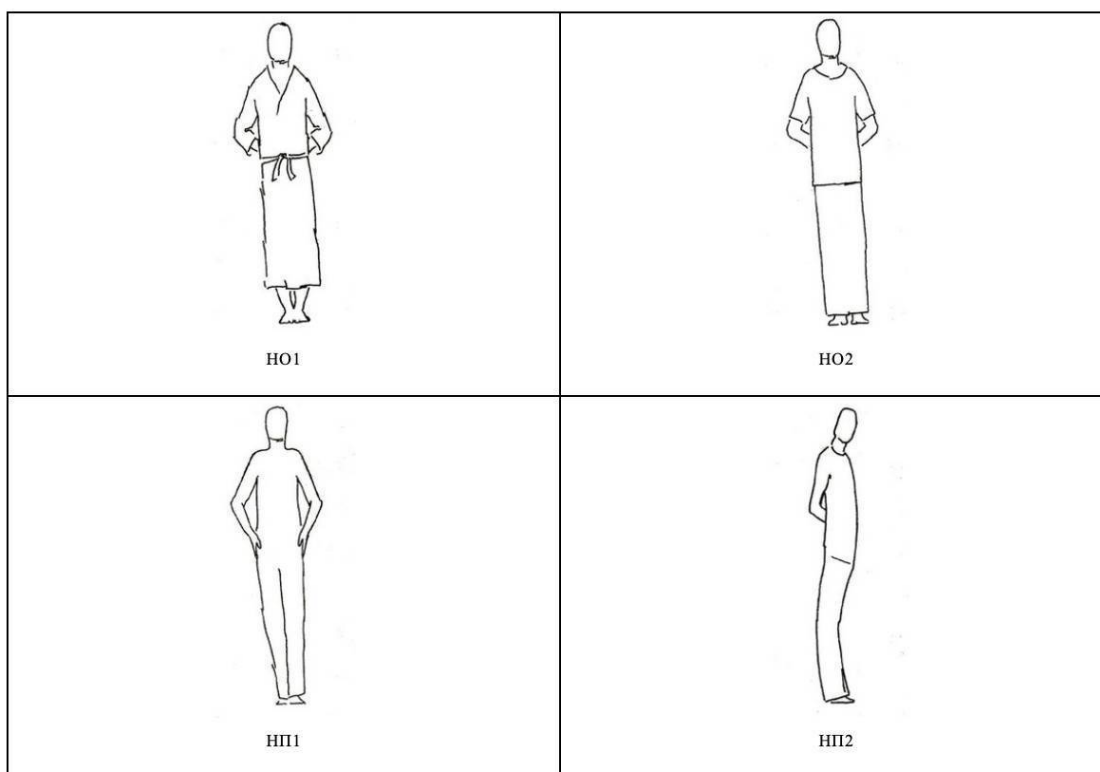
(фигура – поза – одежда)

ЖО1

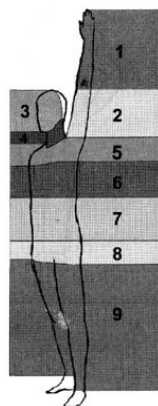

- М — изображение мужчины,
 Ж — изображение женщины,
 Н — недифференцированное по полу изображение,
 Т — элементы фигуры (тело),
 О — элементы одежды,
 П — элементы позы,
 1 или 2 — номер серии.

Приложение 8. Стимульный материал к методике «Сегменты»

Приложение 9. Образец регистрационного бланка методики «Сегменты»

Фамилия И. О.

г. р.

пол

Инструкция 1:

Перед Вами схематичное изображение человеческого тела, на котором выделены различные зоны. Вам нужно оценить важность и значимость этих зон с помощью процедуры попарного их сравнения. Бланк состоит из множества ячеек, в каждой из которых стоят две цифры. Это номера зон, которые в данном конкретном случае следует сравнивать. Например, в первом столбце нужно сравнивать первую зону (это область руки до локтя) со всеми остальными. Номер зоны, которую Вы считаете более важной и значимой, обводите кружком.

№ предъявления ____

1 2				
1 3	2 3			
1 4	2 4	3 4		
1 5	2 5	3 5	4 5	
1 6	2 6	3 6	4 6	5 6
1 7	2 7	3 7	4 7	5 7
1 8	2 8	3 8	4 8	5 8
1 9	2 9	3 9	4 9	5 9
1 10	2 10	3 10	4 10	5 10
1 11	2 11	3 11	4 11	5 11
1 12	2 12	3 12	4 12	5 12
1 13	2 13	3 13	4 13	5 13

Фамилия И. О.

Инструкция 2:

_____ г. р. _____ пол _____
 Теперь Вам необходимо с помощью такой же процедуры оценить важность и значимость данных частей тела в ситуации сексуального взаимодействия (обратите внимание, что оцениваются зоны Вашего тела, а не сексуального партнера).

№ предъявления ____

1 2				
1 3	2 3			
1 4	2 4	3 4		
1 5	2 5	3 5	4 5	
1 6	2 6	3 6	4 6	5 6
1 7	2 7	3 7	4 7	5 7
1 8	2 8	3 8	4 8	5 8
1 9	2 9	3 9	4 9	5 9
1 10	2 10	3 10	4 10	5 10
1 11	2 11	3 11	4 11	5 11
1 12	2 12	3 12	4 12	5 12
1 13	2 13	3 13	4 13	5 13

Фамилия И. О. _____ г. р. _____ пол _____
 Инструкция 3: Здесь необходимо оценить важность и значимость данных частей тела в ситуации взаимодействия с лицами одного с Вами пола.

№ предъявления ____

1 2												
1 3	2 3											
1 4	2 4	3 4										
1 5	2 5	3 5	4 5									
1 6	2 6	3 6	4 6	5 6								
1 7	2 7	3 7	4 7	5 7	6 7							
1 8	2 8	3 8	4 8	5 8	6 8	7 8						
1 9	2 9	3 9	4 9	5 9	6 9	7 9	8 9					
1 10	2 10	3 10	4 10	5 10	6 10	7 10	8 10	9 10				
1 11	2 11	3 11	4 11	5 11	6 11	7 11	8 11	9 11	10 11			
1 12	2 12	3 12	4 12	5 12	6 12	7 12	8 12	9 12	10 12	11 12		
1 13	2 13	3 13	4 13	5 13	6 13	7 13	8 13	9 13	10 13	11 13	12 13	

Фамилия И. О. _____ г. р. _____ пол _____
 Инструкция 4: _____
 Теперь необходимо оценить важность и значимость данных частей тела в ситуации взаимодействия с лицами противоположного пола

№ предъявления _____

1 2												
1 3	2 3											
1 4	2 4	3 4										
1 5	2 5	3 5	4 5									
1 6	2 6	3 6	4 6	5 6								
1 7	2 7	3 7	4 7	5 7	6 7							
1 8	2 8	3 8	4 8	5 8	6 8	7 8						
1 9	2 9	3 9	4 9	5 9	6 9	7 9	8 9					
1 10	2 10	3 10	4 10	5 10	6 10	7 10	8 10	9 10				
1 11	2 11	3 11	4 11	5 11	6 11	7 11	8 11	9 11	10 11			
1 12	2 12	3 12	4 12	5 12	6 12	7 12	8 12	9 12	10 12	11 12		
1 13	2 13	3 13	4 13	5 13	6 13	7 13	8 13	9 13	10 13	11 13	12 13	